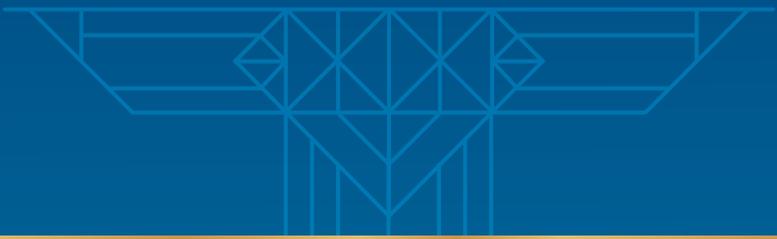

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Москва
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
2025

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Сборник материалов
Международного круглого стола,
посвященного 135-летию отечественного философа
и психолога и выходу первого тома работ
Сергея Леонидовича Рубинштейна
из планируемого трехтомного собрания
его сочинений

Под редакцией В.Н. Белова

Москва, РУДН, 17 сентября 2024 года

Москва
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
2025

УДК 1:001(47)Рубинштейн(063)
ББК 87д+88(2)6Рубинштейн С.Л.
Ф56

Ф56 **Философское наследие С. Л. Рубинштейна** : сборник материалов Международного круглого стола, посвященного 135-летию отечественного философа и психолога и выходу первого тома работ Сергея Леонидовича Рубинштейна из планируемого трехтомного собрания его сочинений. Москва, РУДН, 17 сентября 2024 года / под редакцией В. Н. Белова. – Москва : РУДН, 2025. – 182 с.

ISBN 978-5-209-12522-8

В сборнике представлены работы международного коллектива авторов, посвященные различным аспектам творчества выдающегося отечественного философа и психолога, методолога науки С.Л. Рубинштейна. В статьях сборника произведен анализ главных современных тенденций в исследовании творчества Рубинштейна, подчеркнута актуальность его идей для современного этапа развития гуманитарной науки.

УДК 1:001(47)Рубинштейн(063)
ББК 87д+88(2)6Рубинштейн С.Л.

ISBN 978-5-209-12522-8

© Коллектив авторов; под ред. В.Н. Белова, 2025
© Оформление. Российский университет дружбы народов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТИЕ КРУГЛОГО СТОЛА. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА	4
Приветственное слово ректора РУДН О.А. Ястребова.....	4
Приветственное слово академика РАН А.А. Гусейнова.....	6
Приветственное слово академика РАН В.А. Лекторского.....	10
Приветственное слово академика РАО К.А. Абульхановой-Славской.....	13
Приветственное слово помощника президента РУДН Н.С. Кирабаева.....	15
ДОКЛАДЫ КРУГЛОГО СТОЛА	18
<i>Белов Владимир Николаевич. Этическая концепция С.Л. Рубинштейна</i> ...	18
<i>Zhivkov Nikolay, Zhivkov Nikola. Sergey Leonidovich Rubinstein about Mental Activity and Human Consciousness</i>	41
<i>Карпов Анатолий Викторович. Когнитивные механизмы психики в контексте научного наследия С.Л. Рубинштейна</i>	59
<i>Логина Наталья Анатольевна. Сергей Леонидович Рубинштейн и Петербургская психологическая школа</i>	69
<i>Мазилев Владимир Александрович. С.Л. Рубинштейн в 1930-е годы: философ, спасший и сохранивший психологию</i>	80
<i>Няголова Марияна Димитрова. Современные тенденции в исследованиях творчества С.Л. Рубинштейна</i>	114
<i>Семенов Игорь Никитович. Героизм жизнедеятельности философа- психолога С.Л. Рубинштейна и драматизм развития его научной школы субъектно-экзистенциального человекознания</i>	118
<i>Серова Ольга Евгеньевна. Сергей Леонидович Рубинштейн: личность ученого в свете новых источников научной информации</i>	162
<i>Чеснокова Милена Григорьевна. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному в творчестве С.Л. Рубинштейна</i>	174

ОТКРЫТИЕ КРУГЛОГО СТОЛА. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-4-5>

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА РУДН О.А. ЯСТРЕБОВА

Уважаемые коллеги, для меня большая честь открыть наш сегодняшний круглый стол, посвященный творчеству Сергея Леонидовича Рубинштейна, выдающегося отечественного философа и психолога, который принадлежал поколению начала XX века.

Сегодня мы имеем на руках первый том нового издания работ Рубинштейна, в котором рассматриваются философские проблемы понимания мира и человека, и называется эта работа «Человек и мир», а также интерес представляет его автобиография. Я хочу поблагодарить Институт философии Российской академии наук и факультет гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы за этот огромный труд.

С.Л. Рубинштейн шел своим особым путем, который был связан с осмыслением проблем всей мировой философии, преодолением деградации философского мышления в эпоху революции и позднего марксизма-ленинизма. Начал он свое философское образование в знаменитом Марбургском университете. И уже в 1920-х годах сформировал принципы построения своего будущего оригинального философского понимания бытия, которые затем апробировал и реализовал сначала в пространстве методологии психологии в 1930–40-е года, а затем в пространстве философии в 1950-е годы.

Сегодня на нашем кругом столе предполагается обсуждение творчества Рубинштейна как оригинального и глубокого философа, методолога наук, в том числе методолога психологии.

Стало расхожим мнение о маргинальности философского творчества ученого. Философия привлекает внимание Рубинштейна лишь в начале творческого пути и в его завершении, а зрелый период полностью посвящен исследованию проблем психологии.

Целью обсуждения является преодоление этого убеждения и обоснование мысли о едином пути Сергея Леонидовича на основе продуктивного взаимодействия философии и психологии в разработке основных проблем, связанных с пониманием человека, личности, творца.

Я благодарен редакционной коллегии издания: Васильевой Ольге Юрьевне, Гусейнову Абдусаламу Абдулкеримовичу, а также авторам-составителям под руководством академиком Ксении Александровны Абульхановой и Владислава Александровича Лекторского. Спасибо вам огромное за кропотливый труд по подготовке этого и последующих томов к изданию. Особую признательность хотелось бы выразить двум нашим известным философам – академикам Гусейнову Абдусаламу Абдулкеримовичу и Лекторскому Владиславу Александровичу, которые нашли время и возможность выступить на нашем круглом столе.

Предлагается широкое участие преподавателей, научных сотрудников университетов и академических институтов нашей страны, а также зарубежных коллег из Болгарии и других стран.

Спасибо большое за внимание.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА РАН
А.А. Гусейнова**

Уважаемые коллеги, спасибо за приглашение участвовать на круглом столе. Начну с такого эпизода. Ровно 15 лет назад Институт философии РАН проводил Всемирный день философии, у нас были гости со всего мира (около 100 человек). Мы принимали Международную федерацию философских обществ, в частности, я рассказывал о достижениях нашей философии во второй половине XX века, философии шестидесятников. Один из участников задал вопрос: «Скажите, пожалуйста, а какую книгу этого периода Вы бы рекомендовали к прочтению?» Я запнулся, но ответил, что скорее мог бы назвать целый ряд книг, которые дают определенный взгляд на мир. Тогда, честно признаться, я не знал так хорошо Рубинштейна, его работу, хотя она к этому времени уже вышла. А этим летом я, действительно, провел много времени, больше месяца, именно с этой книгой, вникая в нее, пытаюсь понять ее. Сейчас я бы не испытывал такого затруднения, и, конечно, назвал бы книгу Рубинштейна одной из первых, которые следует прочитать для того, чтобы познакомиться с новыми идеями, новым словом, которые предлагала наша отечественная философия этого периода.

Работа, которую мы сегодня обсуждаем, которую таким замечательным образом издал Российский университет дружбы народов, обладает несомненными признаками классического текста и претендует на то, чтобы получить честь числиться классическим философским текстом. Он имеет такую особенность, которая свойственна всем классическим текстам. Там продумано каждое слово. И даже иногда встречается такое странное словосочетание, которое кажется необычным, что автор ошибается, а когда начинаешь вникать, все оказывается точным и стоит на своем месте и как-то связано со всей системой его понятий.

Я продемонстрирую это на одном простом примере. Труд называется «Человек и мир», а за несколько лет до этого С.Л. Рубинштейн издал книгу «Бытие и сознание». Откуда этот переход от «бытия и сознания» к «человеку и миру»? Ведь бытие и сознание – это классические философские понятия, классическая философская формула, которая обозначает предмет философии, по крайней мере, одно из таких его направлений. Это связано не с тем, что это новый текст и другая книга, поэтому надо по-другому назвать и найти более точное выражение тому учению и тому пониманию философии, которое дает Сергей Леонидович.

Почему «человек и мир», а не «бытие и сознание»? Я могу ответить кратко, разделив свой ответ на три:

- 1) почему не бытие, а мир?
- 2) почему не сознание, а человек?
- 3) почему на первом месте стоит человек, а не мир?

Все это у него продумано и несет какую-то концептуальную нагрузку. Бытие, как бы его не понимать, оно всегда представляло собой часть мира, не весь мир, а часть мира. Уже начиная с Парменида, который определил бытие как предмет философской истины, бытие противопоставлялось ложному миру мнений, миру явлений. Разделение объективного истинного неизменного бытия и поверхностного внешнего изменчивого ложного мира явлений – это разделение в тех или иных формах всегда проходило в философии.

В конце XIX – начале XX века, когда возник переломный этап в философии, кризис философии, связанный с социальными изменениями и одновременно с революционными изменениями в науке, когда уже эти различия между макромиром и микромиром оказались не такими непроходимыми, когда человек проник в микромир, тогда эти абсолютные разделения между сущностью, бытием, той спрятанной частью мира и внешней оболочкой мира явлений, эти границы были поставлены под сомнение и требовался какой-то новый взгляд на мир. К этому процессу подключился и С.Л. Рубинштейн своей философией. Он теперь говорит не о бытии, а о бытии вместе с сущим, то есть с миром явлений в его

разнообразии, и одновременно туда же включает человека, который познает это сущее. Философия претендует на то, чтобы охватить этот мир в его целостности, который адекватно может быть представлен, если взять за точку не понятие бытия, а понятие мира. На первый взгляд, конечно, кажется, что это чисто литературное решение вопроса. Как можно назвать работу как нечто собирательное? Но нет, это несет определенную смысловую нагрузку.

Почему не сознание, а человек? Это тоже очень продуманная вещь, потому что сознания самого по себе, как какого-то предмета, как какой-то вещи не существует. Сознание всегда существует как некая способность, свойство, качество, предикат живого существа – человека, в связи с ним. Одна из дерзких формул Рубинштейна: бытие, сущее есть субъект. Только они обладают реальностью. Поэтому с миром взаимодействует, миру противостоит, с миром спорит, мир познает и так далее, не сознание, а человек, обладающий сознанием. И он принадлежит миру. С некоторым огрублением можно сказать, что в логике Рубинштейна человек является субъектом не потому, что он обладает сознанием, а сознанием он обладает потому, что является субъектом.

Человек и мир соотносятся таким образом, что человек не только заменяет сознание, тем самым придавая и самой познавательной гносеологической деятельности реальность, но и одновременно выходит на первое место – «человек и мир», а не «мир и человек». Это тоже продуманная позиция Рубинштейна, и он дает большое количество развернутых аргументов. Прежде всего он исходит из того, что чувственное познание, а он рассматривает его как взаимодействие тел, это материальный процесс, и оно лежит в основе всей его последующей мыслительной деятельности. Это одна сторона, и все, что дальше будет уже в мыслительной деятельности, все это только на базе этой чувственной, телесной основы, которая дана в чувственном опыте. Но, с другой стороны, эта чувственность является поверхностным слоем, за которым спрятана какая-то глубина, в котором сквозь щели,

сквозь провалы обнаруживается эта глубина. Там, говорит он, трансцендентного больше, чем имманентного. И эти два начала дают взгляд на мир, который, конечно, позволяет человека поставить на первое место.

Согласно Рубинштейну, истина всегда персонализирована, она всегда человеческая. Законы объективны, безличны, но истина всегда личностная, это всегда открытие, которое кто-то сделал. Поэтому, конечно, «человек и мир».

Все эти три слова действительно продуманы, это формула того понимания философии, которую предлагает Сергей Леонидович Рубинштейн. Я привожу это как иллюстрацию того, что это именно классический текст, который мало прочитывать, что, конечно, можно и нужно, хотя это почти невозможно просто взять и прочитывать, поскольку этот текст надо изучать, в него надо вникать, с ним надо спорить, его надо исследовать. Это очень серьезный и ответственный предмет.

Спасибо всему коллективу под руководством Владислава Александровича и Ксении Александровны, которые подошли к изданию этой книги с пониманием ее действительного значения.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА РАН
В.А. ЛЕКТОРСКОГО**

Сергея Леонидовича я застал. Я поступил в Институт философии Академии наук СССР в 1957 году в аспирантуру. Сергей Леонидович был тогда еще жив, выступал на Ученых советах, я его видел, и тогда, конечно, не понимал еще до конца все значение тех идей, которые он развивал. Однако уже было ясно, что это очень серьезная, значительная личность. А затем я стал читать его работы, сначала «Бытие и сознание», затем другие труды. Потом дело дошло и до книги «Человек и мир», которая была опубликована после смерти Сергея Леонидовича, уже в гораздо более поздние годы – в 1970-е. Но это было неполное издание, какие-то разделы этой работы впервые публикуются только сейчас. Тогда уже я понимал значение Сергея Леонидовича как удивительного человека, философа (он начинал как философ).

Он учился в Марбургской школе немецкого неокантианства. Тогда это было особое место, где и Пастернак примерно в то же время учился. Марбургское неокантианство делало основной упор на философский анализ математического естествознания; чтобы понять эти идеи, нужно было и в этих вещах разбираться. И Сергей Леонидович эти вещи знал хорошо. Потом он стал психологом. Есть мнение, что поскольку он был философом, а затем стал психологом, то философия была для него как хобби. Это не так. Вся его психологическая концепция базировалась на философских идеях. Он шел от неокантианства, потом разработал свою оригинальную философскую концепцию, которая была в основе той психологической школы, которую он создал.

Сергей Леонидович работал в Институте философии Академии наук заведующим сектором философских проблем психологии. Психологи, которые когда-то с ним работали, потом ушли в Институт психологии Академии наук, кото-

рый был создан уже после смерти Сергея Леонидовича. Они создали основу этого Института. Это были Ксения Александровна Абульханова-Славская и Андрей Владимирович Брушлинский, который стал директором этого Института. Это – школа Рубинштейна, психологическая и философская. Постепенно, читая Рубинштейна и перечитывая его, в том числе неопубликованные ранее работы, я пришел к выводу, который могу обосновать, что это был не только великий психолог, но и великий философ. До сих пор мы до конца, по-моему, не осознали его философских идей. Когда перечитываю его работы, в частности, не так давно снова перечитывал книгу «Человек и мир», я удивился тому, что это написано не просто основательно, со знанием философии, но со знанием и всех школ современной философии, а у нас никто так не знал, не только школы психологии, но и школы философии.

Это современная книга. Интенсивно и успешно развиваются когнитивные исследования, куда входят ряд дисциплин: когнитивная психология, когнитивная нейронаука, изучающая мозг, разработки в области искусственного интеллекта и другие. А для них основными проблемами являются проблемы философские. Разработка этих когнитивных проблем претерпела определенную эволюцию. Сейчас среди них наиболее популярный подход – это подход 4E. Если вы берете просто психику и внешний мир, из которого идет информация, и пытаетесь их понять, как это пытались понять раньше, вы ничего не поймете. Нужно понять простую вещь – дело не в отношении психики мира и сознания мира, а в том, что это сознание не как отдельная реальность существует, а оно включено в жизнь человека, в его взаимодействие с этим миром. Это парадигма 4E Cognition: нужно понимать сознание и познание (1) как отелесненные, (2) как связанные с действием, (3) включенные в мир, (4) расширенные, связанные с культурой, с ее предметами. Все эти идеи, постепенно осваиваемые сейчас, есть у Рубинштейна в книге «Человек и мир», которая является интересной и современной. Сам Рубинштейн был удивительным человеком, знал

все философские направления. Когда Рубинштейна уже не было в живых, а я писал свои философские тексты, и мне нужно было почитать Сартра «Бытие и ничто», которого не было на русском языке, я стал читать на французском и обратился к Ксении Александровне Абульхановой-Славской. Она дала мне экземпляр Рубинштейна, который читал эту книгу и оставлял пометки на полях. Он читал и знал все, что писалось в мире, он критически осваивал все современные концепции, знал все психологические школы. В 1940 году издал книгу «Основы общей психологии», которая содержит анализ всех психологических разработок в мире, которые в то время были. В 1942 году во время войны Рубинштейн получил Сталинскую премию за эту книгу.

Рубинштейн был человеком огромной эрудиции, который, зная всё, поднимался выше этого знания, пытался основать, осознать, переварить и создать свою концепцию.

Издание книги «Человек и мир» в полном объеме – это великое дело, как и будущие публикации работ Рубинштейна, не изданные до сих пор на русском языке. Мы поняли, но не до конца еще осознали, что в наше время жил такой великий мыслитель. Действительно, когда мы издавали серию «Философия России второй половины XX в.», один ее специальный том был посвящен Рубинштейну, его философским идеям. Но это еще не все, мы будем двигаться дальше, будем осваивать эти идеи. Я считаю, что произошло очень важное событие в нашей жизни, культуре, философии и науке – издание первого тома работ Сергея Леонидовича Рубинштейна. Я благодарен за то, что это стало возможным.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА РАО
К.А. АБУЛЬХАНОВОЙ-СЛАВСКОЙ**

Благодарю руководство Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы в лице ректора Олега Александровича Ястребова и инициативное сообщество издателей «Философского наследия С.Л. Рубинштейна» за публикацию первого тома его трудов и организацию данного круглого стола. Приветствую сподвижников данного издания, мэтров отечественной философии, академиков Российской академии наук Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и Владислава Александровича Лекторского. Сегодня они являются живыми участниками и свидетелями эпохи, в которой жил и творил Сергей Леонидович Рубинштейн.

Они могут судить о смелости и значении его философского труда в условиях запрета на мысль. Им принадлежит заслуга сохранения самой философии. От души приветствую участников круглого стола, которые сочли возможным продолжить диалог о многогранном творчестве Сергея Леонидовича. Приветствую коллег из Болгарии и других стран. Рада, что откликнулись не только философы, психологи, педагоги, гуманитарии Москвы, Петербурга, Ярославля, но и других городов.

Наш круглый стол является не очередным мероприятием по утвержденному плану, нас привела сюда потребность отразить достижения и утраты отечественной мысли прошлого века, осмыслить его уроки в настоящем тысячелетии. Впервые встретившиеся друг с другом, участники круглого стола не связаны своим профессиональным статусом и его обязательствами, это форум свободы и дружбы. Вы являетесь независимыми экспертами, которые могут обменяться

своими суждениями, вопросами, недоумениями относительно творчества уникального мыслителя Сергея Леонидовича Рубинштейна. Могу напомнить, что он сам всегда стремился к интеграции духовных и интеллектуальных сил своего века, независимо от принадлежности к профессии, поколению и даже стране их субъектов. Желаю всем собравшимся успехов в настоящем и будущем.

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-15-17>

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПОМОЩНИКА ПРЕЗИДЕНТА РУДН
Н.С. КИРАБАЕВА**

Подготовка и издание трехтомного собрания работ выдающегося философа и психолога Сергей Леонидович Рубинштейна совместно учеными РУДН имени Патриса Лумумбы и Института философии РАН – это замечательный пример сотрудничества академического института и университета. Поскольку это совместная работа не просто техническая, а именно научно-исследовательская, то это и пример того, как идея соединения достижений академической и вузовской науки нашла свое подтверждение. Я думаю, что это традиция позволит нам и в дальнейшем сотрудничать не только по линии участия философов и психологов РАН, РАО в образовательной деятельности Университета, но и в рамках выполнения совместных научных проектов. К тому же мы имеем опыт сотрудничества с Институтом социологии РАН, которое началось еще при руководстве вузом Владимиром Александровичем Ядовым и продолжается сегодня, когда директором является академик РАН Михаил Константинович Горшков. Для нас очень важно это сотрудничество в рамках актуализации философской проблематики. Не случайно, в нашем Университете работает научный Совет по гуманитарным и социально-экономическим исследованиям.

Первый том, который сегодня представлен, называется «Человек и мир». Мне хотелось бы сказать несколько слов о Сергее Леонидовиче Рубинштейне, потому что, когда я учился в конце 60-х годов в МГУ имени М.В. Ломоносова, в учебном корпусе на Моховой были расположены и философский, и психологический факультеты. Лекции по психологии читал у нас профессор Петр Яковлевич Гальперин, создатель теории «поэтапного формирования умственных действий». Гальперин неоднократно говорил, что все теоретические основания для понимания основных проблем философии и психологии лежат именно в работе «Человек и мир».

Как известно, Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологии и педагогике, которое он называл «принципом творческой самодеятельности», а позднее – «принципом единства сознания и деятельности». Поэтому Петр Яковлевич и советовал нам внимательно ознакомиться и с учебником Рубинштейна «Основы общей психологии». Так я студент первого курса и услышал впервые о проблеме сознания как проблеме философии и психологии и в связи с этим имя Рубинштейна.

Почему я вспомнил этот эпизод? Видимо, потому, что сегодня в рамках междисциплинарных исследований проблем сознания и искусственного интеллекта невозможно обойтись без психологии. Кроме того, в истории философии проблемы психологии и философии были неразрывно связаны, психология выделилась как отрасль знания из философии. Поэтому у нас очень много общего и в понимании методологии, и в понимании того, какими проблемами занимается сегодня философия сознания, в частности, когда появился модный термин «когнитивистика», который связан с особой проблемой нового вида знания, а также проблемой искусственно интеллекта. Одной из основных проблем, которой занимался С.Л. Рубинштейн, и была философия сознания.

Что с этим делать? Где нам быть? И как нам дальше двигаться? Сегодня дальнейшие пути нетехнологического применения техники должны серьезно изучаться, потому что мы всегда помним заветы наших великих философов. В частности, Николай Бердяев говорил в работе «Человек и машина» об опасности господства техники, технологий над человеком. Проблема ответственности сегодня весьма очевидна, она становится чрезвычайно острой. И, конечно же, для нас важно не просто присутствие Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова и Владислава Александровича Лекторского как свадебных генералов-академиков, а именно как выдающихся действующих философов, действующих академиков, чьи работы отражают достижения современной науки.

Я думаю, что презентация первого тома собрания сочинений Сергея Леонидовича Рубинштейна и работа над подготовкой к изданию последующих его работ позволит нам в преддверии 65-летия нашего Университета показать международному научному и университетскому сообществам результаты нашей совместной работы.

ДОКЛАДЫ КРУГЛОГО СТОЛА

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-18-40>

В.Н. Белов
(Москва, Россия)

ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА¹

Аннотация. В исследовании рассматривается мысль о центральном положении этического учения в творчестве С.Л. Рубинштейна. Именно этика стала основанием обращения к марксизму и безболезненному и естественному взаимодействию философских и психологических штудий отечественного ученого. Также обосновывается решающая роль в создании Рубинштейном деятельностной концепции глубокого исследования им главных идей патриарха школы марбургского неокантианства и учителя российского философа и психолога Германа Когена. Именно в этике немецкого философа он открывает важные размышления о самозаконодательстве и самодеятельности субъекта. Подчеркивается важное значение онтологического подхода к исследованию этики. Именно такой подход, по мысли Рубинштейна, дает право говорить об этике как дифференциальной онтологии.

Ключевые слова: деятельностная концепция, этика чистой воли, марксизм, неокантианство, Коген, дифференциальная онтология

Введение

В самом начале исследования осмелюсь заявить о том, что этика стала тем предметом, который объединил все периоды жизни и творчества отечественного мыслителя. Именно проблема этики – справедливость – стала отправной в его увлечении марксизмом², и она же стала причиной после-

¹ Исследование выполнено в рамках темы НИР № 100415-0-000 «Философское наследие Сергея Леонидовича Рубинштейна».

² См.: «От моих этических интересов пошел далее интерес к философии, интерес к вопросам общественной жизни, возникло острое ощущение нетерпимости общественных порядков в капиталистическом обществе. ...»

дующей критики марксизма проявленным образом в посмертно изданном труде «Человек и мир» (первое издание 1973 г.). Этика же стала, на мой взгляд, основанием и причиной безболезненного перехода из философии в психологию, и продолжала оставаться главным связующим звеном между этими дисциплинами, поскольку для самого С.Л. Рубинштейна никогда не было сомнений в том, что философия и психология – это близкородственные науки, помогающие друг другу в фундаментальном и всестороннем исследовании своего главного предмета – человека. В труде «Бытие и сознание» Рубинштейн подчеркивает необходимость психологии обогащать себя философской теорией и прежде всего – этической теорией. Он пишет прямо: «Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношений человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной психологии. Здесь вместе с тем область “стыка” психологии с этикой»³.

Трудно не согласиться с выводом ученицы, последней музы ученого и продолжателя его дела К.А. Абульхановой-Славской, о том, что Рубинштейн «онтологизирует» деятельность, вводя ее в самое существо жизни человека и представляя ее в качестве сущностной составляющей его индивидуальных и социальных проявлений. В связи с таким подходом к характеру деятельности, согласно Абульхановой-Славской, Рубинштейн понял, что интеграция психологии и этики «должна осуществиться на более высоком – философском –

Интерес к философии, к мировоззренческим проблемам и сознание несправедливости форм тогдашней общественной жизни скрестились на интересе к марксизму: юность – сидение над «Капиталом» и размышление над проблемой соотношения гносеологии и исторического материализма». – Из рукописного наследия С.Л. Рубинштейна. Замысел труда «Человек и мир». См.: *Рубинштейн С.Л.* Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 295–296.

³ *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2003. С. 235.

уровне как интеграция философской антропологии и этики, как включение последней в сердцевину первой, как раскрытие способа достижения человеком своей сущности в жизни, а не только как философская констатация наличия этой сущности. *Так подходит Рубинштейн к конечной цели своего исследования – формулировке сущности и задач подлинной этики, открывающей объективные закономерности человеческого бытия* (курсив наш. – В.Б.). В отличие от этики, строящейся на основе индивидуализма, субъективизма, погашающей все этические проблемы в проблемах самосовершенствования, рефлексии, рубинштейновская этика учитывает все объективные отношения человека к миру и другим людям, закономерные отношения, складывающиеся в жизни, выявляет объективные возможности человека и на этой основе ставит вопрос об ответственности человека за свою жизнь, других людей, за свою человеческую сущность»⁴.

Таким образом, деятельностьная концепция, как ядро методологии отечественного ученого, проблематика человека в мире, философский уровень осмысления темы Человека закономерно привели в системных построениях Рубинштейна к *приоритету*, нет, не практического разума, а *этического бытия, как представления этики в качестве дифференциальной онтологии*.

Марксизм и/или когенианство

Первые обращения Рубинштейна к этическим темам были обусловлены юношескими поисками справедливости и профессиональной деятельностью отца, занимавшегося адвокатской практикой, и вынужденный разбирать жалобы на разного рода несправедливые решения или действия не только отдельных граждан, но и государственных органов и чиновников. А если добавить к тому знакомство отца с Г.В. Плехановым, который несколько раз гостил в доме

⁴ Абульханова К.А., Славская А.Н. Предисловие // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 27–28.

Рубинштейнов в Одессе⁵, то интерес молодого С. Рубинштейна к марксистской концепции по переустройству общества на более справедливых основах кажется вполне естественным и закономерным. Незадолго до своего отъезда на учебу в Марбург он даже стал участником легального марксистского кружка, в котором читали и обсуждали «Капитал» Маркса⁶. Таким образом, можно смело утверждать, что марксизм Рубинштейна в советское время не был только конъюнктурным или вынужденным, но имел вполне профессиональные и личные детерминанты.

Но все-таки определяющим для построения собственной оригинальной деятельностной концепции личности отечественного ученого стало его знакомство с этической теорией основоположника марбургской школы неокантианства Германа Когена. Принцип единства деятельности и сознания, как основной научный принцип для всего творчества Рубинштейна, получил основной импульс от этики марбургского неокантианца, о чем свидетельствует его статья о философии Когена, а затем почти полное повторение мыслей своего учителя и научного руководителя в Марбурге в ранней, но очень важной для всего творчества Рубинштейна статье «Принцип творческой самодеятельности» (1922 г.).

Прежде всего, именно в главном когеновском труде, посвященном этическим проблемам, «Этика чистой воли» (*Ethik des reinen Willens*, первое издание 1904 г.) Рубинштейн находит разработанной во всех своих составляющих и со всех сторон тему, над которой он сам размышляет всю свою сознательную жизнь, а именно тему Человека: «Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек! И она вскрывает тот мир идей, то идейное содержание, которое конституирует

⁵ Абульханова К.А. Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость / К.А. Абульханова, А.Н. Славская. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2010. С. 62–63.

⁶ Там же. С. 97–99.

человека – человека, который для наивного сознания весь на поверхности какой-либо непосредственной данности. Построя это идейное содержание, этика в нем конституирует или, в терминологическом выражении Когена, “порождает” человека»⁷.

А что значит «породить» человека в его целостности, во всем его внутреннем и внешнем содержании? Что касается внешней стороны человека, то ее главная и определяющая составляющая – это отношение с другими людьми. В этических построениях Канта, что отмечают все без исключения его исследователи, мы находим очевидный пробел: поведение человека в обществе определено только формально со стороны категорического императива, но оно оказывается лишено какого-либо содержания. Коген в своей этике преодолевает этот недостаток кантовской этической теории и ей дает такое содержание, в результате чего человек становится «наполненным» содержанием прав и обязанностей. Такое изменение становится результатом того, что Коген признает юриспруденцию как науку о праве идеалом этики. Как для логики математика выступает в качестве образца истинной научности, так и для этики Коген признает такое значение юриспруденции. Он отказывается признавать качественное различие внутреннего и внешнего принуждения, которое выливается в дуализм этики и права. Если для Канта единство этики и права – это далекая перспектива, непонятно как могущая быть достигнутой, то есть пока не имеющая никаких внутренних – общих и для этики, и для права – оснований, то для Когена право всегда должно выступать образцом для этических положений. Только в таком единстве этика станет содержательной, а право – моральным, гуманным, человеческим.

Еще один важный вывод из юридической трактовки этики – это признание необходимости другого человека. Другой настоятельно необходим, чтобы юридическое отно-

⁷ Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 442.

шение состоялось. А здесь уже и заявка на справедливые политические и экономические отношения, то есть на то, что найдет свою реализацию в концепции «этического социализма».

Отмечая значение ориентации этики Когена на науку о праве, Рубинштейн пишет: «В самом деле, в праве человек фигурирует не как физиологический организм, растающий всеми своими тканями в природу и определяемый в своих проявлениях ее воздействиями, он не есть также психологический субъект, движимый аффектами и эмоциями или же в сфере социально-экономической руководящийся своими интересами. Как юридическое лицо он есть лишь субъект прав и обязанностей, и в своих деяниях он определяется положениями обязательными – нормами или законами»⁸.

Но важнее в этике Когена, как замечает Рубинштейн, то, что в ней наличествует не внешнее принуждение права, но внутреннее стремление к открытию себя, к самосознанию и самореализации. У Канта в его этике наличествует не только формализм, но и дуализм внешнего (правового) и внутреннего (морального) принуждения. У Когена не так⁹. Но если мы установили взаимозависимость самости и закона, то возникает следующая дилемма, а кто производит этот закон: если субъект, то значит он до установления закона уже обла-

⁸ Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 443.

⁹ Один из авторитетнейших исследователей творчества Когена итальянский философ А. Пома приводит интересное объяснение возникновению кантовского дуализма свободы, лежащей в основании практического разума, и закона, лежащего в основании теоретического разума: «...на Канта повлияло ошибочное понятие законности, связанное с его представлениями о религии, главным образом иудейской, происхождение которых надо искать в противоречии между свободой и законом. Это предубеждение относительно закона вводит парадокс в кантовскую этику, потому что в то время как, с одной стороны, она находится в центре понятия закона, с другой стороны, как раз это данное понятие является отличительным признаком, определяющим вытеснение права как сферы законности из этики как основания нравственности». – Пома А. Критическая философия Германа Когена. М.: Академпроект, 2012. С. 153.

дает некой моральной сущностью и только потом вкладывает ее в форму закона, если же закон сам по себе, то это уже не моральный, но природный закон или моральный закон, данный каким-то Абсолютным субъектом? В любом случае в автономию, как основополагающий моральный принцип, тогда проникает гетерономия, что характерно для кантовских этических построений. Коген и здесь изменяет кантовскую диспозицию, сохраняя незыблемость автономии морального законодательства. Вот как Рубинштейн описывает этот процесс у Когена: «В сложном понятии автономии – самозаконодательства – второй член становится производной функцией первого и как бы исходит из него. Но автономия этим в корне уничтожается. Давая в качестве законодателя законы, субъект сам, значит, дан до и помимо закона; будучи источником закона, субъект мыслится как находящийся перед законом и, значит, вне его. Закон тем самым оказывается вне субъекта, и, значит, субъект – то в нем, что есть он сам, – не определяется законом, и, значит, вне его, и, определяясь в своих деяниях законом, этический субъект определялся бы в своих нравственных деяниях не самим собой. Он определялся бы в них гетерономно. Автономия, таким образом определенная, сама себя разрушает. Итак, этический субъект не определяет, не дает нравственного закона как нечто стоящее за ним, закон дающее и само данное до и без него. Оно впервые законом, то есть этическим содержанием, имеющим общеобязательную значимость, определяется, в нем и им конституируется, или, в терминологическом выражении Когена, “порождается”. Нравственное законодательство не есть продукт или проявление “самости” (das Selbst); оно впервые определяет содержание этого последнего. Они тождественны. Этическое содержание закона – оно и есть этическое содержание субъекта; им и в нем субъект (Selbst) определяется и конституируется»¹⁰.

¹⁰ Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 444.

И самое важное, что отмечает Рубинштейн и что он берет потом в качестве своей главной идеи, – это единение внутреннего и внешнего в человеке через его действие, деяние, которое у Когена и лежит в основании его чистой воли. Без деяния человек остается только психологическим, но не этическим субъектом. Лишь деяние впервые производит, или, как любит выражаться сам Коген, – порождает (*erzeugen*) нравственную личность. Только деяние впервые открывает глубину морального состояния человека. «Значит, – замечает Рубинштейн, – субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния только манифестации уже готовой сущности, лишен всякого этического содержания и есть поэтому не этический субъект, а лишь некоторое психологическое образование»¹¹.

Рубинштейн подчеркивает, что поскольку только деяния впервые производят этическую личность, то последняя становится не данностью, но заданностью: «Этический субъект может мыслиться только как задача, ни в коем случае как психический источник или очаг или какая-либо сила психического субъекта. Итак, этический субъект не есть данность, неличная до своих этических деяний, и, значит, в этических деяниях он не просто проявляется и манифестируется – он вообще не имеется, пока он не проявляется: и поэтому в деянии он не проявляется и вырождается, но в них возникает и порождается. Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и тем самым осуществляется (*verwirklicht*)»¹².

Также через такой характер деяния, порождающего нравственность субъекта, через то, что деяние превращает субъекта не в данном, но в заданность, в автономии сохраняется феномен свободы, поскольку она уже ничем не определяется не только на стадии возникновения законов, но и на стадии их применения: «Но без самостоятельности деяния, именно деяния, а не только субъекта, нет никакой свободы.

¹¹ *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 445.

¹² Там же.

“Какая польза, – говорит Коген, – в том, что законы в автономии свободно возникают, если они затем не так же свободно применяются”. Если не свободно деяние, тогда вообще не существует свободы. Но абсолютный субъект не стоит теперь уже за деяниями, превращая их в производные, зависящие от себя функции. Впервые в деянии он сам возникает и потому для него “в каждом единичном деянии открывается новое начало”¹³.

С.Л. Рубинштейн подчеркивает ту мысль, что автономия для своей полноты и сохранности обязательно должна дополняться автотелией: «Поэтому в каждом деянии определяется не ценность только этого деяния, в каждом из них решается судьба того, что есть во мне я сам. “Этический субъект во мне” в деяниях создается и порождается или разрушается и распадается. “Es ist das Selbst das in jedem einzelnen Falle auf dem Spiele steht und zwar in dem Sinne, dass nicht nur sein Fortbestand zu sichern sei, sondern auch seine Neuerzeugung die bestandige Sorge und Aufgabe bilden muss”.

Итак, задача всякого деяния есть созидание этического субъекта. Он сам, значит, есть цель всякого этического деяния. Но, существуя сам лишь в своем деянии, для которого сам же он есть цель, человек как этический субъект есть самоцель. Как самоцель этический субъект есть личность»¹⁴.

Следует указать на один очень интересный факт: этика Германа Когена почти сразу попадает в область интересов русских ученых-правоведов. Так, первая рецензия на главную этическую работу Когена «Этика чистой воли» 1904 г. выходит в России уже в 1905 г. Ее автор известный российский правовед Е.В. Спекторский высоко оценивает достоинства работы марбургского неокантианца. Он характеризует ее как пронизанную гуманистическими и просвещенческими мотивами. «Этика чистой воли» Когена, по убеждению отечественного ученого, – это книга, «где затронута множество

¹³ Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 445–446.

¹⁴ Там же. С. 446.

религиозных, нравственных и социальных вопросов, волнующих современную совесть»¹⁵.

Почти полное повторение этических идей Г. Когена мы находим уже в статье С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики» (1922 г.)¹⁶, которая, по единогласному мнению исследователей его творчества, заложила основания самой известной концепции отечественного мыслителя – деятельностной, обосновывающей единство сознания и деятельности человека. На наш взгляд, ее незаслуженно относят к переходным (вероятно, от идеализма к марксизму), предполагая, что именно в марксизме отечественный ученый находит истинные основания для философской и психологической разработки своей деятельностной концепции. В частности, в комментариях к публикации этой статьи С.Л. Рубинштейна в журнале «Вопросы психологии» их автор А.В. Брушлинский, один из ближайших учеников ученого, подчеркивает: «Публикуемая статья С.Л. Рубинштейна представляет собой фрагмент его большой до сих пор не опубликованной рукописи по проблемам онтологии, гносеологии и психологии, относящейся к концу 1910-х – началу 20-х гг. Эта работа – один из первых и переходных этапов на пути к его известной статье “Проблемы психологии в трудах Карла Маркса” (1934), перепечатанной в нашем журнале в 1983 г. (№ 2) и содержащей развернутую формулировку принципа единства сознания и деятельности. Данный принцип гласит: человек и его психика формируются и проявляются в деятельности, изначально практической; поэтому психика и изучается через ее проявления в такой деятельности.

Эта философская и психологическая проблема деятельности разработана С.Л. Рубинштейном в ходе глубокого изу-

¹⁵ *Спекторский Е.* Из области чистой этики // Вопросы философии и психологии. 1905. № 78. С. 395.

¹⁶ *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Т. II. 1922. С. 148–154.

чения трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и критического анализа немецкой классической философии, положившей начало систематическому исследованию проблематики деятельности с идеалистических позиций»¹⁷.

Однако, по нашему мнению, марксизм стал лишь тем теоретическим направлением, который подтвердил когеновскую мысль о том, что деятельность человека направлена не только на преобразование внешнего мира, но имеет решающее значение в формировании его внутреннего мира, становлении личностных начал человека; усилил внимание к общественной значимости этой деятельности. Нашу уверенность в родстве позиции Когена и Рубинштейна усиливает и использование последним в этой ранней, но очень важной работе понятия деяние, а не деятельности. Коген также в своей «Этике чистой воли» предпочитает говорить о *Handlung*, а не о *Tätigkeit*¹⁸.

Уверенность в том, что в основании рубинштейновской деятельностной концепции лежала этика Когена, а не марксистская общественно-социальная теория, еще более усиливается, если мы обратимся к пониманию отечественным мыслителем темы социализма. Рубинштейн здесь прямо заявляет, что отдает предпочтение этическому социализму, который разрабатывается в рамках марбургской школы, а не социализму как особому способу материального производства и распределения общественных благ. Здесь следует указать на один очень важный момент в рассуждениях Германа

¹⁷ Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам советской психологии) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 107.

¹⁸ Именно понятие деяния становится центральной в этике Когена. Коген придерживается мнения, что «человек становится человеком через деяние (*Handlung*), в той мере, в какой он на него способен» (*Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin : Bruno Cassirer, 1904. S. 160*). Именно деяние является фактическим объектом этики, материалом и одновременно критерием для моральных суждений: «Деяние (*Handlung*) – это выражение» (*Ibid. S. 166*). Деяние, согласно немецкому неокантианцу, является одновременно процессом и результатом и, следовательно, имеет самостоятельную ценность как таковую.

Когена, когда мы говорим о юридическом законе, как законе этическом. Следует помнить, что в целом это закон долженствующего быть, а не в настоящем бытийствующего, то есть это закон будущего, а не настоящего. Этот акцент на будущем отличает закон природы от закона этики. Данные рассуждения Когена в отношении этики служат основанием для построения концепции «этического социализма» и привлекают законное повышенное внимание со стороны теоретиков права, в том числе и российских. Для Когена понятие человека в качестве самоцели несет в себе требование не рассматривать рабочего в качестве товара. Но тот факт, что этика не сводится к приведению субъективных требований долженствования в соответствие с исторической реальностью, становится правдоподобным благодаря связи долженствования с правом. Право играет центральную роль у Когена как для обоснования этики, так и для ее превращения в философию государства и общества.

«Человек как личность, – заявляет, вторя Когену, российский философ и психолог, – не может быть превращен в орудие (Werkzeug), и не может он быть чем-то вроде придатка к орудиям производства. Принцип автотелии, утверждающий человека как личность, то есть как самоцель, провозглашает, таким образом, идею социализма. Такое значение придает ему Коген, следуя в этом за Фихте. [Этот социализм есть социализм этический. Коген даже скажет: социализм мессианский. То, что есть во мне, я сам, этический субъект провозглашается самоцелью, а не какая-либо конкретная данность в своекорыстии ее интересов и партикуляризм ее задач.] Этический субъект самоопределяется, и, самоопределяясь, он впервые самоосуществляется в своих деяниях. Но этическое деяние человека предполагает другого человека как другой этический субъект. Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности, в отношении к вещи есть лишь действие, есть лишь какой-нибудь физический или психический акт, но не деяние. Деяние есть лишь в отношении человека к человеку, и в отношении человека к человеку есть только деяние. Итак,

деяние предполагает другого человека. Но субъект для своего самоопределения и самоосуществления предполагает деяние. Значит, этический субъект во мне предполагает другого человека как другой этический субъект, и лишь в отношении к нему этический субъект определяется и осуществляется»¹⁹.

Опять же именно кантовско-когеновская позиция позволяет Рубинштейну не только верно оценить ограниченность марксизма в его отношении к человеку, но и наметить конкретные шаги по преодолению этой ограниченности. В своей последней, посмертно изданной работе «Человек и мир» ученый выделяет три основных линии такого преодоления:

«1. Человек не только олицетворение общественных (и тем более экономических) отношений. Природа не только, не всецело “предметный мир”, сделанный человеческими руками из природного “материала” (природа – не только сфера материального производства).

2. История мира (и человека как его части) не сводится к классовой борьбе и переходу от одной общественной формации к другой (от одной системы производственных отношений – к другой).

3. И любовь человека к человеку не только классовая солидарность и общеклассовые интересы. В ней и отношение природного существа к природному существу. Природа – не только “другое” для человека, но и природа в самом человеке»²⁰.

Ограниченность и односторонность марксизма в его отношении к человеку Рубинштейн объясняет борьбой марксизма против абстрактного гуманизма Людвиг Фейербаха. Борясь с абстрактным антропологизмом Фейербаха, Маркс лишил

¹⁹ Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 446–447.

²⁰ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 232.

природу человека какой-либо самостоятельности, то есть он ее сделал полностью детерминированной общественными классовыми отношениями. Рубинштейн по этому поводу отмечает: «Но превращение только понятийной характеристики человека в определенной системе отношений в сущность человека – это ошибка марксизма. Этим обесценивается природное в человеке и его природные связи с миром и тем самым то содержание его духовной, душевной жизни, которое выражает его субъективное отношение, выражающее его природную связь с миром и людьми»²¹.

Главной методологической ошибкой в марксистско-ленинской концепции, по мнению Рубинштейна, является решение дихотомии противоположных феноменов общественной жизни за счет редукции одного из них к другому, полного нивелирования дихотомийности путем уничтожения одного из феноменов. «Марксизм как “социология”, – пишет Рубинштейн, – это сведение мира к жизни общества, человека к “маске” – к отрицанию общественной категории, общества – к “фабрике” и “конторе” (Ленин), этики – к политике, работы над человеком (человека над собой) – только к совершенствованию общества. Второе рассматривается не только как важнейшее условие первого, но и как поглощающий, исчерпывающий его эквивалент»²².

С.Л. Рубинштейн же предпочитает и здесь следовать методологическим установкам когеновской философии, в арсенале которой в качестве основополагающего находится принцип корреляции, который утверждает важность обоих моментов коррелятивной связи и их обоюдное влияние друг на друга. «Итак, – отмечает отечественный ученый, – природные силы служат для разрешения этических задач, образуя адекватную эмоционально-нравственную основу их

²¹ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 234–235.

²² Там же. С. 235.

решения. А знание, добро, красота – неотчуждаемые от человека и тем самым друг от друга – образуют полноценность его отношения к людям, к миру и собственного бытия»²³.

Этика как дифференциальная онтология

Так же, как и в случае со своей теорией познания, в этике Рубинштейн идет не по пути поиска какого-то этического «атома» в виде чистого Я, чистой воли, должного, естественного чувства жалости и т.п. Фундаментальными принципами теоретико-познавательных концептуальных построений российского ученого являются принцип отношения, связи, единства, как отношения и принцип детерминизма, как уточнение первого принципа, а главными категориальными парами – человек и мир, внутреннее и внешнее. Они остаются рабочим инструментом и в этике, и, даже более того, приобретают через нее универсальность и определенную законченность в своем уточнении.

И в этике, как и в своей теории познания, Рубинштейн направляет усилия не на поиск какой-то чистоты первоэлемента, чтобы выйти на основание, лишённое признаков объективности или субъективности, метафизичности или психологизма, но, напротив, признает предметом этики не чистое Я, чтобы лишить его субъективности, а человека – во всем многообразии его отношений с другим, с собой, с сознанием, с самосознанием, в общем, с миром. Чтобы наглядно представить свое понимание содержания этики, Рубинштейн прибегает к такой метафоре, как звук в музыкальном произведении. Этика, согласно философу, должна работать с каждым отдельным звуком для общей музыкальной гармонии²⁴.

²³ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 236.

²⁴ Там же. С. 208–209.

Отвергая отождествление этики с моралью и морализированием, Рубинштейн отождествляет этику с онтологией²⁵. Можно сказать, что данное утверждение отмечает самую своеобразную специфическую черту этики в его теоретических построениях. Уточнение характера этого отождествления этики и онтологии мы находим в таком определении этики Рубинштейном: она «есть не что иное, как детерминация бытия через сознательную его регуляцию, которая выступает как специфический способ существования человека»²⁶.

Именно в разговоре об этике Рубинштейн введет речь о системном единстве всех аспектов философского анализа, и онтология становится таким объединяющим основанием: человек в мире, то есть человеческое бытие, оно и существование, и истина, и добро, и красота. Такое вот полноценное, всеобъемлющее, со всеми своими связями и отношениями. Именно так понимаемое человеческое бытие выводит характер этики из замкнутости на индивидуального субъекта. То есть онтология человеческого существования влияет и на характер этики, она не может быть только этикой единичного человека в себе. Однако, согласно отечественному ученому, не следует преувеличивать и социальный характер человека в ущерб его индивидуальности. Специфическая этическая онтология должна принимать во внимание два отношения: этическое отношение к другому человеку и этическое отношение к себе и своей жизни²⁷.

²⁵ См., например: Концепция самой этики *не мораль, не морализирование о том, что должно – онтологический анализ того, что есть отношение человека к человеку. Этика как онтология* – Из рукописного наследия С.Л. Рубинштейна, хранящегося у К.А. Абульхановой – С.Л. Рубинштейн. Книга (будущего) – проблемы этики.

²⁶ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 155.

²⁷ В рассуждениях Рубинштейна об этике появляется новая важная онтологическая категория – *жизнь*, которая и характеризует сознательное отношение человека к своему существованию. Философ прямо заявляет,

Важность существования и присутствия другого человека для формирования Я Рубинштейн аргументирует не только необходимостью учета общественных отношений, но и привлекая результаты исследований в возрастной психологии. Так, приоритет других людей перед собой Рубинштейн подтверждает таким наблюдением Ж. Пиаже: «...считая присутствующих, чтобы поставить обеденные приборы для всех, ребенок не учитывает самого себя»²⁸. «Ребенок осознает других людей раньше, чем самого себя»²⁹, – делает вывод российский ученый.

При определении Я, как действующего субъекта, как единства индивида и общности (рода), Рубинштейн вступает в дискуссию с Кантом, который отрицает возможность субъекта быть объектом. То есть, по мнению немецкого философа, нет такой позиции, с которой Я могло бы быть рассмотрено со стороны всеобщего Я. Рубинштейн же находит отношения Я, как самосознания, Я и другого более сложными, полагая, что Я одновременно и конкретно, и всеобще, одновременно и субъект, и объект. Здесь его аргументация такова: «”Я” – всеобщность, свойственная всем, каждому “я”, которая своим объектом (предметом) имеет это частное, мое “Я”, “Я” как всеобщность не может быть обособлено от частного, конкретного “Я” и превращено в особую реальность; в эту всеобщность всегда необходимо должно быть подставлено какое-то частное значение. В него может быть подставлено любое частное значение любого индивида, но *нельзя не подставить никакого*. Эти частные значения включают “Я” как всеобщность, но поскольку ее включает каждое частное “Я”, ни одно из них не может быть определено только через

что «жизнь человека выступает как новая онтологическая категория». – Рубинштейн С.Л. Тактика и стратегия этики // Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. С. 492.

²⁸ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 159.

²⁹ Там же.

свое отношение к этой всеобщности, каждое из частных, конкретных “Я” может быть определено только через свое отношение к другим. Они взаимно предполагают друг друга»³⁰.

В определении Я Рубинштейн полемизирует и с позицией одного из своих марбургских учителей Паулем Наторпом, предложившего свое оригинальное видение философской психологии через разрабатываемый им принцип коррелятивного монизма и метода реконструкции. Если в самом общем виде представить главную идею Наторпа в отношении психологии, то она заключается в том, что нет других научных способов исследования, кроме объективирования, поэтому субъективное психологии должно быть представлено исключительно только как реконструкция объективного, никакого субъективного самого по себе нет и быть не может. Отсюда и смысл выделения какого-то Я, согласно Наторпу, состоит только в том, чтобы определить точку, противоположную предметности. Никакого иного смысла и содержания Я, по убеждению немецкого неокантианца, не имеет³¹.

В ответ на это утверждение Наторпа Рубинштейн выдвигает двоякое возражение, первое можно обозначить как возражение от конкретности, второе – от отношения к другим людям. Суть и первого и второго возражения российского ученого в том, что при разговоре об объективности и субъективности нельзя полностью абстрагироваться от конкретного эмпирического субъекта, к тому же находящегося в отношениях с другими людьми.

³⁰ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 161–162.

³¹ Здесь следует указать на то, что Рубинштейн в своей критике позиции Наторпа ссылается на работу «Философская пропедевтика» (1911 г.), почему-то игнорируя более презентабельную в данном случае монографию немецкого философа «Allgemeine Psychologie nach kritischer Methode. Erstes Buch. Objekt und Methode der Psychologie» (1912), в которой вторая глава первой части как раз посвящена авторской трактовке понятия Я.

С.Л. Рубинштейн находит, что все эти заблуждения относительно отсутствия какой-либо объективности у Я связаны с неверной трактовкой отношения Я с другими Я. И он характеризует это отношение как *реципрокное*: «"Я" действительно не может быть раскрыто только как объект непосредственного осознания, через отношение только к самому себе, обособленно от отношения к другим людям (другим конкретным "Я"). В этих взаимоотношениях каждое конкретное "я" выступает как объект другого конкретного "Я", которое точно так же является объектом для меня. Здесь выступает реципрокное отношение, члены которого необходимо предполагают, имплицитно друг друга: объект для меня, для которого я сам являюсь объектом!»³².

И вообще вопросы о других Я, моем Я как объекте являются, согласно Рубинштейну, софизмами, поскольку это чисто эмпирический факт – определение моего бытия через бытие других. Прежде всего необходимо выяснить характер бытия человека, чтобы понять всю специфику Я и других. Таким образом, российский ученый настаивает на приоритете онтологии перед этикой: «Это раздвоение на субъекта и объекта возникает в сущем, когда в нем появляется человек. Таким образом, особенности соотношения бытия и человека, субъекта и объекта, бытия и сознания могут быть поняты только при определении *способа существования человека в мире*»³³. И далее говорит об этом приоритете прямым текстом: «Анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире. И только затем может быть осуществлен перевод этого онтологического плана в этический»³⁴.

³² Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 163.

³³ Там же. С. 169.

³⁴ Там же.

Однако, согласно Рубинштейну, следует вести речь не только о приоритете онтологии перед этикой, но и существенном влиянии этики на онтологию. Именно этика становится той дисциплиной, которая общую онтологию превращает в *онтологию дифференциальную*. То есть в рассуждениях об онтологичности этики российский ученый в конце 1950-х гг. задействует концепт, который станет основополагающим в западноевропейском и американском постструктурализме конца 60–70-х гг. прошлого века и будет означать акцент на множественности и гетерогенности как самостоятельных способах бытия, существующих наряду с единством и тождеством.

Обращает на себя внимание и тот факт, что для Рубинштейна этика гораздо более верная дисциплина, способная выявить объективные принципы человеческого бытия как ее высшей сферы, в отличие от антропологии (куцега антропологизма, по выражению ученого), не учитывающей этих принципов.

Так что же такое, согласно Рубинштейну, эта дифференциальная онтология? Для пояснения своего понимания этой разновидности онтологии философ использует фактор времени. Дифференциальная онтология как этика рассматривает конечное человеческое существование как способное вместить в себя и вечное благодаря возможности действия и преобразования и благодаря возможности идеализации и приобщения к идеальному бытию. «Так, – отмечает Рубинштейн, – идеально бесконечное бытие включается в конечное – человека, а реально конечное включается в бесконечное. ... Только из отношения человека к бытию может быть понята и вся диалектика человеческой жизни – ее конечность и вместе с тем бесконечность»³⁵.

³⁵ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 174.

Именно через такое взаимопроникновение в человеческом бытии конечного и вечного возникает и определенный взгляд на проблему жизни и смерти (бытия и небытия), на проблему истории как отношений прошлого, настоящего и будущего, на проблему свободы и необходимости.

Этика также, по мысли Рубинштейна, переводит разговор о существовании и бытии на разговор о жизни человека. И так же как в онтологии, философ утверждает приоритет существования перед сущностью и индивидуального, конкретного бытия перед бытием общего и идеального, так и в этике он находит то понятие, которое, соответствуя его реалистической позиции, будет в своей конкретности, единстве и единичности включать в себя и все общее и все многообразие других – помимо этического – отношений человека в мире. И таким понятием, по его мнению, таким, можно сказать, первокирпичиком этики является *личная жизнь человека*. Рубинштейн полагает, что она как самое конкретное понятие, так и самое богатое, «включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений (в том числе и отношение к человеку как носителю той или иной общественной функции или как природному существу и так далее). В своей конкретности она содержательнее, чем каждая из тех абстракций, которую из нее можно извлечь. Таким образом, личная жизнь выступает не как частная жизнь, то есть жизнь, из которой все общественное отчуждено, но как жизнь, включающая общественное, но не только его, а и познавательное отношение к бытию, и эстетическое отношение к бытию, и отношение к другому человеку как человеческому существу, как утверждение его существования»³⁶.

³⁶ Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 181–182.

Заключение

Таким образом, как теоретическое вхождение С.Л. Рубинштейна в марксизм было обусловлено этическими построениями Германа Когена, так эти же построения обусловили и преодоление марксизма отечественным ученым. То есть именно этика его марбургского учителя и научного руководителя докторской диссертации не позволила Рубинштейну остаться правоверным марксистом, поскольку в марксизме господствует односторонняя трактовка доминирования внешней активности человека, что приводит, в конце концов к превращению человека в орудие внешних общественных связей и отношений.

В итоге Рубинштейн приходит к такому концепту этики, который выходит за рамки узкоспециального (как плоского антропологизма, как науки о нравственном поведении человека, как науки о добродетелях и т.п.). Он предпочитает называть его фундаментальной онтологией, подразумевая, конечно, в первую очередь всесторонний и фундаментальный охват в рамках такой этики своей главной темы – темы Человека и его бытия. Этика в таком понимании становится основанием для всех других подходов и характеристик человека в его индивидуальном и социальном проявлениях. В том числе и деятельностного.

В заключение следует привести слова самого ученого, которые как нельзя лучше характеризуют понимание им задач любых этических построений и подтверждают мысль об оригинальности, самостоятельности и своеобразии этики российского философа, а также о том, что именно этику он рассматривал в качестве базовой дисциплины в исследовании Человека. С.Л. Рубинштейн пишет: «Не сострадание к человеку, его бедам и несчастьям является основным содержанием этики, как это утверждает христианский гуманизм, потому что беды и несчастья, страдательность человеческого существования – не основная характеристика человека. Не погоня за счастьем как совокупностью удовольствий и наслаждений является целью и смыслом человеческого

существования, как это утверждают гедонизм и утилитаризм. Основная этическая задача выступает прежде всего как основная онтологическая задача: учет и реализация всех возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека, – значит, борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Строительство высших уровней человеческой жизни есть борьба против всего, что снижает уровень человека. Это есть основное в этике, все остальное вокруг этого – производное и дополнительное»³⁷.

³⁷ *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // *Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024. С. 182–183.*

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-41-58>

Nikolai Zhivkov, Nikola Zhivkov
(Враца, България)

SERGEY LEONIDOVICH RUBINSTEIN ABOUT MENTAL ACTIVITY AND HUMAN CONSCIOUSNESS

Abstract. The theoretical concept of Sergey Leonidovich Rubinstein according to which external causes act through internal conditions enshrined in the study of the psychology of the human personality is the leading in the study of the question of how the dependence of one or another course of mental processes on objective conditions determines the ways of forming purposeful change and educating the psychology of people. From this position, it is examined how human consciousness is determined by the external world mediated by mental activity to bring it into conformity with the needs of people and the objective conditions of their lives. Orthodoxy and its canonical values are considered as a factor in the awareness of the moral foundations of human behavior through an educational institution.

Keywords: mental activity, mental processes, mental formations, consciousness, emergence and formation, will as practical consciousness, freedom of conscious action and necessity, orthodoxy and education

Introduction

This year marks the 135th anniversary of the birth of the famous Russian scientist Sergei Rubinstein. His scientific interests and creativity were diverse, but in his research activities the leading role was played by psychology.

He comprehensively developed the problem of the nature of the mentality and the subject of psychology. By refuting the Cartesian postulate of the immediacy of the mental, regarded as an absolutely unique phenomenon, indeterminate and independent of anything and known only to the experiencing subject, he “made possible the use of the theory of reflection to explain psychic phenomena”¹.

¹ Vasilev D. The Great October Socialist Revolution and the problems of psychology. In: *October and criminality, reports from the Jubilee Scientific Session, 245 H, 1977*. Veliko Tarnovo, 1978. P. 534. (In Bulgarian).

He analyses Marx's works concerning psychology. The conclusions drawn from them are summarized in the principle of the unity between consciousness and activity. This principle became a guiding principle for Soviet psychology. On this basis, a number of studies have been conducted on the problems of memory, faculties, perception, thinking, etc².

It revisits, in a new way, the main points in the history of psychology and puts forward many essential ideas about the development of the mentality. He is exceptionally strong as a theorist in developing a dialectical-materialistic understanding of all psychic phenomena³.

From Rubinstein's rich legacy of ideas, we will turn our attention to the question of the determinacy of psychic phenomena, psychic activity, and in particular to his theoretical formulations about human consciousness as expressed in his seminal work *Being and Consciousness*. In this connection we will also share our views on the role of public opinion and orthodoxy in shaping consciousness in human behavior.

On the determination of psychic phenomena and human consciousness

Noteworthy is the assessment he gives of L.S. Rubinstein's work "Being and Consciousness", his Bulgarian student and scholar D. Vassilev: This work is important philosophically because "it makes a serious attempt to consider the psychic in the system of the various relations in which it is involved and expressed. Much of the difficulty in considering the psychic is connected precisely with the fact that this most complex phenomenon in reality is related to it in various relations and in various directions. Any attempt to approach the problem of the psychic without distinguishing the various relations in which it is situated is doomed to failure. The subject of this philosophical

² Vasilev D. The Great October Socialist Revolution and the problems of psychology. In: *October and criminality, reports from the Jubilee Scientific Session, 245 H, 1977*. Veliko Tarnovo, 1978. P. 534. (In Bulgarian).

³ Ibid.

work of his is therefore the question of the place of the psychic in the universal interrelation of the phenomena of the material world. Of course, without believing that what Rubinstein has done completely settles this question, it must be admitted, without any qualification, that the comprehensive and principled exposition of this question in Marxist philosophy is to his credit. This exposition will be evaluated in later research in psychology and philosophy, but it may be said from now on that it is this exposition and its related approach to the complex problem of the psychic which determines the success with which S.L. Rubinstein solved the basic questions of psychology and the corresponding philosophical questions”⁴.

The main theoretical axis of the book is “the problem of determinism and the justification of its dialectical-materialist understanding”. Therefore, serious attention, according to D. Vassilev, deserves the thesis of S.L. Rubinstein that “the basic methodological issue of any scientific knowledge is the determination of the studied phenomena and that the success or failure of any scientific theory depends on how determinism is understood. From this it is clear why he devotes so much attention to the dialectical-materialistic understanding of determinism and places it at the basis of both reflection theory and reflection theory”⁵.

For the understanding of S.L. Rubinstein's understanding of the mentality, the starting point is the position of the many-sided connections of psychic phenomena “with all phenomena in life, with all aspects and properties of the material world”⁶.

From this position, Rubinstein distinguished two kinds of relations as the subject of theoretical analysis: the relation of the mental to the brain and its relation to the external world⁷. In his

⁴ Vasiliev D. Outstanding Soviet scientist and thinker: philosophical thought. Vol. 5. Sofia; 1960. P. 100. (In Bulgarian).

⁵ Ibid.

⁶ Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 6. (In Bulgarian).

⁷ Smirnov AA, editor. The development and current state of psychological science in the USSR. Pedagogy. Moscow; 1975. P. 270. (In Russian).

view, it is inappropriate to separate and contrast the relation of the mental to the brain and its relation to the external world. "This should not be done primarily because mental activity is the activity of the brain interacting with the external world, responding to its influence. Therefore, the rightly understood relation of the mental to the brain is at the same time its rightly understood relation to the external world. And only by understanding correctly the relation of the mental to the external world can its relation to the brain be correctly understood"⁸.

For a proper understanding of the mental with the external world and the brain, the following deeply meaningful thesis of S.L. Rubinstein: "Speaking of mental activity as the activity of the brain interacting with the outside world, one should not forget that the brain is only an organ serving to carry out the interaction of the organism, the individual, the person with the outside world." The activity of the brain itself depends on the interaction of man with the outside world, on the correlation between his activity and the conditions of his life, on his needs...the brain is only an organ of mental activity, and man is its subject. Feelings, like man's thoughts, arise in the activity of the brain, but it is not the brain that loves and hates, knows and changes the world, but man. Feelings and thoughts express man's emotional and cognitive relation to the world⁹. The formulated thesis has a rich and heuristic charge because it is a starting point for the consideration of mental activity not only in relation to the activity of the brain, but definitely in relation to the activities performed by man as a subject.

Speaking of the reflex character of mental activity S.L. Rubinstein, does not address the physiological mechanisms of this activity. Affirming the reflexivity of mental activity in this case means only a characterization of the manner of its determination. Reflective activity is activity always determined from the outside. In contrast to mechanistic determinism, dialectical materialism regards every effect as an interaction.

⁸ Rubinstein S.L. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 7. (In Bulgarian).

⁹ Ibid. P. 9.

The effect of any external influence depends not only on the body from which the influence emanates, but also on the body which is being influenced. In accordance with this understanding, S.L. Rubinstein formulated his well-known thesis that “External causes act through internal conditions /formed in dependence on external influences”/, and further elaborated “Every external influence is refracted through the internal properties of this body, the phenomenon that is subjected to influence”. The principle of determinism in its dialectical-materialist understanding, says S.L. Rubinstein, serves as a methodological principle due to the fact that it reflects the nature of the phenomena themselves, expresses the nature of their interrelations in reality¹⁰.

From these positions are S.L. Rubinstein's interpretations of the mental as ideal, as subjective, as a reflex activity of the brain and the correlation of the mental and the physiological in this reflex activity. With great importance, according to D. Vassilev, are his statements about the subject and the object, about being and the object, about primary and secondary qualities, about ontology and gnoseology, about the image and the object¹¹.

Mental phenomena, like all phenomena, are determined. They are included in the general interrelation of the phenomena of the material world. In its practical expression the question of the determinacy of psychic phenomena, says S.L. Rubinstein, “is a question of their controllability, of the possibility of directing their change in the direction desired by man. This is the basic significance, the basic vital meaning of the question of the determinacy of psychic phenomena. To understand concretely the determinacy, the lawful conditioning of mental phenomena – mental activity and the mental properties of man – means to find ways of forming, of educating them”¹².

¹⁰ Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 14–15. (In Bulgarian).

¹¹ Vasiliev D. Outstanding Soviet scientist and thinker: philosophical thought. Vol. 5. Sofia; 1960. P. 100. (In Bulgarian).

¹² Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 236. (In Bulgarian).

The study of the determinacy of mental phenomena is not purposeful for its own sake, because any theoretical knowledge must have a practical connection with the lives of people, for their formation and education. This is also the great task and true vocation of psychology, according to the eminent scientist S.L. Rubinstein.

The conditions of life and activity, draws attention to S.L. Rubinstein, must be taken into account in determining both mental and physiological processes. They appear "in the physiological study as irritants, and in the psychological – as objective circumstances of life, which are realized or in any case can be realized by people. The circumstances of life determine the acts of men and are themselves modified by them"¹³.

When one speaks of the determinacy of mental activity by objective conditions, one should not put the vital relations of people in general in the place of the conditions of mental activity. The conditions on which mental activity depends legitimately cannot be determined simply by pointing to all that surrounds man. They must be brought out by a special study of mental activity. "The conditions of reflective activity as such are all those properties or aspects of objective reality by which one or another requirement of reflective activity is determined." For example, "remembering, says S.L. Rubinstein, depends on the volume of the material to be memorized, on its qualitative features, yet not on all, but only on some". Every mental phenomenon is therefore determined by its object. But this dependence of the mental phenomenon on its object is mediated by the mental activity which results in the phenomenon¹⁴.

Thus, in the process of perception the image depends primarily on the object, whose image it appears. The image of the object reflects the object itself revealed in action and reflects it as it is revealed when the person acts with it. Examples are similarly given to explain the development of speech. As in the explanation

¹³ Vasiliev D. Outstanding Soviet scientist and thinker: philosophical thought. Vol. 5. Sofia; 1960. P. 238. (In Bulgarian).

¹⁴ Ibid. P. 238–239.

of any mental activity of the subject, one can and must proceed from its lawfully forming and lawfully changing relations with the objective world¹⁵.

Besides the immediate vital conditions factor, according to S.L. Rubinstein, there is no doubt, that in the mentality of people there are properties, changing significantly in the process of historical development of mankind and distinguishing people of different eras. With the change of the social order in human psychology, along with the preservation of the mental properties common to all people, in particular those dependent on the general conditions of social life, new ones appear, generated by the given social order and specific to it, coming to replace those that were specific to the previous social order.¹⁶

It is pointed out that in “the psychology of every man there are traits common to all men irrespective of what social system, class, etc., they belong to, which, moreover, have persisted through many ages.” And the example is given of “the receptivity to sensory stimuli, for which man has developed corresponding receptors, the ability to retain in memory what has been learned, to automate consciously at first actions, etc.” In the psychology of every man there are traits specific to that social system, to the age in which he lives. These are typical traits of a given social system, of a given age. The Soviet society created a new psychological structure, a new spiritual outlook of the Soviet people, and with this Soviet psychology faced, says S.L. Rubinstein, the task of studying the psychology of the Soviet man in those psychological qualities of his which were generated by the Soviet social system, was set itself in order to help the activity of educating the new man¹⁷.

The questions thus raised and the related tasks to be solved are relevant today for any nation-state community. For us it is not

¹⁵ Vasiliev D. Outstanding Soviet scientist and thinker: philosophical thought. Vol. 5. Sofia; 1960. P. 240–241. (In Bulgarian).

¹⁶ Ibid. P. 248.

¹⁷ Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 248. (In Bulgarian).

only interesting, but even necessary to learn from the practice of the Bulgarian Renaissance society by what means it formed the psychological image of the Bulgarian in order to come out of the orbit of the local community and consciously join the life of the national community. And the modern Bulgarian citizen as his successor in what directions to build on and develop his psychological traits and qualities.

Mental phenomena play an essential role in determining human behaviour. It is not the recognition, “but the denial of the active role of the mental that leads to indeterminism, to a breakthrough of determinism in the conception of human life, of human behavior.” Behind the denial of the role of the mental in the determination of behavior is the idealist or dualist premise separating the mental from the material world¹⁸. One cannot realize “determinism in understanding human behavior, S.L. Rubinstein convincingly states that unless the mental is involved in the interrelationship of causes and effects, which are constantly changing places in the course of life. Human behavior is determined by the external world, mediated by mental activity”¹⁹.

Leading for understanding the role of mental activity as a factor in determining human behavior has, in our opinion, the following thesis of S.L. Rubinstein: “Thanks to mental activity as knowledge of reality, the practical activity of people is brought into accordance with the complex demands that objective conditions make on it. At the same time, from mental activity as emotional, volitional activity, manifesting itself in the form of aspirations, desires, feelings, the meaning of phenomena for a given person is determined, his attitude to them is determined, how a given person under given conditions will respond to them. The whole mental activity is inevitably involved in determining human behaviour. One cannot understand behavior

¹⁸ Smirnov AA, editor. The development and current state of psychological science in the USSR. Pedagogy. Moscow; 1975. P. 278. (In Russian).

¹⁹ Ibid. P. 252.

deterministically unless one rejects epiphenomenalistic tendencies with regard to the mental”²⁰.

By positing and affirming that the fundamental way of existence of the mental is its existence as a process, as an activity S.L. Rubinstein pays particular attention to the characterization of the mental precisely in this aspect. In doing so, he draws an essential distinction between process and activity. According to him, every activity is a process or involves a process, but not every process is an activity. “By activity, we will understand a process through which a person's attitude to the world around him is realized – to other people, to the tasks that life sets before him”²¹. For example, thinking is conceived as an activity when one takes into account a person's motives, his attitude towards the tasks he solves by thinking, i.e. when the personal motivational plane of thinking activity comes to the fore. In contrast to this research approach, thinking as a process means investigating the procedural composition of thinking activity. These are the processes of analysis, synthesis and generalization through which mental tasks are solved²².

According to the nature of the basic "product" that is created as a result of the activity and constitutes its purpose, the types of human activity can be distinguished into practical /specifically labour/ and theoretical /specifically cognitive/ activity. In the composition of one and the other, mental processes and mental activity can also be distinguished. The task of psychological research includes the study of both theoretical /particularly cognitive activity of a scientist/ and practical /primarily labour/ activity, through which people change nature and reconstruct society²³.

Mental activity as such belongs directly to the natural world, in its functional aspect it is a natural phenomenon itself.

²⁰ Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 262. (In Bulgarian).

²¹ Ibid. P. 266.

²² Ibid. P. 267.

²³ Ibid. P. 268.

However, by participating in the regulative actions of the individual, by expressing his needs and interests, his relation to the world, it already enters into another capacity: first, as consciousness, and this is always knowledge of something that is outside of him. It implies the subject's relation to objective reality. Secondly, when in the process of social life man assimilates the ideological content of knowledge, of ideology, his mental activity appears in a new quality – as a spiritual activity which has one or other ideological content²⁴. Each of these concepts, says L.S. Rubinstein, refers to mental activity, but at the same time each of them expresses another, new characteristic that mental activity receives by becoming involved in a new sphere of relations²⁵.

In the study of mental activity or mental processes, it is of fundamental importance that they occur simultaneously at different levels and any opposition of “higher” mental processes to “lower” ones is inappropriate, since any higher mental process presupposes “lower” ones and proceeds on their basis. The situation is similar with motivation. In explaining human actions, one must take account of motives at different levels and on different levels in their real interweaving and complex interrelation²⁶.

The study and research of mental processes, of mental activity, indicates S.L. Rubinstein, means at the same time a study of the formation of the relevant entities. Every mental formation /sensory, imaginative object, feeling, etc./ is in fact a mental process in its resultant expression. Therefore “mental processes, taken in their concrete totality, are not only cognitive, but also “affective”, emotional-volitional processes. They express not only knowledge about phenomena, but also attitudes towards them; they reflect not only the phenomena themselves, but also their meaning for the reflecting subject, for his life and activity.

²⁴ Smirnov AA, editor. The development and current state of psychological science in the USSR. Pedagogy. Moscow; 1975. P. 278. (In Russian).

²⁵ Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 270. (In Bulgarian).

²⁶ Ibid. P. 271.

The real concrete “unit” of the mental /of consciousness/ is the whole act of reflecting the object by the subject. This entity is complex in composition; it always involves to one degree or another a unity of two opposing components-cognition and attitude, intellectual and “affective”, of which one or the other predominates”²⁷.

In accordance with the theoretical propositions thus formulated, L.S. Rubinstein adopts the two-fold division of mental processes into intellectual and affective. The tripartite division of psychic phenomena into intellectual, affective and volitional, coming from Tietens and Kant, according to S.L. Rubinstein, “cannot be fully maintained”²⁸.

According to the level of regulation of human movements and actions, S.L. Rubinstein divides them into involuntary and volitional actions performed at the level of the second signaling system, regulated by an ideational content objectified in speech, formed in the process of social life. As the regulation of volitional movements and volitional or conscious actions of man is usually attributed to the will²⁹. It refers to the human-specific regularity of the conscious regulation of his behaviour. Will implies “conscious acceptance and realization of a goal; but consciousness should not be confused, S.L. Rubinstein points out, with discernment – with the choice of what is uppermost, with the “superficial” choice / in the literal and figurative sense / only through reason, and not with one's whole being, with all its innermost aspirations, including the unconscious ones”³⁰.

Different degrees of regulation of voluntary and involuntary actions are associated with different degrees of mental activity-unconscious and conscious. In connection with the regulation of conscious human actions S.L. Rubinstein raises the question of consciousness. He connects it with a new form of life – human existence, the subject of which is able “to go beyond his own

²⁷ Rubinstein S.L. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 274. (In Bulgarian).

²⁸ Ibid. P. 279.

²⁹ Ibid. P. 277.

³⁰ Ibid. P. 278.

relation to the world, to other people, to subordinate his life to duties, to take responsibility for everything done and everything omitted, to set himself tasks and without limiting himself in adapting to the available conditions to change the world”³¹.

Consciousness implies a cognitive attitude towards the object that is outside consciousness. Its development in the human being, S.L. Rubinstein, first of all, connects “with the socially organized activity of people, with labor and is carried out based on it. Labor requires consciousness of the result of labor as its goal, and consciousness is formed precisely in the process of labor”. Secondly, language and speech, arise in socially organized labor, as the knowledge accumulated by man is objectified in speech. The emergence of consciousness is inseparably linked to language. To be conscious, says S.L. Rubinstein, “is to reflect objective reality through generalized meanings socially worked out in speech”³².

In psychological terms, “consciousness appears primarily as a process of human awareness of the surrounding world and of itself. Awareness presupposes a certain body of knowledge by which one becomes aware of the surrounding”. For the action of a human to be recognized as conscious, he must be aware of its purpose or at least of its immediate consequences³³.

A person's awareness of the motives for setting and achieving each goal is related to behavior. Consciousness therefore “serves to 'regulate' behaviour, to bring it into conformity with the needs of people and with the objective conditions in which it takes place”. Consciousness is considered by S.L. Rubinstein as a specific way of regulating the behavior, activity and actions of people. “This specific way is expressed in giving a purposeful character to human actions – in the possibility to foresee the result of one's own actions in the form of a conscious goal and to plan the actions themselves in accordance

³¹ Rubinstein S.L. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 282. (In Bulgarian).

³² Ibid. P. 284.

³³ Ibid. P. 286.

with it". The emergence of consciousness is connected with the emergence of conscious actions and human behavior in the conditions of the social environment³⁴.

In the sense indicated, consciousness is not only a characteristic of the socially conditioned psyche of man but also a regulator of his behavior in the social environment. In this second aspect, it also has an ethical character. In support of this thesis is the consideration of the question of the determinism of a person's conscious actions in the social environment. They are involved in the objective course of events, in their determination, insofar as man, thanks to his available consciousness, can foresee the consequences of his actions and, by them, act in one way or another. However, in acting, man must take into account that he is always in the presence of prior conditions, beyond his control, objectively given, with which he is obliged to comply. "These conditions – phenomena of nature and social life – are subject to certain objective laws independent of the subject and his will. To seek man's freedom in actions that do not conform to these laws is to exclude the possibility of freedom"³⁵.

The free accomplishment by the human being of the goals he sets for himself as a conscious being can have as its basis only the use of the laws of nature and social life, not their violation. In this sense, the problem of the freedom and necessity of man's conscious actions shows that determinism embraces them. "The free conscious actions of man, says S.L. Rubinstein, are involved in the general interrelation of phenomena as conditioned by the circumstances of his life and at the same time as modifying them"³⁶.

The question raised about consciousness as a process of man's awareness of the world around him and himself is related to the formation of his behavior. It is a question that is not only psychological because it has to do with a new form of life-human

³⁴ Rubinstein S.L. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 291. (In Bulgarian).

³⁵ Ibid. P. 293.

³⁶ Ibid. P. 295–298.

existence, the subject of which is able “to go beyond his relation to the world, to other people, to subordinate his life to duties, to take responsibility for everything done and everything omitted, to set himself tasks and without limiting himself in adapting to the available conditions to modify the world”.³⁷

Thus, the statement of S.L. Rubinstein's thesis gives us grounds to assume that consciousness is a characteristic of the human mentality in the social environment. Every cognitive activity is a conscious act of a person to achieve a certain cognition. He consciously experiences his relationship with the people he interacts with and consciously directs his voluntary efforts to achieve one goal or another. From an ethical point of view, a person is conscious when he acts by social requirements. Consequently, the term consciousness has reference to all the constituents of the generalized human mentality, but it is mainly associated with his voluntary behavior because the goals of volitional action are always conscious and determined by the interests of society.

Voluntary action is an action for the sake of society as a whole, and this action requires the coordination of the interests of the individual with the interests of society, e.g. the freedom of voluntary action must be determined by the principle formulated by L.S. Rubinstein about the impact of the "external through the internal". In this sense, it is more than clear that volitional action is related to human consciousness and language. Setting a goal and making a decision is impossible without language, without speech. Therefore, the will is associated by I.P. Pavlov most closely with his scholarship on the second signaling system.

Even though consciousness is a characteristic of the human mentality as a social being and is primarily associated with voluntary actions, secondly, it has essentially ethical dimensions. A person's awareness of the demands of the world around him and the attainment of consciousness in his behavior and actions is linked to his knowledge and understanding of the norms

³⁷ Rubinstein S.L. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 282. (In Bulgarian).

governing his behavior, which are primarily ethical. From this point of view, the issue of a person's awareness of the world around him and the achievement of consciousness in his behavior is not only a personal one, it is also linked to the targeted educational and upbringing work of schools and opinion-forming institutions such as civil associations and the Church. These, with their specific forms of working with people, are called upon to instill norms of behavior that secure their freedom of initiative within the societal requirements of responsibility in their actions.

The role of Christian orthodoxy in consciously motivating human behavior

For “the full characterization of man's consciousness, of the awareness of his behavior, says L. S. Rubinstein, one has to keep in mind not only the general “functional” characteristic of the process of awareness itself, but also what it encompasses, what is being made conscious”³⁸.

The process of awareness and what is being realized is linked, as we said, to the activities of the school and public opinion through the participation of civil associations, the media, and the Orthodox faith. They, through their educational work, through the word, give rules of conduct that motivate the conscious voluntary actions of people in society. In this case, we will turn our attention to the Orthodox faith and the public opinion connected with it.

Public opinion is a form of regulation of people's behavior, which has the character of a self-governing activity. It is carried out in oral form on behalf of a community or an institution about the people living in it, who are required to be self-aware and conscience-based in directing their actions and behavior. Considered a self-governing process, public opinion involves three sets of activities: the setting of a goal, the awareness and implementation of that goal, and the control of its realization. The

³⁸ Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 290. (In Bulgarian).

three activities are inextricably linked rather than distinct, as in the modern managerial process. The subjects of this process – the community that guides it using suggestion and the people living in it – are in different positions depending on the guiding principle that shapes public opinion: 'Voice of God – Voice of the People' or 'Voice of the People – Voice of God'.

The Orthodox Christian faith and its participation in the formation of public opinion are linked to the principle “Voice of God – Voice of the People”. In this sense, the “Voice of God” is the word of God expressed through the canonical norms and values that are preserved and transmitted to generations through the preaching of the holy fathers of the Church.

The rediscovery of the authority of Christianity and its canonical values, according to L. Zindentop, became the basis for the adoption, by voluntary consent, of democratism in the new forms of collective life³⁹. Even more so for us in Orthodoxy, which proclaims virtues that vindicate the dignity of the person. This Orthodoxy is achieved by declaring all people to be the children of God. The Holy Gospel of John says: “And to all who received him – to those who believed in his name – he allowed becoming children of God” (John 1:12). For all believing Christians, it makes no difference who they are – whether adult or child, male or female, sinful or righteous, wealthy or poor, all are equal in the sight of God. As his children, they are members of the Kingdom of God, in which they are completely free to participate in the divine life⁴⁰.

The equality of all Christians in front of God follows their equal freedom in their actions to develop their essential powers and thus reach divine perfection. Each one throughout his life walks the path that will make him godlike in a moral sense, guided in his actions by his conscience, formed by the word of God, and not by other persons, to reach this blessedness.

³⁹ Zindentop L. *Democracy in Europe*. Sofia: Vasil Stoilov; 2003. (In Bulgarian).

⁴⁰ *Bishop Nicodemus and Archpriest P. Hristov*. Textbook on apologetics / basic theology / Sofia: St. Synod on Bulgarskata tsarkva; 1943. P. 295–301. (In Bulgarian).

By God's will, equality and equal freedom for all Christians in the kingdom of God, transferred to earthly relations, are an example for them to distinguish themselves with their individuality within the boundaries of local communities and to motivate their behavior within them according to their conviction and conscience.

Since God, according to the Christian faith, is a God of love, and his relation to the world is a manifestation of that love, man's godliness in moral terms expresses itself in the same love for his neighbor. In the holy Gospel of Mark, it is commanded, "Love your neighbor as yourself" (Mark 12:31). Love between Christians motivates the relationship of brotherhood, and it is manifested in the service of one another by "each one with the gift he has received" (Peter 4:10), i.e., brotherhood is an expression of support for one's neighbor, according to each one's gift and conscience.

The Orthodox Faith proclaims Christians to be the children of God, elevates their self-worth, and equates them to the "Kingdom of God". It recognizes their right to be morally godlike and grants them equal freedom to pursue this goal according to their consciences. Thus equality and equal freedom assist in individualizing their behavior and lifestyle as Christians in the earthly community. Fraternity also calls them by their conscience to maintain the unity of the community. The conscious conduct of each Christian formed by the virtues of equality, equal liberty, and fraternity, which embody the requirements of the "Word of God" and each one's inner conviction of his measure of godlikeness, form the autonomy of their actions within it. This character of the conduct of Christians confirms the guiding principle of S.L. Rubinstein's determination of the consciousness and behavior of people in the social environment in accord with the principle that "external causes act through internal conditions". According to the annual church calendar, the role of the temple services is central to helping people realize the requirements of the Word of God, be guided by it with honesty and conscience, and apply it in their relationships with one another. The impressions from the preaching, chanting, and ritual

actions of the holy fathers contribute to the awareness of Christian virtues and the formation of moral status and consciousness in individual behavior in their interactions as believers in society.

The analysis made about the role of the Orthodox Church in the formation of the moral status and consciousness of believers as citizens, in our opinion, gives grounds to argue that the Orthodox faith affirms the worldview position of the Christian as a citizen for awareness and the beginnings of democracy in communication between social groups in society. This conclusion is also in the spirit of L. Zindenton, who states that Christianity creates the spiritual foundations of modern democracy because the moral status of individuals as children of god that it establishes subsequently becomes their social status and role⁴¹.

Conclusion

The theoretical concept of S. L. Rubinstein, according to which external causes act through internal conditions, is the leading one in studying the psychology of the human personality. We learned how a person's consciousness is determined by the external world mediated by mental activity. Certainly, by its educational work among believers, Orthodoxy shapes the moral orientations of their consciousness and behavior in society. This conclusion results from our analysis of the writings on mental activity and human consciousness. And of course from the inspiring thesis of the thinker S.L. Rubinstein: "To understand people to perfect them – this is the true purpose of psychology"⁴².

⁴¹ Zindenton L. *Democracy in Europe*. Sofia: Vasil Stoilov; 2003. P. 247. (In Bulgarian).

⁴² Rubinstein SL. *Existence and consciousness*. Sofia: Science and art; 1977. P. 328. (In Bulgarian).

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-59-68>

А.В. Карпов
(Ярославль, Россия)

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПСИХИКИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Аннотация. Творчество С.Л. Рубинштейна проанализировано с точки зрения истории и логики развития психологических представлений о составе и содержании когнитивных процессов. Показано значение его воззрений для эволюции представлений в этой области психологии. Особое внимание уделено тем предпосылкам, которые содержатся в трудах С.Л. Рубинштейна для становления и развития одного из важных направлений современной когнитивной психологии – метакогнитивизма. Данный вопрос и его связь с работами С.Л. Рубинштейна рассмотрены также в контексте современных представлений об основных когнитивных механизмах функционирования психики. Показано значение этих работ для философского осмысления процессов индивидуального и социального познания.

Ключевые слова: когнитивизм, метакогнитивизм, метамышление, метапамять

Введение

Сергей Леонидович Рубинштейн является классиком отечественной науки, внесшим огромный вклад в развитие не только психологического, но и философского знания. Поэтому, как и присуще любой «классике», его творчество, сохраняя свою значимость в разные исторические периоды, обретает, однако, в каждом из них новые грани, предстает в новом и все более глубоком содержании. В этом плане, по нашему мнению, видится очень показательной общность логики развития представлений о структурно-функциональной организации психических процессов, которая развертывается в когнитивной психологии, и ряда фундаментальных положений, сформулированных в свое время С.Л. Рубинштейном.

Действительно, логика развития представлений в данной области привела к становлению одного из основных направлений современной когнитивной психологии – метаког-

нитивизма. Его базовыми конструктами выступили два понятия – метамышление и метапамять. Метамышление – это мышление в отношении него же самого: работа с тем материалом, который его же и составляет, – знаниями, способами оперирования с ними и т.п. Аналогично и метапамять – это память в отношении нее же самой – тех представлений о ней и ее содержании, которые подлежат субъективной репрезентации. В силу этого сами метакогнитивные процессы обозначаются как «вторичные» процессы – как «процессы по организации других процессов», как «процессы с процессами» и пр.

Вместе с тем при осмыслении этих представлений необходимо учитывать и мысль С.Л. Рубинштейна, отмечавшего, что любой психический процесс – это не только то, *чем познается*, но и то, *что познается*¹. Сходный тезис содержится и в работах Л.М. Веккера, указывавшего, что когнитивные процессы могут выступать и в качестве операторов, и в качестве операндов². Впоследствии нами были сформулированы представления о существовании достаточно значимого механизма, делающего возможным это свойство психических процессов. Он обозначен как механизм *операндно-операторной обратимости* (ООО), а его сущность стоит в следующем. В структуре метапроцессов как «вторичных» тот или иной «первичный» когнитивный процесс выступает в двух модусах – операторном и операндном. С одной стороны, он сохраняет свой исходный – *операторный* модус и выступает в качестве активного операционного средства переработки информации – как внешней, так и внутренней. Однако, с другой стороны, он обретает и производный, вторичный модус – выступает уже как то, на что он сам и направлен – в качестве предмета отражения, то есть в качестве относительно пассивного *операнда*.

По нашему мнению, именно этот механизм – своего рода автовзаимодействие процессов самих с собой, является

¹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

² Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М. : Смысл, 2000.

наиболее значимой детерминантой целого ряда столь же важных принципов и закономерностей организации психики. Так, прежде всего, обратим внимание на то, что и в психологии, и в философии, равно как и в научном познании в целом, сложился целый ряд своего рода «понятийных оппозиций» – пар взаимопологаемых понятий, которые фиксируют важнейшие измерения реальности – и объективной и субъективной. В частности, это оппозиционная пара понятий объективного и субъективного, а также понятий объекта и субъекта, которая очень важна именно в психологии. Причем, употребляя термин «оппозиционная», мы используем его не как противопоставительный, а как отражающий гораздо более сложные отношения, предполагающие не только атрибутивную противоположность, но и взаимопологаемость фиксируемых полюсов этих понятийных дихотомий.

Далее, это и такие оппозиционные пары, как феномен и ноумен (феноменальное и ноуменальное), процесс и результат, имплицитное и эксплицитное, латентное и экстенсивное, агрегативное и интегративное и др. Причем, разумеется, наиболее общей и фундаментальной среди них является дизъюнкция материального и идеального. Она составляет, как известно, смысл основного вопроса философии. В связи с этим возникает вопрос: почему, собственно говоря, имеет место сам по себе факт существования этих оппозиционных пар и почему они играют столь важную роль в гносеологии? Почему они именно оппозиционны? Какие причины лежат в основе их конституирования? Какие собственно психологические – прежде всего, когнитивные детерминанты обуславливают их? На наш взгляд, решению этих вопросов как раз и могут способствовать представления о механизме операндно-операторной обратимости.

Так, прежде всего, в этом плане необходимо остановиться на оппозиционной паре понятий *субъекта* и *объекта*. При этом подчеркнем еще раз, что в данном контексте вовсе не стоит задача анализа соотношения этих понятий в целом, которая, естественно, является не только предельно общей и сложной и очень комплексной, далеко выходящей за пре-

дела настоящей работы. Здесь данная проблема рассматривается лишь в аспекте методологии качественного анализа и тех императивов, которые в ней содержатся. В этой связи, на наш взгляд, необходимо вновь обратиться к творческому наследию С.Л. Рубинштейна, предупреждавшего о так называемой «ошибке онтологизации» субъекта и попытке выявления ее причин, а также к тому, что, возможно, она не является только ошибкой, а в ее основе коренятся факторы более глубокого плана. Действительно, в своем исходном и строгом смысле само понятие субъекта является принципиально релятивистским, поскольку имеет смысл и вообще конституируется лишь в соотношении с понятием объекта. Вместе с тем, как известно, именно в психологии такая – наиболее строгая и адекватная трактовка сплошь и рядом не соблюдается, а понятие субъекта рассматривается и используется в ином – более широком плане. Другими словами, в психологии сложилась прочная и широко представленная традиция использования понятия субъекта в несколько ином плане – уже не преимущественно гносеологическом (релятивистском, то есть соотносительном с объектом), а именно в онтологическом. Согласно ей понятие субъекта и тем более – субъективного сближается или даже фактически отождествляется с понятием психического в целом. Субъект рассматривается как носитель особой формы организации психического, а субъективное – как сама эта особая и высшая по уровню сложности форма. Это – в некотором смысле, расширенная трактовка.

Главной причиной такого тренда значений данного понятия является то, что понятием субъекта и субъективной реальности обозначается такая, которая носит характер, так сказать, «не-объективной» в том смысле, что она детерминирована теми особенностями и факторами, которые вытекают из всей психической организации как таковой. Это – то, что обычно обозначается понятиями субъективных детерминант, параметров «человеческого фактора», внутренних условий», специфических особенностей психики и пр. Иными словами, это все то, что синтезирует в себе качественную определен-

ность, а одновременно – и специфичность именно психической организации субъекта. Это – вся система его качественных «измерений», которые и составляют субъектность как таковую.

Поэтому характеристики субъекта в его строгом и исходном смысле – как релятивистского по своей сути, они в то же время трансформируются в иной статус – сущностей уже не релятивистского, а субстанционального, то есть именно онтологического плана. И именно в этом, на наш взгляд, состоит главная причина того, что сама «ошибка онтологизации» не только существует, но и очень широко представлена. Она является фактически уже не столько ошибкой, сколько положением, гласно или негласно разделяемым подавляющим большинством исследователей и, что еще важнее, реально используемым в исследованиях. Тем самым и факт ее наличия, и причины того, почему она существует и почему она так устойчива к критике – почему она так резистентна к ней и «живуча», является важным аргументом того, что она отражает очень существенную черту субъективной реальности.

Однако в связи с этим можно видеть, что именно категория субъектных и, следовательно, субъективных закономерностей как раз и сопряжена с субъектностью как таковой, то есть с той сферой, которая ее и составляет, – с сознанием, с рефлексивными механизмами и, соответственно, порождаемыми ими феноменами и детерминантами. Вторая же категория закономерностей – объективных представляет собой то, что оппозиционно первой, и является объективными не только потому, что она носит такой характер сама по себе, но и потому, что она не подвержена именно осознаваемым детерминантам. Она объективна не только в силу собственной объективности, но и в силу независимости от субъективного вмешательства – осознаваемой детерминации.

В значительной степени именно на основе этого механизма конституируется дифференциация психики на два модуля – осознаваемое и неосознаваемое. Операторный модуль обеспечивает то, что осознаваемое не просто обладает непо-

средственной данностью, но, более того, этой данностью и является. Оно для субъекта не просто есть, но и составляет саму субъектность. Благодаря ему он – субъект и становится таковым, а бытие сознания – это и есть бытие самого субъекта, презентуемое в том числе и в свойстве исходно присутствующей субъекту и субъектности активности. Однако и второй модус психического – бессознательное также обретает в связи с этим и, в особенности в неразрывной сопряженности с самим осознаваемым, новое качество. Оно становится не только тем, что полагается самим осознаваемым как его противоположность, но и тем, на что оно направлено – на что направлена активность осознаваемого, то есть операндом. За счет этого и порождаются те отношения, которые составляют суть субъектности как таковой, конституируется субъектность в ее прямом смысле. Один модус психического (и, соответственно, уровень его организации) – осознаваемое выступает в качестве прямого аналога и прототипа субъектности по отношению к другому – бессознательному. Отношения же между осознаваемым и неосознаваемым не только предстают как отношения субъектности, но и, по-видимому, порождают их.

В этом плане необходимо отметить и уже констатированный выше феномен автовзаимодействия: именно он как раз и начинает развертываться между этими модусами. Причем один из них выступает активным полюсом этого автовзаимодействия – протоосновой субъектности: это – осознаваемый модус. Второй – неосознаваемое выступает в качестве относительно пассивного, так сказать, страдательного полюса; это бессознательное.

В этой связи вполне уместно вспомнить положение, согласно которому сама произвольность как феноменологический аналог субъектности вообще возможна не только вследствие наличия сознания, но и вследствие наличия бессознательного. Она возможна только в том случае, если существует то, в отношении чего реализуются ее функции – предмет произвольности. Им может выступать то, что самому ему оппозиционно, – прежде всего, отмеченное «управляемое»,

«регулируемое». Само наличие в психическом двух этих модусов – это не только протооснова, но и причина становления субъектности. Можно видеть, что здесь возникает важнейшая грань субъектности. Она заключается не в разделении на зависимое от субъекта и не зависимое от него, а в конституировании критически значимого атрибута психического – его не только самоданности, но и самоуправляемости. Он, как следует из этого, также обусловлен отношениями системных и не-системных качеств в структуре психики. Субъектность (*agensy*) или как минимум ее иллюзия – это порождение тех сложнейших отношений, которые существуют между двумя классами модусами психических процессов – операторным и операндным.

Далее с позиций развитых выше представлений о сути этих – повторяем, сложнейших и многоплановых, весьма имплицитных отношений раскрываются и дополнительные грани соотношений двух других очень общих или даже – всеобщих понятий, широко используемых в психологических исследованиях – понятий *процесса* и *результата*, процессуальности и результативности. На важность этого опять-таки указывал С.Л. Рубинштейн, подчеркивая, что психическое существует лишь в форме процесса; что процесс – это и есть способ существования психического. Важно еще и то, что, обладая общенаучным статусом и применяясь практически во всех отраслях знания, эти понятия имеют, пожалуй, наибольшее значение именно для психологического познания и очень специфичны именно для организации психики. Процессуальность и результативность, процесс и результат, взятые именно по отношению к психическому, обретают отмеченное выше фундаментальное свойство. Осознанию – субъективной данности подлежат – доступны ему только результативные, а сама процессуальность, их обеспечивающая, принципиально недоступна ему, она скрыта от феноменологической данности, принципиально непроницаемая для интроспекции. В этой связи необходимо отметить фундаментальную особенность организации психического, которая придает специфичность соотношению феноменального и но-

уменьшего в нем. Более того, именно эта особенность вообще рассматривается как основная – максимально специфичная психике как предмету исследования и столь же важная в плане возможностей самого этого исследования. Она состоит в том, что психическое феноменологически представлено лишь в аспекте своих содержательных, результативных проявлений, но не в плане тех механизмов, которые лежат в его основе. Оно, действительно, дано интроспективно, но в весьма ограниченном виде – в виде итоговых эффектов функционирования, но не средств, процессов и механизмов, их обеспечивающих. Это, как известно, одна из важнейших, наиболее фундаментальных и определяющих особенностей психики. Она обуславливает «непроницаемость» психического, невозможность доступа к его механизмам средствами интроспекции – то, уже не раз отмечавшееся выше обстоятельство, согласно которому «психическое трагически невидимо». Оно – в аспекте своих механизмов (то есть того, что, собственно говоря, и интересует научное познание в целом и психологическое в особенности) не только не объективируемо, но даже – в его значительной и определяющей части и *не субъективируемо*.

Другими словами, оно, действительно, дано субъекту, но только как феномен, а не как ноумен. Более того, именно по отношению к психическому, как следует из сказанного, проникновение через первый (феномен) ко второму (ноумену) не просто крайне проблематично, но и, по-видимому, принципиально невозможно за счет существующих в настоящее время познавательных средств. Отсюда, однако, вытекают и еще три следствия. Первое: субъективно – интроспективно (то есть с позиций «внутреннего наблюдателя») психическое дано точно так же, как «внешнему наблюдателю» дан любой иной объект – оно дано только как феномен. Второе: по отношению к психическому «путь» от феномена к ноумену не просто еще более затруднен, но и сопряжен с принципиальными преградами, обусловленными базовыми атрибутами психического – его интроспективной неданностью, его «невидимостью»: оно не только не объективируе-

мо, но и не субъективируемо в плане его механизмов. Третье: по отношению к познанию психического имеет место сохранение всех атрибутивных особенностей связи феноменального и ноуменального, а одновременно – их усиление и существенное усложнение самой этой связи. Этим, собственно говоря, и обусловлена специфика психологического познания, а также его бóльшая сложность по сравнению со многими иными сферами познания.

Констатируя это, необходимо, по нашему мнению, обратить внимание и на еще один аспект рассматриваемой связи понятий феноменального и ноуменального. Он, к сожалению, обычно не эксплицируется и не становится предметом специального анализа, хотя является весьма значимым. Действительно, все рассмотренные выше стороны соотношений этих понятий в принципе известны и являются предметом рассмотрения в психологических и философских исследованиях. Вместе с тем такие соотношения, с одной стороны, и оппозиция результативности–процессуальности – с другой, рассматриваются, во-первых, независимо друг от друга и, во-вторых, в основном не на психологической проблематике. В самом деле, и в философии в целом и в гносеологии как ее специфически познавательном направлении соотношение феномена и ноумена обсуждаются в основном на материале познания любых иных объектов, но не психологических. Объекты анализируются именно как таковые – в их объективном статусе, в их противоположности по отношению к специфике психического, как в определенной степени противоположного самому объективному – субъективному. Далее констатируются все трудности, которые сопряжены с проникновением от уровня феномена (явления) к уровню ноумена (сущности). В итоге, как правило, делается вывод о невозможности полной реализации этого проникновения, о принципиальной недоступности сути вещей их раскрытию.

Вместе с тем парадоксальным образом не осознается тот факт, что именно эта ситуация, причем с еще большей очевидностью, как раз и характерна для собственно психологического познания. Все его предметы, как показано выше,

обладают той же самой особенностью, которая характерна и для внешнеположенных по отношению к нему объектам. Они также принципиально даны только в их феноменологическом статусе, а сам этот статус как раз и конституирует всю феноменологию как таковую. Однако они же и столь принципиально закрыты для раскрытия их механизмов – они столь же ноуменальны. Причем степень их ноуменальности еще выше, чем для объектов внешней реальности. Если последние все же допускают проникновение в их суть посредством все более совершенных процедур и методов научного исследования, то первые этого в принципе не допускают – они не только не объективируемы, но и не субъективируемы. Более того, организация психического такова, что они и не должны быть субъективируемы, поскольку в этом случае создавались бы предпосылки для нарушения действия объективных закономерностей. В этом плане совершенно очевидно, что неполная данность психики ей самой, то есть принципиальная ограниченность интроспекции, это отнюдь не «недоработка» эволюции, а ее мощнейшее завоевание. Оно оберегает ее от вмешательства факторов субъектного и, следовательно, субъективного плана. Посредством ингибции субъективных и значит, повторяем, субъективных факторов обеспечивается объективный (в строгом смысле данного понятия) характер базовых закономерностей структурно-функциональной организации и динамики психики. «Мудрость природы», само эволюционное развитие психики человека в филогенезе посредством этого ставит барьер и накладывает запрет на вмешательство в базовые основы ее организации со стороны субъективных факторов. Тем самым и вся структурно-функциональная организация психики сохраняет свой объективный характер, хотя и допускает известную степень (но именно – «известную», а, конечно, не полную) субъективного вмешательства в нее.

Н.А. Логинова
(Санкт-Петербург, Россия)

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ РУБИНШТЕЙН И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Аннотация. С.Л. Рубинштейн прибыл в Ленинград, где уже существовала научная психологическая школа В.М. Бехтерева антропологической направленности. Сотрудничество с бехтеревцами, представителями естественнонаучной по своим методам психологии, и С.Л. Рубинштейна – философа по своей главной интенции – оказалось плодотворным как в научном, так и личностном плане. В исследовании приводятся некоторые факты из истории петербургской-ленинградской психологии, показаны многолетние тесные связи С.Л. Рубинштейна с Б.Г. Ананьевым – создателем в стенах ЛГУ (СПбГУ) научного, практического и учебного центра, а вместе с тем научной школы. Характер этой школы, как и школы Бехтерева, определялся антропологизмом, дополненным новой методологией комплексного человекознания. В соответствии с этим здесь были осуществлены новаторские комплексные исследования структуры и развития субъекта познания, труда, общения. В статье отмечается близость научных взглядов Рубинштейна и Ананьева, а также сходство их характеров.

Ключевые слова: Бехтерев, Ананьев, ЛГПИ им. А.И. Герцена, ЛГУ-СПбГУ, философская антропология, антропологическая психология

С.Л. Рубинштейн внес весомый вклад в методологические основы психологической науки в нашей стране, организовал ряд институций, написал фундаментальные, неустаревающие до сих пор учебники по психологии, воспитал влиятельную научно-психологическую школу.

С.Л. Рубинштейн являлся прежде всего философом, его философская антропология была взята на вооружение отечественными гуманитариями и психологами. Сотрудничество Сергея Леонидовича с Петербургской (Ленинградской) психологической школой в период 1930–1969 гг. является предметом нашей статьи.

* * *

Сергей Леонидович прибыл в Ленинград из Одессы в 1930 г., начал работать в Публичной библиотеке заместителем директора, но уже в 1931 г. перешел на работу в Ленинградский педагогический институт (теперь Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена). В то время Ленинград был, пожалуй, самым значительным центром науки и образования в стране. До 1934 г. здесь находилась Академия наук, старейший университет, основанный Петром Первым в 1724 г. Здесь работали выдающиеся ученые разных специальностей и была научная психологическая школа Владимира Михайловича Бехтерева¹. Она формировалась с самого начала XX века как школа *объективной психологии*, позднее – рефлексологии. В 1920-е гг. были изданы итоговые книги Бехтерева «Основы общей рефлексологии», «Коллективная рефлексология», а также множество статей о человеке – его структуре, деятельности, социальном поведении, его развитии в онтогенезе и филогенезе.

Научно-исследовательским центром Психоневрологического института и всей психологической школы Бехтерева стал спроектированный и созданный в 1918 г. В.М. Бехтеревым Институт по изучению мозга и психической деятельности. Здесь осуществлялись комплексные исследования человека, а также практическая деятельность ученых по применению психоневрологических знаний в области образования (педология), медицины (дефектология в широком смысле слова) и индустриального производства (психотехника)².

¹ В.М. Бехтерев основал несколько научно-практических школ в области психоневрологии, в том числе и психологическую, в его поздней терминологии – рефлексологическую.

² См.: *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005; *Логинова Н.А.* Об Институте мозга им. В.М. Бехтерева (К 75-летию со дня основания) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 110–119; *Ярошевский М.Г.* Уникальное средоточие психологических знаний // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 120–124.

В мировоззрении Бехтерева психические явления неотъемлемый атрибут человека, личности. Ученый призывал изучать и любить человека, уважать в нем самостоятельную личность. Антропологизм идейных установок В.М. Бехтерева логичным образом сочетался с комплексным подходом, который подразумевал изучение психических явлений в сопоставлении с данными морфологии, физиологии, биохимии мозга человека, с одной стороны, а с другой стороны, социальными условиями его жизни в разных исторических обстоятельствах, во многих общностях. В.М. Бехтерев и его последователи предпочитали объективные методы исследований – наблюдения, лабораторный или естественный эксперимент. Большинство из первого поколения учеников В.М. Бехтерева были врачи по образованию.

Когда в 1931 г. Сергей Леонидович Рубинштейн перешел на работу в Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена (ЛГПИ), здесь уже работали представители бехтеревской научной школы – заведующий кафедрой педологии Михаил Яковлевич Басов (годы жизни 1892–1931), а также преподаватели (по совместительству) – сотрудники Института мозга Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, Г.С. Рогинский, В.И. Кауфман и другие. Для них Бехтерев был образцом научного и общественного деятеля. Однако в конце 1920 – начале 1930-х гг. рефлексологическая теория В.М. Бехтерева под давлением большевистского руководства страны была подвергнута пересмотру и критике в трех методологических дискуссиях, организованных в Институте мозга, а также на I Всесоюзном съезде поведения человека (1930 г. Ленинград). В итоге бехтеревцы отказались от ортодоксальной рефлексологии, но сохранили лучшие черты бехтеревской концепции – объективность, опора на научные данные, антропологизм, комплексный подход, эмпирические методы исследований, принцип развития применительно к онтогенезу и филогенезу. В Институте мозга продолжалось начатое Бехтеревым сравнительное изучение развития младенцев и животных, изучение характера, способностей

и склонностей учащихся, конструктивно-технической деятельности и художественного развития детей.

С.Л. Рубинштейн критично относился к рефлексологии В.М. Бехтерева за механицизм в вопросе о соотношении психического и физического, за перенос естественнонаучных законов на объяснение социальной жизни. Показательно, что в учебнике Рубинштейна «Основы психологии», изданном в 1935 г., Бехтерев упоминается только дважды – в связи с предметом психологии и панпсихизмом. В этом учебнике автор обстоятельно характеризует мировую психологию и мало пишет о российских психологах, за исключением И.М. Сеченова, которому были посвящены несколько страниц. Упоминались и некоторые другие дореволюционные и советские ученые. Через пять лет Рубинштейн более внимательно отнесся к психологическому наследию Бехтерева, что выразилось в увеличении до 7 ссылок на его публикации в книге «Основы общей психологии» (1940), а в следующем издании этой книги (1946) Бехтерев упоминается 10 раз. Выросло и количество ссылок на работы сотрудников бехтеревских институтов, особенно Института мозга. Представляется, что положительному отношению к научной продукции школы В.М. Бехтерева способствовало и личное общение с бехтеревцами.

В ЛГПИ Сергей Леонидович погрузился в организационную, педагогическую и научно-исследовательскую работу. Под его руководством начались экспериментальное исследование мышления, речи, наблюдения. В них участвовали сотрудники А.Г. Комм³, А.М. Леушина, А.А. Люблинская, Г.Т. Овсепян, Ф.С. Розенфельд⁴, В.Е. Сыркина и др.

Психологи ЛГПИ им. А.И. Герцена и «мозговики» (так называли себя сотрудники Института мозга) были в курсе дел друг друга. Студенты педагогического института приходили в Институт мозга на экскурсию в Музей эволюции нервной

³ Стоит заметить, что А.Г. Комм в 1927–1930 гг. училась в аспирантуре Института мозга им. В.М. Бехтерева.

⁴ Ф.С. Розенфельд ранее работала в том же Институте мозга.

системы, сотрудники обоих учреждений участвовали в одних и тех же научных событиях. Была взаимная поддержка в ответственных ситуациях. На базе ЛГПИ им. А.И. Герцена был открыт ученый совет по защите диссертаций по психологии под председательством С.Л. Рубинштейна. Здесь в 1940 г. Б.Г. Ананьев защитил докторскую диссертацию, посвященную истории российской психологии в XVIII–XIX вв. После войны С.Л. Рубинштейн содействовал Ананьеву в издании монографии по материалам этого диссертационного исследования. Книга Ананьева вышла в 1947 г. под эгидой Академии наук СССР с вводным текстом «От Института философии Академии наук СССР», вероятнее всего, написанным С.Л. Рубинштейном. В библиотеке Бориса Герасимовича хранился экземпляр этой книги с автографом Сергея Леонидовича⁵.

22–24 марта 1941 г. в ЛГПИ была организована научная сессия по обсуждению учебника «Основы общей психологии». Среди выступавших был Б.Г. Ананьев, который сказал: «Труд “Основы общей психологии”, четыре тома Ученых записок кафедры, наконец, план создания крупного четырехтомника по психологии – капитального труда, который обобщал бы весь опыт мировой психологии, – это достойное дело, по поводу которого можно говорить и которое надлежащим образом оценить. ... Работа Сергея Леонидовича содержит принципиальный момент. В ней чрезвычайно много советских исследований, в ней приводятся данные, не только построенные на принципиально новом методологическом основании, но и посвященные принципиально новому материалу – советский школьник, советский рабочий, ученый, художник. Советская личность стала с момента появления этой работы действительным объектом психологического анализа»⁶.

⁵ Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII–XIX веков. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1947.

⁶ Приводится по статье: Пархоменко О.Г., Ронзин Д.В., Степанов А.А. С.Л. Рубинштейн как педагог и организатор психологической науки в Ленинграде // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 3. С. 4.

Б.Г. Ананьев был одним из тех, кто давал положительный отзыв на эту книгу С.Л. Рубинштейна. Высшая в тот период государственная награда Сталинская премия способствовала избранию ее автора членом-корреспондентом Академии наук СССР, назначению директором Государственного института экспериментальной психологии (ГИЭП) при МГУ им. М.В. Ломоносова, руководителем кафедры и отделения психологии в МГУ (1942, 1943), а вместе с тем отделения языка, логики и психологии на филологическом факультете МГУ. В 1945 г. Рубинштейн организовал и возглавил сектор психологии в Институте философии АН СССР. Он также был избран действительным членом вновь созданной Академии педагогических наук РСФСР.

Ленинградский период деятельности С.Л. Рубинштейна имел большое значение для формирования культуры научного труда и личности молодых ученых и студентов – будущих школьных учителей. Его лекции производили сильное впечатление, которое не сглаживалось с годами. Общение с Сергеем Леонидовичем задавало им эталон личности, по которому его младшие товарищи сверяли свое научное и гражданское поведение и свои трудовые достижения. Бывшие студенты Сергея Леонидовича ставили его на первое место среди научных светил советской психологии.

История взаимоотношений С.Л. Рубинштейна с бехтеревцами продолжалась и в годы войны. В 1942 г. С.Л. Рубинштейн был отозван из эвакуации в Москву и, как сказано выше, назначен директором Института экспериментальной психологии при МГУ. В сентябре 1943 г. Сергей Леонидович принял на работу Б.Г. Ананьева в качестве заведующего лабораторией характерологии этого института. Но уже в ноябре Б.Г. Ананьев отбыл из Москвы по вызову председателя горисполкома Ленинграда. В марте 1944 г. Ананьев пишет письмо в правительство о необходимости открыть лабораторию по психологии речи в ЛГПИ им. А.И. Герцена и получает положительный ответ. Таким образом была восстановлена исследовательская работа по психологии речи, начатая Сергеем

Леонидовичем. Психологи города, пережившие блокаду, эвакуацию, получили возможность вернуться к любимому делу. Об этом вспоминала Анна Александровна Люблинская. По ее словам, «...это была та живая вода, которая вернула многих из нас к жизни, к науке, умственному труду»⁷. В тот же год профессор Б.Г. Ананьев возглавил вновь созданное психологическое отделение на философском факультете Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ). Если в 1930-е гг. Педагогический институт им. А.И. Герцена, Институт мозга, Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева были главными центрами развития психологии в Ленинграде, то после войны с упразднением Института мозга в 1948 г., переездом С.Л. Рубинштейна в Москву в 1942 г. центром становится Ленинградский государственный университет, в котором было организовано отделение психологии под руководством Б.Г. Ананьева.

В сороковые годы С.Л. Рубинштейн приступил к созданию новых психологических институций. В 1945 г., будучи профессором и заведующим кафедрой психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующим в организованном им же секторе психологии Института философии АН СССР, Сергей Леонидович сформировал ядро своей научной школы в столице. Его московскими учениками стали студенты и аспиранты психологического отделения философского факультета МГУ ныне известные К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, Е.А. Будилова, Е.И. Шорохова и другие.

В период становления психологического образования и психологической науки в МГУ и ЛГУ проходили научные дискуссии, в которых участвовал и Б.Г. Ананьев. Ананьевым была написана рецензия на второе издание «Основы общей психологии» 1946 г., в которой он охарактеризовал книгу как

⁷ Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы / автор и составитель Н.А. Логинова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 212.

«лучшее в современной психологической литературе произведение»⁸. Насколько нам известно, он не был участником гонений, которые пережил Рубинштейн в 1949 г. во время так называемой кампании по борьбе с космополитизмом.

К концу 1950-х гг. Б.Г. Ананьев заявил свою концепцию, которую смело можно назвать *антропологической психологией*. Ее сущность, как думается, созвучна главной теме творчества С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». Концепция Б.Г. Ананьева легла в основу комплексных психологических исследований человека в Ленинградской психологической школе. Закономерно, что программная статья Ананьева, опубликованная в 1957 г. «Человек как общая проблема современной науки»⁹, получила одобрение Рубинштейна.

Событием в советской психологии явилась новая монография С.Л. Рубинштейна «Бытие и сознание». 28 октября 1958 г. в ЛГПИ им. А.И. Герцена состоялось обсуждение этой книги, в котором участвовал и Б.Г. Ананьев. На основе своего выступления он написал рецензию¹⁰. Борис Герасимович подчеркнул важность постановки вопроса о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Он, как и Рубинштейн, был убежден, что картина мира будет неполной, если изъять из нее психическое. Человек – субъект сознания и деятельности. Он своей сознательной деятельностью преобразует мир, поэтому сознание – важнейший фактор жизни человечества и движения мира в целом.

Высокая оценка произведений С.Л. Рубинштейна вместе с тем вызывала у Б.Г. Ананьева желание поспорить. По его мнению, настала пора ставить вопрос о социальной психологии, изучать восприятие человека человеком, использо-

⁸ Ананьев Б.Г. Рецензия на книгу С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии». Изд. 2-е // Советская книга. 1946. № 12. С. 31–34.

⁹ Ананьев Б.Г. Человек как общая проблема современной науки // Вестник Ленингр. ун-та. Серия: Экономика. Философия. Право. 1957. Вып. 2. № 11. С. 90–101.

¹⁰ Ананьев Б.Г. «Бытие и сознание» (О новой книге С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 1959. № 1. С. 5–11.

вать тесты для психодиагностики, чего не было у Рубинштейна. Ананьев был не согласен с Рубинштейном в том, что речь является познавательной деятельностью, что не бывает кинестетических восприятий. Положительно оценивая анализ мышления, произведенный Рубинштейном на примере научной деятельности, указал, однако, что надо еще изучать мышление в конструктивно-технической деятельности, своеобразии познания в гуманитарных науках. Особо положительное отношение к творчеству Рубинштейна практически выразилось и в том, что книга «Бытие и сознание», равно как «Основы общей психологии» стали обязательными для изучения студентами нового факультета психологии Ленинградского университета.

В 1967 г. Борис Герасимович дал согласие участвовать в комиссии АПН СССР по изданию рукописей С.Л. Рубинштейна и тем самым сдвинул с «мертвой точки этот процесс»¹¹. Последним публично выраженным знаком почтения к творчеству и личности Сергея Леонидовича было выступление и юбилейная статья Б.Г. Ананьева в год восьмидесятилетия ученого. Борис Герасимович очень уважал С.Л. Рубинштейна, которому были присущи «чуткость к критике и высокая требовательность к себе, развитая научная совесть и способность к самокритике ... и удивительный дар выходить на передний край науки»¹². «Сергей Леонидович, – писал Ананьев, – становится выразителем дум целого поколения советских психологов, строивших нашу науку на рубеже 30-х и 40-х годов»¹³. А его учебник «Основы общей психологии» явился самым эффективным синтезом всех достижений советской психологии того времени. Эта книга, по словам Ананьева, «открыла советскую психологию для широких

¹¹ Письмо К.А. Абульхановой-Славской к Б.Г. Ананьеву от 28 апреля 1967 г. / Архив семьи Ананьевых.

¹² Ананьев Б.Г. Творческий путь С.Л. Рубинштейна (к 80-летию со дня рождения // Вопросы психологии. 1969. № 5. С. 128.

¹³ Там же. С. 126.

масс советской интеллигенции и способствовала росту самосознания самой психологической науки, ее готовности применять на практике новые принципы и знания в любых условиях и при любых испытаниях»¹⁴.

Взаимодействие двух научных школ непосредственно происходило и в Институте психологии Академии наук, учрежденного в 1972 г., последовательно возглавляемом учеником Б.Г. Ананьева Б.Ф. Ломовым и учеником С.Л. Рубинштейна А.В. Брушлинским. В развитии этого института большую роль сыграл переход психологов школы Рубинштейна К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, Е.А. Будиловой, Е.И. Шороховой и других из Института философии в Институт психологии.

Приведенные некоторые исторические факты свидетельствуют, по нашему мнению, об идейном родстве двух научных школ – С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева и всей Петербургской психологической школы. Творчество С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева можно представить как продвижение навстречу друг другу – со стороны философской антропологии у Рубинштейна, со стороны антропологической психологии у Ананьева. На наш взгляд, есть все основания полагать, что в настоящее время антропологическое направление психологии продолжается и усиливается не только в России, но и в мире. А потому идеи и достижения антропоцентричных ученых и мыслителей С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, а вместе с ними и В.М. Бехтерева как основателя Петербургской психологической школы будут востребованы вновь и вновь. Психологическая наука сегодня остро нуждается в философском осмыслении достижений и трудностей, накопленных в психологической науке после С.Л. Рубинштейна, во второй половине XX века и первой четверти XXI века. Как показал Рубинштейн, путь к философии психологии пролегает через погружение философа

¹⁴ *Ананьев Б.Г.* Творческий путь С.Л. Рубинштейна (к 80-летию со дня рождения // Вопросы психологии. 1969. №5. С. 127.

конкретные факты, открытые законы и даже в сам процесс эмпирических исследований. Хочется верить, что профессиональные философы по примеру С.Л. Рубинштейна обратят свой взор на современную психологическую науку и дадут импульс к переходу антропологической психологии на новый, более высокий уровень развития.

В.А. Мазилев
(Ярославль, Россия)

**С.Л. РУБИНШТЕЙН В 1930-Е ГОДЫ: ФИЛОСОФ,
СПАСШИЙ И СОХРАНИВШИЙ ПСИХОЛОГИЮ**

Аннотация. С.Л. Рубинштейн – выдающийся отечественный психолог и философ, причем две эти ипостаси в творчестве ученого трудно-разделимы. Вклад ученого в становление и развитие психологии в СССР многогранен и неоченим. В статье выделяются характеристики индивидуального стиля творческого мышления Рубинштейна, которые обусловили успех в решении сложнейших философско-психологических задач в 1930-е гг. В статье анализируются попытки психологов сделать научную психологию марксистской, то есть соответствующей господствующей идеологии. Профессиональные философы не уделяли психологии достаточного внимания, поскольку были заняты решением вопроса создания научной философии. Психологам пришлось решать вопросы методологического обоснования их науки самостоятельно. В этом преуспел С.Л. Рубинштейн, сочетавший ипостаси психолога и философа. Единственным проектом, основывающемся не на внешних признаках марксистской философии, а на подлинных идеях Маркса, явилась работа С.Л. Рубинштейна «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934). Показано, что философские исследования С.Л. Рубинштейна в первой половине 1930-х гг. позволили сформировать методологическую основу марксистской психологии, в результате чего была создана система советской психологии («Основы психологии», 1935). Рубинштейн обнаружил реальное основание в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркса. Текст Маркса мог послужить надежной «охранной грамотой» для построения научной психологии. Рубинштейн оказался прав: опровергнуть разработки ученого не смог никто – ни официальные идеологи, ни конкуренты. Создание ядра научной психологии, принятого практически всеми – и психологами, и философами, и идеологами, и властными структурами, позволило психологии как науке уцелеть в 1936 г. (когда вышло известное постановление «О педологических извращениях»), ибо в отличие от педологии и психотехники она предстала (благодаря работам С.Л. Рубинштейна) подлинной научной дисциплиной, фундаментом которой послужили ранние работы Маркса, а не конгломератом различных противоборствующих подходов (как педология или психотехника). Во второй половине 1930-х гг. ученый приступил на основе созданной методологии к реформированию уже мировой психологической науки. Первый вариант реализации проекта мировой психологии представлен в 1940 г. в «Основах общей психологии».

Ключевые слова: неокантианство, марксизм, методологические основы психологии, психология в СССР, история психологии, философия психологии

Введение

Уходящий 2024 год, несомненно, запомнится психологам как год важного юбилея для отечественной психологической науки, поскольку в июне отмечалось 135-летие со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Имя замечательного психолога и философа в каких-либо дополнительных комментариях абсолютно не нуждается, поскольку его многочисленные заслуги перед отечественной и мировой наукой и широко известны, и многократно описаны и проанализированы. Сошлемся на авторитетное мнение И.Н. Семенова, писавшего пять лет назад о предыдущей памятной дате: «Одним из выдающихся лидеров среди советских философов-психологов являлся Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960), в 2019 г. научная общественность отмечала 130-летие со дня его рождения (юбилейная конференция в ИП РАН, методологический семинар в ПИ РАО, заседание МПО, статьи в ряде психологических журналов)»¹.

С.Л. Рубинштейн по праву относится к числу создателей и ключевых фигур советской психологии, его фундаментальные труды не подвергались забвению (даже во время известных идеологических кампаний рубежа 1940–1950 гг.), его книги широко переиздаются, поскольку по-прежнему актуальны. Анализу его деятельности и вклада в психологическую науку и философию посвящена огромная литература, включающая известные монографии, в том числе подготовленные непосредственными учениками С.Л. Рубинштейна²,

¹ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн как субъект научной деятельности // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М., 2020. С. 238.

² См.: Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М., 1989; Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989; Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Основные этапы развития

опубликовано значительное число научных статей, освещающих как творчество ученого в области психологии в целом³, так имеющее отношение к отдельным вопросам психологии.

Биография Сергея Леонидовича Рубинштейна изучена едва ли не лучше всех других отечественных психологов. Его учениками и последователями написано несколько биографий, опубликованы монографии, посвященные жизни и деятельности С.Л. Рубинштейна, проведены многочисленные научные конференции, на которых обсуждался вклад ученого в развитие психологической науки. Благодаря подвижнической деятельности его непосредственных учеников, среди которых в первую очередь необходимо отметить К.А. Абульханову и А.В. Брушлинского, концепции Сергея Леонидовича Рубинштейна детально проанализированы и исследованы.

Можно согласиться с заключением И.Н. Семенова, который отмечает: «Важно подчеркнуть, что заложенные С.Л. Рубинштейном философско-методологические основы отечественной психологической науки и проведенные им и его научной школой теоретико-экспериментальные исследования не только развиваются его ближайшими учениками

концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. М., 1997; *Абульханова-Славская К.А., Славская А.Н.* Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. М.–Воронеж, 2010 и мн. др.

³ *Абульханова-Славская К.А.* Историческая последовательность разработки философских проблем психологии в трудах С.Л. Рубинштейна и его школы // Всесоюзная конференция «Актуальные проблемы истории психологии». Т. 1. Ереван: ЕГУ, 1982. С. 33–42; *Семенов И.Н.* С.Л. Рубинштейн как субъект научной деятельности // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М., 2020. С. 238–264; *Семенов И.Н.* С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 63–89; *Семенов И.Н.* Методологическое взаимодействие психологии с философией в социокультурном пространстве советского времени (к 130-летию юбилею С. Л. Рубинштейна) // Мир психологии. 2019. № 2 (98). С. 266–283 и мн. др.

и последователями, но и постоянно находятся в поле внимания специалистов в качестве историко-научных и теоретико-методологических предпосылок проводимых ими конкретных психологических изысканий, а также категориально-дидактических принципов систематизации и обобщения психологических знаний для их презентации в учебниках и для университетского преподавания в процессе высшего профессионального образования»⁴.

Вклад выдающегося ученого в развитие отечественной и мировой психологической науки многократно был предметом скрупулезного анализа как психологов и философов, так и историков психологии, что делает избыточным общий обзор идей С.Л. Рубинштейна и позволяет сосредоточиться на узкой теме настоящей статьи.

Проведение круглого стола и издание трехтомного собрания сочинений выдающегося ученого можно только приветствовать, поскольку работы С.Л. Рубинштейна сохраняют свою актуальность для психологии XXI столетия.

С.Л. Рубинштейн: эпохи жизни

Выше уже отмечалось, что жизненный путь и творческая деятельность С.Л. Рубинштейна были подробно рассмотрены и описаны и в целом, и по отдельным этапам. Не будем здесь рассматривать периодизации, предложенные разными авторами (что вполне могло бы составить предмет обсуждения отдельной работы). Лишь отметим, что, вероятно, наиболее детальными являются периодизации, разработанные И.Н. Семеновым (по различающимся основаниям), включающие в себя пятнадцать⁵ или двенадцать этапов⁶.

⁴ Семенов И.Н. Панорама развития философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна в современном человекознании // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 109.

⁵ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн как субъект научной деятельности // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М., 2020. С. 238–264.

⁶ Там же. С. 244–253.

Не будем приводить это интересное авторское описание полностью. Обратим внимание, что к теме нашей статьи – С.Л. Рубинштейн в 1930-е гг. – непосредственно относятся седьмой и восьмой этапы (по версии 2009 г.): «На седьмом – психолого-педагогическом – этапе в 1930–1935 гг. С.Л. Рубинштейн по приглашению М.Я. Басова возглавляет кафедру психологии в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, где разворачивает эксперименты по изучению восприятия, речи, понимания и разрабатывает ряд философских принципов психологической науки, выдвигая в качестве ключевого для советской психологии принцип деятельности, что отражено в его знаменитой статье 1934 г. и в обобщающем монографическом учебнике «Основы психологии» (Рубинштейн, 1935). На восьмом – общепсихологическом – этапе С.Л. Рубинштейн в 1936–1940 гг. каталогизирует, анализирует, систематизирует и интегрирует достижения мировой психологической мысли и экспериментатики первой трети XX в., обобщая их в знаменитом монографическом учебнике «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 1940), удостоенном уже во время войны в 1942 г. государственной Сталинской премии»⁷.

По другой периодизации, предложенной И.Н. Семеновым (в 2020 г.), это один этап: «Вузовский психолого-педагогический период (1930–1941) – переезда в Ленинград для работы заместителем директора по науке ведущей в стране Ленинградской публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; одновременно с этим С.Л. Рубинштейн преподает по приглашению психолога-педолога М.Я. Басова на кафедре психологии (и после него заведует ею с 1931 г.) крупнейшего в стране Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена (ЛГПИ), руководит им в качестве проректора, устанавливая научное сотрудничество с институтами языкознания и физиологии; организует эксперимен-

⁷ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия житнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 83.

тальные психолого-педагогические исследования кафедры (Рубинштейн, 1935) и построение учебных планов, дидактических программ, а также ведет теоретический анализ проблем педологии и психологии с позиций ассимиляции марксизма (Рубинштейн, 1931, 1934) и обобщающую разработку капитальных вузовских учебников по основам психологии в 1935 г. и общей психологии в 1940 г.»⁸.

Именно об этом этапе в творчестве С.Л. Рубинштейна в настоящей статье будет идти речь, поскольку для нас важны события и процессы в жизни С.Л. Рубинштейна именно в 1930-е гг.

С.Л. Рубинштейн: психолог и философ

Необходимо – хотя бы предельно кратко – остановиться еще на одном важном вопросе – кто был С.Л. Рубинштейн: психолог или философ? Конечно, ответ вполне очевиден. Рубинштейн *и психолог, и философ*, что не только многократно подчеркивалось самыми разными авторами, но и в известном смысле стало совершенно тривиальным. Однако, как представляется, это утверждение не дает однозначного ответа на важный, но немного другой вопрос – почему у С.Л. Рубинштейна получилось сделать то, что не удалось кроме него никому, хотя (как мы увидим далее) пытались многие.

В настоящей статье, как уже отмечалось, хотелось бы обратиться к важному периоду творчества С.Л. Рубинштейна, охватывающему лишь 1930-е годы. В этом периоде речь будет идти только о разработке ученым *философии психологии* – комплексе представлений, характеризующем основания научной психологии и ее фундаментальные положения.

Как хорошо известно, С.Л. Рубинштейн был человеком с прекрасным чувством юмора. Обсуждая вопрос о собственной «принадлежности» философии или психологии, нель-

⁸ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн как субъект научной деятельности // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М., 2020. С. 247.

зя не привести высказывание самого Рубинштейна по этому поводу. Прочитируем: «Юмор в последнее время все более распространяется на всю мою судьбу, на все противоречия, несоответствия с ней. По призванию, по складу мысли я философ и притом философ, сердцу которого особенно близки не только теория познания, но особенно этика, а официально я – психолог. Отсюда юмористический аспект моего отношения к моей специальности (“в психологии я случайный человек”))»⁹.

В свете поставленной задачи важно лишний раз подчеркнуть, что С.Л. Рубинштейн имел *классическое философское образование*, и это оказалось счастливым для отечественной психологической науки соединением, как мы увидим далее, поскольку *помогло психологии* в нашей стране *стать настоящей, полноценной наукой*.

Важно помнить: он получил классическое философское образование в цитадели неокантианства в Марбурге, что отмечается практически во всех современных биографиях. Напомним, его диссертация «К проблеме метода», написанная и защищенная в Марбурге, была посвящена обоснованию метода, позволяющего соединить естественные науки и науки о духе. Первая часть докторской диссертации С.Л. Рубинштейна «Исследование проблемы метода. Абсолютный и дуалистический рационализм и трансцендентальная философия», представленной к защите 26 мая 1913 г. в Марбурге и посвященной анализу гегелевского учения о методе (на немецком языке), была напечатана в Марбурге в 1914 г., что по праву считается первой научной публикацией знаменитого отечественного философа и психолога¹⁰.

Не стоит сомневаться, что сам С.Л. Рубинштейн акцентировал свои несогласия с неокантианством в более поздних публикациях в значительной степени по цензурным сообра-

⁹ Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989. С. 421.

¹⁰ *Rubinstein Sergej. Eine Studie zum Problem der Methode. Marburg, 1914. S. 66.*

жениям. В этой связи представляется ясным, что необходимо учитывать позицию самого С.Л. Рубинштейна, который в дневниковых записях, не предназначенных для печати, отмечал: «Марксизм выступает для меня сначала как учение о роли преобразования общества, о революции. Марксизм как философия диалектической логики, теория познания – лишь позже, после октябрьской революции в России»¹¹. И в другом месте: «Истоки моего философского развития – арена борьбы упаднического измельчавшего идеализма первой половины XX в. с марксизмом. (Марксизм для меня – сначала революционная теория и лишь затем, постепенно, философская теория)»¹². Рукописные дневниковые фрагменты, которые мы только что процитировали, представляют особую ценность для реконструкции истории отечественной психологии.

Не имея возможности обсуждать марбургский период, отметим, что историки философии подробно проанализировали жизнь и творчество С.Л. Рубинштейна в Германии. «В Марбурге Рубинштейн пробыл с 1910 г. по 1913 г. и занимался здесь не только философией у Когена, Наторпа и Гартмана, но также математикой у Хензеля и политической экономией у Трёлча. 11 июня он выдержал докторский экзамен и представил к обсуждению диссертацию «Исследование о проблеме метода. Абсолютный и дуалистический рационализм и трансцендентальная философия», первая часть которой – «Абсолютный рационализм (Гегель)» была опубликована в 1914 г. <...> Коген хвалил эту работу прежде всего за «ясность и точность» <...>. В ней Рубинштейн отграничивал трансцендентальную логику бытия (Наторпа) от «абсолютного рационализма» (Гегеля), позволяющего мышлению и бытию настолько раствориться друг в друге, чтобы «снять» всё бытие в понятии, и от «дуалистического рации-

¹¹ Рубинштейн С.Л. История создания книги «Человек и мир» // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 415.

¹² Там же. С. 414.

нализма» (по-видимому, Риккерта), противопоставляющего мышлению или понятию бытие как «другое» <...>. В трансцендентальном же идеализме «понятие, не ‘снимая’ ‘бытие в себе’ в абсолютном тождестве, берется в изначальной имманентности и удерживается в вещественности бытия, а вещьественность бытия [удерживается] в понятии <...>»¹³. «Время с момента сдачи экзамена до присуждения степени доктора 20 июля 1914 <...> Рубинштейн провел в Берлине, где жил и преподавал ушедший на пенсию и уехавший из Марбурга Коген, и где работал в университете Кассирер. Еще в Марбурге между Когеном и Рубинштейном сложились тесные дружеские отношения <...>. В июне 1914 г. Коген писал Наторпу, что “Рубинштейн нравится совершенно исключительно”. Видимо, поэтому Коген взял на себя труд подготовить к публикации рубинштейновскую работу и понастоящему измучился, пока “сделал изложение читабельным” <...>. На прощание Коген подарил Рубинштейну “с надписанием” прижизненное издание сочинений Гегеля <...>»¹⁴.

Представляется важным вопрос о влиянии на формирования взглядов С.Л. Рубинштейна как философа и психолога идей марбургской школы¹⁵. Не имея возможности здесь обсуждать эту сложную проблему сколько-нибудь подробно, сделаем лишь несколько необходимых замечаний.

Первое, что стоит подчеркнуть: обычно историки отмечают сходство или, напротив, различия в *содержании уче-*

¹³ Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 180–181.

¹⁴ Там же. С. 181.

¹⁵ См.: Лекторский В.А. Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // Философия, познание, культура. М., 2012. С. 231–248; Гусельцева М.С. С.Л. Рубинштейн и неокантианская школа мысли // Вопросы психологии. 2021. № 1. С. 106–118; Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007; Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития. М.: Когито-центр, 2015.

ний, что, несомненно, является оправданным. Вместе с тем, на наш взгляд, важно обращать внимание и на *методологические и стилевые установки, сложившиеся в философских школах*.

На это совершенно справедливо указывает И.Н. Семенов: «Почти во всех биографиях С.Л. Рубинштейна справедливо – но всегда вскользь – отмечается, что он учился философии в основанной Г. Когеном Марбургской школе неокантианства, где в 1914 г. защитил магистерскую диссертацию»¹⁶. И.С. Семенов очень точно отмечает: «Полученные в школе неокантианства *историко-философская культура и логико-методологический опыт* (Курсив наш. – В.М.) стали существенным профессиональным преимуществом С.Л. Рубинштейна при разработке им в уже советской России сначала проблем «творческой самостоятельности» (1922) в контексте педагогики и психологии, а затем сознания и деятельности субъекта жизненного пути в контексте общей психологии человека (1934, 1935, 1940, 1946) и философии бытия личности и индивидуальности в мире (1957, 1973)»¹⁷.

И.Н. Семенов подробно обсуждает в своей статье «С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества» перипетии и детали взаимоотношений молодого С.Л. Рубинштейна с неокантианцами¹⁸. Не имея возможности останавливаться на рассмот-

¹⁶ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 72.

¹⁸ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 67: «Однако вряд ли такой образованный ученый и глубокий философ, каким был С.Л. Рубинштейн, мог забыть или проигнорировать в своих исследованиях те методологические штудии, которые формировали его как мыслителя в Марбургской школе неокантианства под непосредственным руководством ее создателя и лидера Г. Когена – одного из крупнейших философов начала XX в. В связи с этим возникает важная историко-научная проблема: каковы неокантианские (а не только марксистские) корни философско-психоло-

рении этих вопросов подробно, обратим внимание на важную, на наш взгляд, деталь, о которой упоминает Б.Л. Пастернак, который в те же годы занимался философией в этом немецком городе, на страницах своей знаменитой «Охранной грамоты» (1930).

Образно и поэтично великий поэт, изучавший философию в Московском императорском университете и имевший труды по психологии¹⁹, выделяет *особенности марбургской школы философии*, которые, несомненно, оказали влияние на формирование философских взглядов молодого С.Л. Рубинштейна. Приведем фрагмент из «Охранной грамоты»: «Создание гениального Когена, подготовленное его предшественником по кафедре Фридрихом Альбертом Ланге, известным у нас по «истории материализма», Марбургское направление покоряло меня двумя особенностями. Во-первых, оно было самобытно, перерывало все до основания и строило на чистом месте. Оно не разделяло ленивой рутины всевозможных «измов», всегда цепляющихся за свое рентабельное всезнайство из десятых рук, всегда невежественных и всегда, по тем или другим причинам, боящихся пересмотра на вольном воздухе вековой культуры. Неподчиненная терминологической инерции Марбургская школа обращалась к первоисточникам, т.е. к подлинным распискам мысли, оставленным ею в истории науки. Если ходячая философия говорит о том, что

гической концепции С.Л. Рубинштейна? Ведь существеннейшая для психологии проблема бытия и сознания – одна из важнейших и для неокантианства проблем. И ставя ее в конце 1930-х гг. (т. е. в разгар сталинского террора) и решая ее в середине 1950-х годов (т.е. в период «оттепели»), С.Л. Рубинштейн не только далеко вышел за рамки сталинского «псевдомарксизма» (торжествовавшего в психологии вплоть до известного совещания по философским вопросам естествознания 1962 г.), но и шагнул в трудах «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973) далеко вперед навстречу советскому «неомарксизму» 1960–1970-х годов...».

¹⁹ Мазилев В.А. Интеграция в эпоху кризиса психологии // Интеграция в психологии: теория, методология, практика: материалы III национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. доктора псих. наук, проф. В.А. Мазилова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 37–61.

думает тот или другой писатель, а ходячая психология – о том, как думает средний человек, если формальная логика учит, как надо думать в булочной, чтобы не обсчитаться сдачей, то Марбургскую школу интересовало, как думает наука в ее двадцатипятивековом непрекращающемся авторстве, у горячих начал и исходов мировых открытий. В таком, как бы авторизованном самой историей, расположении философия вновь молодела и умнела до неузнаваемости, превращаясь из проблематической дисциплины в исконную дисциплину о проблемах, каковой ей и надлежит быть»²⁰. «Вторая особенность Марбургской школы прямо вытекала из первой и заключалась в ее разборчивом и взыскательном отношении к историческому наследству. Школе чужда была отвратительная снисходительность к прошлому, как к некоторой богадельне, где кучка стариков в хламидах и сандалиях или париках и камзолах врет непроглядную отсебятину, извинимую причудами коринфского ордера, готики, барокко или какого-нибудь иного зодческого стиля. Однородность научной структуры была для школы таким же правилом, как анатомическое тождество исторического человека. Историю в Марбурге знали в совершенстве, и не уставали тащить сокровище за сокровищем из архивов итальянского Возрождения, французского и шотландского рационализма и других плохо изученных школ. На историю в Марбурге смотрели в оба гегельянских глаза, т.е. гениально обобщенно, но в то же время и в точных границах здравого правдоподобья»²¹.

Как можно полагать, эти выделенные особенности – *исторический подход и обращение к первоисточникам* – позволили С.Л. Рубинштейну через два десятилетия осуществить то, что из всех психологов смог сделать только он. В том числе и благодаря тому, что прошел школу классической философии, находящей в прошлом источники развития.

²⁰ Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений в 11 тт. Т. 3. М.: Слово, 2004. С. 168–169.

²¹ Там же. С. 169.

Вернувшись в Россию, С.Л. Рубинштейн начинает разрабатывать собственный философский подход. Этот период творчества ученого достаточно подробно описан, не будем здесь на нем останавливаться, так как нас в первую очередь интересуют события, происходящие в 1930-е гг.

Прежде чем непосредственно к ним обратиться, отметим некоторые характерные черты *индивидуального стиля мышления* С.Л. Рубинштейна, важные, на наш взгляд, для понимания философско-психологической работы ученого в тридцатые годы XX столетия. Заметим, что здесь не место давать развернутую характеристику стиля мышления выдающегося методолога, поэтому назовем лишь самые основные.

У С.Л. Рубинштейна, как можно судить по оценке Л.И. Анцыферовой, *индивидуальный стиль мышления* проявлялся прежде всего *в видении сути, в построении предельных обобщений*: «Для творческой деятельности С.Л. Рубинштейна была характерна также его способность строить на основании более конкретных идей, относящихся к частным областям, очень высокие философские обобщения. Для него единичная идея сразу выступала как конкретизация общей закономерности»²².

К отмеченному Л.И. Анцыферовой стоит добавить *приверженность историческому подходу и необходимость обращения к первоисточникам*, отмеченные Б.Л. Пастернаком как характерные черты Марбургской школы, воспринятые С.Л. Рубинштейном и свойственные ему, если судить по его диссертации. И, конечно, не забудем про *широчайшую образованность* и прекрасное *владение многими иностранными языками*.

Психология и марксизм

Для того чтобы понять, что на самом деле означало появление статьи С.Л. Рубинштейна «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса», необходимо хотя бы в самых общих

²² Артамонов В.И. Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Academia, 2003. С. 247.

чертах обозначить ситуацию в психологии в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Постараемся предельно кратко это сделать.

Психологические кафедры в *педагогических институтах* в 1920-е гг. становятся на некоторый срок (до конца 1930-х гг.) самыми многочисленными центрами психологических исследований в СССР²³. Специализированных на психологии научных центров было совсем мало. Дело в том, что кафедры философии в университетах, которые осуществляли преподавание психологии, были закрыты в начале 1920-х гг., так как преподавание философских дисциплин было «насквозь пропитано ядом враждебной пролетариату идеологии» (если употребить лексику той эпохи). Новая философия могла быть только *научной*. Научной однозначно теперь означало – *она должна основываться на марксизме*.

В сложившейся ситуации можно было бы ожидать квалифицированной помощи от профессиональных философов, которые помогли бы психологам решить их методологические проблемы в новых условиях. Однако философы были заняты *своими проблемами* – происходила жесткая борьба между «диалектиками» и «механистами», претендовавшими на то, чтобы быть верным марксистским философским учением. Психологи были вынуждены решать свои методологические проблемы самостоятельно.

Все же нельзя не сказать несколько слов о ситуации в самой философии. Несомненно, историки философии давно и в деталях проанализировали процессы, происходившие в отечественной философии в 1920–1930-е гг.²⁴

Начало 20-х гг. XX столетия С.Н. Корсаков характеризует как время «антифилософского нигилизма». «Многим казалось, что философия как особая наука отжила свой век, а марксизм трактовался лишь как теория общественного раз-

²³ Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. История ярославской психологии – история образования, науки, государства // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 207–211.

²⁴ См., например, прекрасную работу: Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 95–195.

вития. В первое пятилетие после революции 1917 года доминировало мнение, что философия должна уйти в прошлое вместе со всей «буржуазной» культурой. Философские журналы были закрыты, крупнейшие философы-идеалисты – высланы из страны. В высших учебных заведениях отсутствовали философские кафедры, вместо учебных курсов по философии читались курсы исторического материализма. Со страниц теоретических журналов «Под знаменем марксизма», «Вестник Коммунистической академии» и других высказывались нигилистические оценки философии и ее будущего (А.А. Богданов, И.А. Боричевский, Э.С. Енчмен, М.Н. Лядов, С.К. Минин), фактически возрождавшие отрицание философии в первом позитивизме»²⁵.

В этом смысле важно отметить, что ситуация постоянно изменялась в сторону все большего влияния и нарастающего давления со стороны идеологии.

Как отмечает цитированный автор: «В этих условиях развернулась борьба за право философии на существование. А.М. Деборин и его сторонники (Г.К. Баммель, С.Л. Гоникман, В.А. Тер-Ваганян, А.Я. Троицкий) защищали статус философии как самостоятельной науки, подчеркивали наличие философской составной части в марксизме и последовательно проводили мысль о том, что адекватно понять это учение можно лишь овладев философской культурой, освоив богатство мировой философской мысли. Создание Института философии поэтому не было случайностью или же чисто административным решением. Это стало завершением длительной борьбы А.М. Деборина и его последователей за реабилитацию философии как самостоятельной науки»²⁶. «В первой половине 1920-х годов в СССР право на существование могла иметь только «научная» философия, никак не связанная с идеалистическим прошлым»²⁷.

²⁵ См.: Корсаков С.Н. Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 95–96.

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Там же. С. 96.

Прочитируем предисловие А.М. Деборина к трехтомной «Книге для чтения по истории философии» (1923): «...никакой учебник не может заменить подлинника (разрядка автора. – В.М.). Всякий понимает, что лучше черпать свои знания из первоисточников, чем из вторых рук, как бы эти руки ни были талантливы. С другой стороны, необходимо указать еще на одно обстоятельство, которое в значительной степени обесценивает все существующие учебники по истории философии. Мы имеем в виду идеалистическое направление, которое является господствующим в современной философии и которое сознательно или бессознательно ведет к искажению самой истории человеческой мысли. Идеалистические историки обычно или совсем обходят материализм, считая ниже своего идеалистического достоинства говорить о нем, или же рассматривают его как некое грехопадение заблудшего человечества. А между тем материализм теснейшим образом связан с развитием научного познания вообще. Без материализма нет науки, но и без науки нет материализма. Каждый шаг вперед в области научного познания характеризуется углублением основ материалистического мирозерцания»²⁸. Звучит вполне современно, можно было бы процитировать в современной хрестоматии по истории философии.

Однако тот же автор через три года пишет уже существенно по-иному (статьи написаны в 1927 г., опубликованы в 1930): «Последнее пятилетие характеризуется углубленной работой во всех областях марксизма, в частности в области материалистической диалектики. Диалектический материализм проникает постепенно в новые научные дисциплины, овладевая ими и перерабатывая их с точки зрения марксизма. Это обстоятельство способствует, с одной стороны, внесению единства, объединению и взаимному оплодотворению всех научных дисциплин, а с другой стороны, обогащению и углублению самого диалектического материализма как ми-

²⁸ Деборин А. Книга для чтения по истории философии. Т. 1. Новая Москва, 1924. С. 3.

ровоззрения и метода. Наряду с этой здоровой тенденцией в области теоретического марксизма следует отметить и ту ожесточенную борьбу, которая ведется на протяжении последних лет между диалектиками и механистами. Механисты воспроизводят на новой базе все прежние уклоны и, в частности, основные мотивы енчменизма. Это на первый взгляд может показаться странным, но только для людей, мало знакомых с нашим философским развитием. В самом деле, механисты выступили с лозунгом: «наука – сама себе философия!», то есть с лозунгом отрицания философии марксизма, с проповедью механического материализма, с отрицанием диалектики, с обвинениями Энгельса в полуйдеализме, в витализме. Много можно было бы еще сказать по адресу механистов, но для юбилейной статьи достаточно и сказанного, тем более что бои на этом фронте еще не затихли. Подводя итог сказанному, мы считаем особенно важным подчеркнуть, что марксизм развивался и на протяжении последних десяти лет среди противоречий, отражавших противоречивые тенденции в развитии нашей действительности. На каждом крутом повороте эти противоречия обнаруживаются с особой остротой. С другой стороны, надо еще отметить и то, что в результате Октябрьской революции марксизм овладел массами, он стал общепризнанной «идеологией». Но воспринявшие марксизм новые кадры в значительной степени свободны от марксистской традиции, лишены закалки, которая дается годами, не прошли надлежащей школы. Этим обстоятельством также объясняется появление разных «уклонов»²⁹.

И в другой статье: «В нашей стране буржуазное мирозерцание разбито точно так же, как разбита буржуазия в качестве господствующего класса в области хозяйственной и социально-политической. Новый экономический и социально-политический строй, в котором пролетариат является господствующим классом и где идет широкое строительство

²⁹ Деборин А. Философия и марксизм. Изд. 2-е, доп. М.–Л.: Государственное издательство, 1930. С. 362–363.

социализма, требует господства пролетарской идеологии. Марксизм является у нас господствующей, официальной, государственной идеологией. Мещане от социализма хныкают и по этому поводу. Но иначе быть не может и не должно, ибо идеи господствующего класса и являются господствующими идеями»³⁰.

У нас нет возможности в рамках настоящего текста проследить за борьбой противоборствующих лагерей на «философском фронте». Важно подчеркнуть, что профессиональные философы были заняты перипетиями полемики и обоснованием своих позиций. Психологам приходилось решать свои задачи самостоятельно, не рассчитывая на помощь философов. Научная психология должна была доказать – это было обязательным условием – что она является *подлинно марксистской*. Естественно, что в таких условиях преимущество было у того, что сочетал в себе *психолога и философа*.

В отечественной психологии в 1920–1930-х гг. сложилась ситуация, когда было несколько претендентов на лидерство в построении марксистской психологии, боровшихся между собой за право считаться фаворитом, но объективно победитель еще не был определен. Отметим, что в значительной степени становление марксистской психологии в СССР в начале тридцатых годов XX столетия представляет собой пока что недостаточно описанный и реконструированный этап развития отечественной психологии. Период 1920–1930 гг. для развития отечественной психологии безусловно своеобразен и специфичен.

Приведем несколько важных суждений. С одной стороны, наблюдалось *разнообразие поисков, творческий энтузиазм*. Б.С. Братусь отмечал: «...так или иначе в первые 15–20 лет советской власти обнаружился необъяснимый, казалось бы, феномен – несмотря на разруху послереволюционного времени, наука в России стала не только возрождать-

³⁰ Деборин А. Философия и марксизм. Изд. 2-е, доп. М.–Л.: Государственное издательство, 1930. С. 365–366.

ся, но пережила невиданный взлет в целом ряде важных отраслей. К тридцатым годам советские ученые были признанными авторитетами в биологии (особенно генетике), физике, математике, востоковедении, языкознании. Невиданный всплеск происходил и в психологии. Приведу лишь некоторые данные. Только в 1929 году в стране вышло около 600 названий книг по психологии. Это было третье место в мире после англоязычной и немецкоязычной психологической литературы. На русский язык переводились также все сколь-нибудь значительные сочинения иностранных авторов по психологии, многие советские психологи были связаны с зарубежными коллегами деловыми и дружескими узами, участвовали в совместных исследованиях. Необыкновенно оживленной была и научная журнальная жизнь, издавались десятки периодических изданий. Активно действовали различные психологические ассоциации и общества, существовали сильные школы тестологии, передовые психология труда и психотехническая школа (несколько Институты труда, масса лабораторий), развитое психоаналитическое движение, блестящие работы по дефектологии, судебной психологии, зоопсихологии и др.»³¹.

С другой стороны, усиливаются идеологические требования, которые становятся все более настоятельными. Известный историк психологии А.Н. Ждан пишет: «В ситуации провозглашения марксизма официальной идеологией в науку вошла специфическая для русской психологии проблема “психология и марксизм”. В контексте ее разрешения возникли новые теоретические концепции и школы. Первыми заявили о себе в качестве марксистских такие направления, как реактология К.Н. Корнилова (1921), психология как наука об истории поведения П.П. Блонского (1921), а также рефлексология Бехтерева (1917)»³².

³¹ Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. М. : Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2000. С. 11–12.

³² Ждан А.Н. Общий очерк истории психологии в России // Российская психология: Антология / авт.-сост. А.Н. Ждан. М., 2009. С. 14.

Психологи очень быстро поняли, что в психологии, которая относилась (согласно марксистским теориям) к «надстройке», придется считаться с господствующей идеологией. Поэтому срочно приступили к созданию психологических теорий, ориентированных на марксизм. Первые попытки разработки марксистской психологии могут быть датированы уже 1921 годом (П.П. Блонский, К.Н. Корнилов). Справедливости ради необходимо отметить, что были предприняты не только разнообразные варианты «*приспособления*» к господствующей идеологии, но и искренние романтические попытки создания действительно *новой марксистской психологии*. Таким образом, стоит различать варианты «декоративно-марксистской» и «подлинно марксистской» психологии. Ко второму течению можно, к примеру, отнести Л.С. Выготского и его широко известную теорию развития высших психологических функций³³.

Поскольку в учении Маркса не было сколь-нибудь развернутых психологических теорий, сторонники «декоративных» построений обычно (не затрудняя себя анализом марксистских источников), не будучи искушенными в философии, использовали *внешние признаки марксизма* (в первую очередь *материализм и диалектику*): если психология исходит из материалистических положений – она марксистская, если она использует диалектическую терминологию, то, конечно, тоже марксистская и т.п.

Если говорить об «источниках», то работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и ленинские «Три источника и составные части марксизма» были доступны психологам 1920-х гг. Другим фундаментальным источником мог служить «Капитал» К. Маркса (обратим внимание, что «Капитал» давал различные возможности: можно было взять, к примеру, на вооружение идею «орудий», используемых в процессе труда, и распространить на область психических функций; с другой стороны, можно было отталкиваться от роли цели в трудовой дея-

³³ Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.

тельности и т.д.). В 1920-е гг. влиятельным «марксистским» текстом становится ленинский труд «Материализм и эмпириокритицизм» (1908, в 1920 г. выходит второе издание книги), в котором сформулирована известная *теория отражения*. В 1925 г. в СССР впервые публикуется (и на немецком, и на русском языках) «Диалектика природы» Ф. Энгельса, неоконченный труд, в котором обосновывается *материальное единство мира* и дается *классификация форм движения материи*. В 1929–1930 гг. издаются «Философские тетради» В.И. Ленина. Как свидетельствует анализ, в попытках опереться на марксизм-ленинизм использовались не только труды Маркса, Энгельса и Ленина, но и работы Г.В. Плеханова, Л.Д. Троцкого³⁴ и других партийных лидеров.

В условиях возрастающего идеологического давления все большее значение приобретало *искусство нахождения цитат* из работ классиков, которые выполняли роль «охранной грамоты». Под цитатным «прикрытием» используются в качестве исходных и идеи, которые производны не от марксизма, а от его «источников»: можно обнаружить методологические схемы, идущие от Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, Б. Спинозы. В психологии все острее становится конкуренция, все большая роль отводится многочисленным дискуссиям между различными соперничающими подходами и направлениями, претендующими на статус марксистской психологии. Напомним, только *убедительная демонстрация марксистского характера* предлагаемой версии психологии дает возможность ее более или менее спокойного существования и развития.

Не удивительно, что в психологии 1920-х гг. наибольшее представительство получают подходы, заявляющие, что психологии необходимо изучать *поведение*. Поведение устойчиво ассоциируется с *материалистическим и объективным подходом*. В 1926 г. появляется «Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма»

³⁴ Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. С. 37–64.

профессора К.Н. Корнилова³⁵, в 1929 г. «Введение в психологию» Н.Ф. Добрынина³⁶. Утверждается, что психологии необходим синтез субъективной психологии и психологии поведения, что может считаться марксистской психологией. «Марксистская психология не отрицает также субъективной стороны деятельности человека. Она считает необходимой изучение ее. Марксистская психология таким образом должна быть синтезом эмпирической психологии с объективной психологией, но синтезом не механическим, а органическим»³⁷. Предметом «марксистской психологии является изучение поведения человека как целостного биосоциального организма»³⁸.

«Правила игры» при разработке вариантов марксистской психологии предельно четко были сформулированы Б.Г. Ананьевым в 1931 г. Будущий классик советской психологии, а тогда начинающий психолог (напомним, автору всего 24 года) заявляет, что причастность к марксизму дает лишь опора на *труды основоположников марксизма*, в число которых он предусмотрительно включает и И.В. Сталина): «Подлинными основоположниками советской психологии как психологии диалектико-материалистической являются, понятно, не отдельные школы и направления, хотя бы и существующие «под знаменем марксизма» (что буквально относится к Корнилову и его «школе»), а основоположники марксизма-ленинизма. Между тем до настоящего времени имеются попытки вывести советскую психологию не из философского наследия Маркса – Энгельса – Ленина, не из истории большевизма и работ Сталина, образующих единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки, а из отдельных направлений, по своим корням

³⁵ Корнилов К.Н. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма / проф. К. Корнилов. Л.: Государственное издательство, 1926.

³⁶ Добрынин Н.Ф. Введение в психологию. М.–Л.: Государственное издательство, 1929.

³⁷ Корнилов К.Н. Указ. соч. С. 16.

³⁸ Там же. С. 15.

и содержанию, несомненно, буржуазных»³⁹. Можно констатировать, что в начале тридцатых годов проблема создания марксистской психологии и, в частности, выбора философско-идеологической платформы, на которой она будет строиться, никоим образом не была решена – дискуссии шли полным ходом. Здесь нет возможности обсуждать сколь-нибудь подробно этот вопрос в целом, ибо формат статьи этого не позволяет.

Обоснование марксистской психологии С.Л. Рубинштейном (1934, 1935): и ее «защита» и «сохранение»

В 1934 г. появляется статья С.Л. Рубинштейна, которая ознаменовала «рождение советской психологии». Преувеличения здесь нет, поскольку эта работа в действительности была основана на *теории Маркса*. В качестве марксовской теории, послужившей базой для разработки новой психологии, явилась *ранняя работа* Маркса, которая была впервые переведена на русский язык в 1932 г. – «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (см. ниже).

О дате появления статьи придется поговорить отдельно, поскольку воспоминания К.К. Платонова позволяют пролить свет на удивительные обстоятельства публикации: Рубинштейна стремились опередить. Об этом скажем немного ниже. Приведем характеристику С.Л. Рубинштейна, которую ему дает в своих воспоминаниях К.К. Платонов. Он пишет: «С самого начала до последних дней этот мыслитель объединял в своей теории и практике психологию и философию в созданном им направлении, названном философскими проблемами психологии. Он был директором московского Института психологии АПН (1942–1945) и заместителем директора Института философии АН (1945–1949), он был первым психологом – членом-корреспондентом АН СССР, но был им

³⁹ *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 3–4. С. 332.

как философ! Да и в психологическую науку он впервые вошел именно в этой своей двойной ипостаси, написав и по-слав в журнал «Советская психотехника» статью, ставшую краеугольным камнем не только его понимания психики с позиций марксистского принципа единства сознания и деятельности, но и всего дальнейшего развития советской психологии. Это была... работа «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса», опубликованная в первом номере «Советской психотехники» за 1934 г., дошедшем до подписчиков только в мае того же года! В конце этой статьи в журнале есть пометка: «Получено редакцией 31 мая 1933 г.», то есть она пролежала там около года»⁴⁰.

Приведем комментарий К.К. Платонова: «Я сейчас, пожалуй, последний из тех, кто может уточнить, почему в № 1 этого же журнала за 1933 г. появилась статья С.Г. Геллерштейна «О психологии труда в работах К. Маркса»⁴¹. Вышло так, что в ноябре 1932 г. я случайно присутствовал при словах И.Н. Шпильрейна, обращенных к Соломону Григорьевичу: – Я узнал, что Рубинштейн в Ленинграде работает над статьей о значении работ Маркса для психологии, – и, бросив взгляд в мою сторону, продолжил: – Об этом надо поговорить... Я вспомнил эту фразу, когда увидел в одном из ближайших номеров статью С.Г. Геллерштейна. Но понял, о чем главному редактору журнала надо было говорить со своим учеником, только прочтя через год работу Сергея Леонидовича. Статья Соломона Григорьевича была, конечно, нужной и интересной, но исследование Сергея Леонидовича оказалось эпохальным! Затем через год, в 1935 г., вышел в свет его учебник, о котором я уже говорил. До него в советской психологии имел хождение только корниловский «Учебник

⁴⁰ Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / под ред. А.Д. Глоточкина, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, В.Н. Лоскутова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005. С. 165–166.

⁴¹ Геллерштейн С.Г. О психологии труда в работах К. Маркса // Советская психотехника. 1933. № 1. С. 1–10. Сравни: в конце текста пометка: «Получено редакцией 25 февраля 1933 года».

психологии, изложенный с точки зрения диалектического материализма», выдержавший после 1926 г. ряд изданий. Если его первое издание было существенным шагом вперед после дореволюционных учебников идеалиста Г.И. Челпанова, то его дальнейшие повторные выпуски были худшим из всего сделанного Константином Николаевичем для нашей науки и тормозили ее развитие. Когда я, работая в Челябинске, внимательно продумал статью Сергея Леонидовича, а уже в Институте авиационной медицины «залпом прочитал» его учебник, я понял, что вот это и есть та новая марксистская психология, которой мне еще предстоит учиться и учиться»⁴².

Однако вернемся ненадолго к упомянутой статье С.Г. Геллерштейна, поскольку она тоже посвящена проблемам психологии у Маркса, правда, в ней речь идет о психотехнике и психологии труда. Статья Геллерштейна известна значительно менее, чем работа о Марксе Рубинштейна, поэтому дадим краткие комментарии. Статья называется «О психологии труда в работах К. Маркса»⁴³. В этой работе автор рассматривает основные проблемы советской психотехники и критикует работы зарубежных психотехников. В частности, анализируя подходы западных психотехников, Геллерштейн отмечает, что они не касаются «сути социально-политической стороны психологии труда». Это ярко выражено в марксизме. «Неудивительно, что в своем стремлении (несколько, правда, запоздалом) поставить аналитическую работу советская психотехника за последние несколько лет в лице определенных своих представителей неоднократно обращалась к сочинениям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина»⁴⁴.

С.Г. Геллерштейн, характеризуя значение работ Маркса для психотехники и психологии труда, отмечает: «Значение сочинений Маркса для психотехники тройное. Первое, –

⁴² Платонов К.К. Указ. соч. С. 166.

⁴³ Геллерштейн С.Г. Указ. соч.

⁴⁴ Там же. С. 3.

Маркс расширяет и обогащает наше представление о трудовом процессе, помогая нам связать психологическое изучение труда с пониманием истории труда, его сущности как социально-экономического фактора, многообразия его форм, именуемых профессиями, его конкретно-исторического развития и его роли на разных этапах развития. Второе, – Маркс дает ясное теоретическое освещение специальным вопросам психологии труда. Третье, – Маркс намечает основные линии исследовательской работы в области психологии труда. Наконец, для психологии труда изучение сочинений Маркса, так же, как и для любой другой области, представляет великолепную школу мышления. Усвоение этой школы научает нас вскрывать противоречия изучаемого процесса, понимать вещи в их развитии»⁴⁵.

Не будем проследивать далее конкретное содержание интересной и, несомненно, важной и полезной (для психологии труда и психотехники начала 1930-х гг.) статьи С.Г. Геллерштейна. Важно подчеркнуть, что в этой работе речь идет о развитии *психотехники*, тогда как у Рубинштейна – об обосновании на марксистских положениях *системы марксистской психологии в целом*.

В своей статье С.Г. Геллерштейн проследивает и анализирует высказывания классика в разных его работах. Цитируем лишь заключительную часть статьи. «Нет возможности в краткой статье исчерпать хоть сколько-нибудь материалы, оставленные нам Марксом и освещающие проблемы психологии труда. Фундаментальным источником, дающим толчок для теоретического изучения проблем психологии труда в духе диалектического материализма и содержащим исключительно богатый материал по этим вопросам, является первый том «Капитала». Вместе с тем мы нашли в других работах Маркса отдельные положения, то более, то менее развернутые, имеющие прямое отношение к нашей проблематике. К этим работам относятся в первую очередь «Нищета философии», «Подготовительные работы к «Святому

⁴⁵ Геллерштейн С.Г. Указ. соч. С. 4.

семейству»», «К критике политической экономии», «Немецкая идеология», «Людвиг Фейербах», «Критика Готской программы», ряд писем (например, Анненкову В.П.), наконец, не опубликованные еще рукописи (в частности, тетради V, XIX, XX из подготовительных работ к «Капиталу»). Своеобразный интерес для психотехников должно представлять гимназическое сочинение Маркса «Размышление юноши при выборе профессии», написанное им в шестнадцатилетнем возрасте и проникнутое особым юношеским идеализмом...»⁴⁶. И далее: «...советская психотехника и психология труда находятся лишь в стадии начала разработки трудов Маркса. Дальнейшее изучение этих работ, сопровождаемое интенсивной научно-исследовательской и научно-практической разработкой проблем психологии труда, должно углубить нашу теорию, отточить методологию наших исследований и приблизить их непосредственно к выполнению стоящих перед нашей наукой задач на данном этапе социалистического строительства»⁴⁷.

Как мы видим, по С.Г. Геллерштейну, психотехнике предстоит еще *большой путь по освоению марксизма*, у Рубинштейна изложена *четкая методология психологической науки*.

Вернемся к статье С.Л. Рубинштейна. Отметим здесь, что научная деятельность С.Л. Рубинштейна в этом случае может быть квалифицирована как работа *философа психологии*. Содержание статьи хорошо известно, многократно анализировалось методологами и историками психологии⁴⁸, неоднократно включалась в хрестоматии, что избавляет нас от изложения основных положений этого труда.

⁴⁶ Геллерштейн С.Г. Указ. соч. С. 10.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989; Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Основные этапы развития концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн Избранные философско-психологические труды. М., 1997; Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития. М. : Когито-Центр, 2015 и др.

Приведем лишь высказывание, однозначно свидетельствующее о значении этой работы: «Именно благодаря фундаментальным трудам С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1934, 1935) советская психология ассимилировала марксову социально-философскую категорию труда и трансформировала ее в собственно психологическое понятие предметной деятельности...»⁴⁹.

Остановимся предельно кратко на анализе позиции С.Л. Рубинштейна, выражающей отношение к ситуации в психологии. В этой статье дается характеристика кризиса в психологии: «Современная зарубежная психология, как известно, переживает кризис. Этот кризис, совпавший с периодом значительного развития экспериментального исследования, является, как и кризис современной физики, о котором писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», кризисом методологическим»⁵⁰. «В психологии этот кризис привел к тому, что психология распалась на психологии, а психологи разбились на школы, друг с другом враждующие. Кризис в психологии принял, таким образом, настолько острую и открытую форму, что он не мог не быть не осознан крупнейшими представителями психологической науки»⁵¹. С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что решающим для понимания кризиса является то, что и поведенческая психология и интроспективная исходят из одного понимания психики, сознания. Таким образом, кризис психологии – это кризис декартовско-локковской концепции сознания. Выход из кризиса С.Л. Рубинштейн видит в разработке принципа единства сознания и деятельности – «проблемы сознания в его отношении к деятельности»⁵².

⁴⁹ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнотворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 67.

⁵⁰ Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 19.

⁵¹ Там же. С. 19–20.

⁵² Там же. С. 45.

Вывод, к которому в результате проведенного анализа приходит С.Л. Рубинштейн: путь для разрешения кризиса «...может быть только один: только радикальная перестройка самого понимания и сознания и деятельности человека, неразрывно связанная с новым пониманием их взаимоотношений, может привести к правильному раскрытию предмета психологии. Таков именно – это наше основное положение – тот путь, который с полной определенностью указан в психологических высказываниях Маркса. Они ясно намечают иную трактовку и сознания, и деятельности человека, которая в корне преодолевает их разрыв и создает базу для построения марксистско-ленинской психологии как действительно содержательной и *реальной* науки»⁵³.

С.Л. Рубинштейн находит основу для перестройки в марксовых «Экономически-философских рукописях 1844 года». Он усматривает у Маркса решение таких узловых вопросов, как предмет психологии (сознание в его отношении с деятельностью), проблема развития и проблема личности.

Свою статью С.Л. Рубинштейн заключает: «Перед советской психологией стоит сейчас большая задача: в конкретной исследовательской работе реализовать эту открывающуюся перед психологией возможность и, осуществляя неразрывное единство как методологии и пронизанного ею фактического материала, так и теории и практики, создать психологическую науку, сильную четкостью своих методологических позиций и сознательной устремленностью на служение тому делу построения бесклассового социалистического общества, которое куется у нас в СССР учениками Маркса и Ленина, продолжающими то дело, которое было основным делом жизни Маркса»⁵⁴.

⁵³ Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 46.

Можно видеть, что в статье аргументируется методологическая основа новой марксистской психологии. Эта работа продолжена в «Основах психологии» (1935)⁵⁵.

Обратим внимание на то обстоятельство, что С.Л. Рубинштейн оказался психологом, имевшим классическое философское образование, хорошо понимающим, что методологию научной дисциплины из разнородных высказываний построить нельзя. Ему удалось обнаружить в только что опубликованных ранних работах Маркса то, на что можно опереться. С.Л. Рубинштейн находит основу для перестройки психологии, как отмечалось, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса. Дадим необходимое пояснение. «Экономическо-философские рукописи» написаны в апреле – августе 1844 г. в Париже (Парижские рукописи). Впервые частично увидели свет на русском языке в Москве в 1927 г., целиком на немецком языке были опубликованы в 1932 г. в России (Москва) и в Германии. Полностью на русском языке опубликованы лишь в 1956 г. в книге «Из ранних произведений».

Обратим особенное внимание на то, что декларированная и обоснованная в статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» методология советской психологии получает конкретную реализацию, воплощенную в *системе психологии*, изложенной в книге 1935 г. «Основы психологии». *Советская психология стала реальностью*.

Теперь стоит обратиться к названию настоящей публикации. Имеется в виду та часть заголовка, где говорится о том, что С.Л. Рубинштейн – философ, «спасший и сохранивший психологию». Возможно, название не понравится, ибо доказать тезис сложно. Конечно, история – история психологии отнюдь не исключение – не знает сослагательного наклонения. Поэтому использованное выражение не имеет эмпирических доказательств. Тем не менее можно констатировать, что благодаря работам Рубинштейна была оформлена

⁵⁵ Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1935.

советская психология, имевшая надежную *охранную грамоту, освещенную именем Маркса*. Идеологи, следившие за правильностью трактовки марксизма, ничего крамольного не смогли обнаружить – все было сделано *классическим философом* и – добавим – *философом новой советской психологии* безупречно. Появилась советская психология, базирующаяся на идеях Маркса. Представим себе на минуту, что могло бы произойти с психологией, которая является конгломератом *различных подходов*, отчаянно полемизирующих между собой, ориентирующихся при этом на *внешние признаки* марксизма, утверждающие собственную «материалистичность» или «диалектичность», и требующих признать правоту их точки зрения: именно они и есть развитие марксизма в психологии. Именно благодаря Рубинштейну *проблемы деятельности, сознания, личности* (правда, в последнем случае ненадолго), *развития* получили законное право исследоваться методами психологии. Как представляется, именно благодаря созданному Рубинштейном *ядру советской психологии научной психологии* удалось *уцелеть и не разделить участь педологии и психотехники*, которые подобного единого философско-методологического ядра не имели.

С.Л. Рубинштейн отмечает, что психология в начале XX столетия вступает в период кризиса, который носит методологический характер. Он констатирует, что методологические основы современной зарубежной психологии требуют радикальной критики, а «огромный фактический материал, добытый экспериментальным исследованием за последние десятилетия, должен быть переработан советской психологией на основах нашей методологии»⁵⁶. «Перед советской психологией стоит в настоящее время большая и ответственная задача: освоив весь добытый в предшествующем развитии психологической науки материал, реализовать в психологии марксистско-ленинскую методологию, с тем чтобы на этой

⁵⁶ Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 35.

новой основе разворачивать экспериментальное исследование, направленное на разработку теоретических проблем психологии и на разрешение важнейших вопросов, которые ставит перед психологией практика социалистического строительства»⁵⁷.

Заключение

К этим же проблемам С.Л. Рубинштейн возвращается в статье «Философские корни экспериментальной психологии» (1940)⁵⁸ и знаменитом теперь учебнике «Основы общей психологии»⁵⁹. Прошло всего пять лет, но картина радикально меняется. Основы советской психологии *уже заложены*, поэтому Рубинштейн обращается к *анализу мировой психологии*. Он дает историческую панораму становления психологии как науки, фиксирует несоответствие сложившейся в психологии методологии актуальным задачам и формулирует условия, которые необходимо создать для завершения становления психологии как науки.

Переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина XIX века, когда психология вычленяется из философии и постепенно становится экспериментальной наукой. С.Л. Рубинштейн категорически возражал против формального решения вопроса о формировании психологии как самостоятельной науки, когда «дело изображается так, будто психология начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь малозначительной прелюдией к этому событию. Те ученые, которые, как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований мето-

⁵⁷ Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 37.

⁵⁸ Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 68–90.

⁵⁹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.

дику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимый парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки»⁶⁰. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией»⁶¹.

Таким образом, согласно С.Л. Рубинштейну, психология на 1940 год не может считаться *полностью сложившейся наукой*. При этом следует обратить внимание на тот факт, что Рубинштейн имеет в виду явно мировую науку⁶². Сам Рубинштейн пытался решить эти задачи. Его «Основы общей психологии» могут быть рассмотрены именно как попытка создания системы мировой психологии. В этом уникальном

⁶⁰ Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 69–70.

⁶¹ Там же. С. 77.

⁶² Мазилев В.А. С.Л. Рубинштейн и будущее психологии // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: ИП РАН, 2020. С. 164–184.

учебнике предпринимается грандиозная попытка объединить имеющееся в мировой психологии знание. В отличие от своих современников, нацеленных на критику буржуазной психологии, он предпринимает попытку создания позитивной системы. Создание системы предпринимается с позиций методологии, разработанной С.Л. Рубинштейном на основе марксовыx идей.

Итак, для того, чтобы процесс становления психологии наукой был завершен, согласно Рубинштейну, необходимо решить триединую задачу:

- 1) создание подлинно научной методологии;
- 2) создание системы психологии;
- 3) создание совершенных методик.

Решением на 1940 год – созданием системы психологии (на основе разработанной методологии) – явилась для Рубинштейна его книга: учебник-монография «Основы общей психологии». «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна могут быть рассмотрены именно как попытка создания системы мировой психологии. В этом уникальном учебнике предпринимается грандиозная попытка объединить имеющееся в мировой психологии знание.

Сам С.Л. Рубинштейн не был удовлетворен и в сороковые и пятидесятые приступил к осуществлению этих задач на новом уровне, но полностью решить их ему не удалось⁶³. Впрочем, это уже другая глава биографии С.Л. Рубинштейна.

Заключая настоящую статью, отметим, что идеи С.Л. Рубинштейна живы и по-прежнему не только актуальны для современной психологии, но и выступают стимулом к дальнейшему развитию, в частности, в плане философии психологии⁶⁴.

⁶³ Мазюков В.А. С.Л. Рубинштейн и будущее психологии // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: ИП РАН, 2020.

⁶⁴ Мазюков В.А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 97–102; Мазюков В.А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 107–116.

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-114-117>

М.Д. Няголова
(Велико-Тырново, Болгария)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТВОРЧЕСТВА С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Аннотация. В статье дается спектр различных подходов к исследованию творчества С.Л. Рубинштейна. Подчеркивается тенденция к углублению изучения своеобразия его философской концепции. Особый интерес у современных исследователей вызывает марбургский период творчества российского ученого и влияние своих марбургских учителей Германа Когена и Пауля Наторпа.

Ключевые слова: Человек и мир, немецкое неокантианство

Уважаемые коллеги, разрешите поздравить всех организаторов и участников международного круглого стола «Философское наследие С.Л. Рубинштейна» с проведением этого важнейшего научного мероприятия.

135-я годовщина со дня рождения выдающегося ученого Сергея Леонидовича ознаменовалась выходом в свет нового издания его трудов – произведения «Человек и мир». Этим изданием Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Институт философии РАН и Российская академия образования начинают публикацию трехтомного собрания сочинений Сергея Леонидовича, которые включают в первом томе работу «Человек и мир», во втором – произведение «Бытие и сознание», в третьем – его докторскую диссертацию «Исследование проблемы метода», защищенную в 1914 г. в Марбургском университете под руководством Германа Когена и Пауля Наторпа, а также статьи Рубинштейна одесского периода, написанные под влиянием идей его учителей из Марбурга.

Цель трехтомного издания – анализирование научного пути философа Рубинштейна. Новое издание «Человек и мир» является хорошим доказательством того, что осуще-

ствлен первый крупный шаг к достижению заданной цели. В российском рубинштейноведении изучение идей и трудов ученого именно в философском контексте без всяких ограничений стало возможно постепенно. В 2009 г. Ксения Александровна Абульханова-Славская писала о том, что идеи Рубинштейна не остались только историческим прошлым нашей (то есть российской) психологической науки, они составляют ее настоящее и будущее. Таким образом, можно сказать, что до конца XX в. исследовательский интерес к Рубинштейну диктуется, скорее всего, историей психологии. В начале нового столетия особенно отчетливо намечаются новые тенденции исследования, относящиеся к изучению в единстве философских и психологических исканий Рубинштейна. Результатом его реализации являются коллективные монографии под редакцией К.А. Абульхановой «Философия России второй половины XX века. Сергей Леонидович Рубинштейн» (РОССПЭН, 2010 г.) и «Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна» (Институт психологии РАН, 2011 г.).

Наряду с этим с начала XXI в. ярко проявилось стремление к изучению научного вклада Рубинштейна именно с точки зрения истории психологии и истории философии, в связи с историей немецкого неокантианства. Не можем не вспомнить, что изучение научных взглядов Рубинштейна, как ученика и последователя Марбургской философской школы, стало возможным после публикации в далеком 1994 г. его статьи «О философской системе Г. Когена» аспиранткой профессора В.А. Лекторского. Движение от психологической к философской интерпретации научного наследия Рубинштейна подтверждается и изданием книги «Человек и мир». Впервые часть рукописи «Человека и мира» опубликована в книге «Проблемы общей психологии» (Педагогика, 1973 г.). И соответственно во втором издании этой книги в 1976 г. была опубликована вторая часть «Человека и мира», относящаяся к проблемам социальной философии. Целью К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского было представить читателю текст книги «Человек и мир» как про-

должение психологических концепций Рубинштейна, которые имеют важное значение для понимания его психологических взглядов.

Второе издание рукописи «Человек и мир» осуществлено в 1997 г. Именно об этом издании Андрей Владимирович Брушлинский часто говорил, что в нем рукопись истинна без всяких купюр. Рукопись снабжена комментариями К.А. Абульхановой-Славской и А.Н. Славской, а также напечатано несколько статей Рубинштейна одесского периода, среди которых «О философской системе Г. Когена». Книга вышла в свет в издательстве «Наука», она включена в серию «Памятники психологической мысли» Института психологии РАН.

Это издание 1997 г. уже отличается философско-психологической направленностью. Составители не скрывают, что у Рубинштейна были философские работы, и они совсем не ограничиваются «Бытием и сознанием». А сам по себе одесский период творчества ученого – вообще философский. Само присутствие статьи о Германе Когене ясно показывает, что важное значение для теоретической концепции Рубинштейна имеет его преемственность идей марбургского учителя и Марбургской школы.

За последние 30 лет много российских историков философии работают над изучением этой преемственности. В результате в 2024 г. выходит третье издание рукописи «Человек и мир». Составители книги – уже и психологи, и философы. Нет необходимости говорить о Рубинштейне только как о психологе, время от времени занимающегося философией, а наоборот. Главная задача издания – показать работу Рубинштейна как логическое завершение его философской концепции, а также определить место Рубинштейна в истории философских систем и учений, конкретнее – определить отношение его философской системы к Марбургской философской школе неокантианства.

В связи с этим ведущее участие в составлении нового издания приняли известные российские философы Владислав Александрович Лекторский, Владимир Николаевич

Белов и Юлия Викторовна Колесниченко. В книге опубликована статья, посвященная философским исследованиям Владислава Александровича работ Рубинштейна, статья «Философский диалог о труде С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», подготовленная К.А. Абульхановой-Славской и В.Н. Беловым. Перспективам исследования Рубинштейна посвящает свою публикацию в этом томе Ю.В. Колесниченко. К.А. Абульханова-Славская опубликовала три материала текстов, в которых обсуждается история исследования работы «Человек и мир» за последние 50 лет, история создания этой работы Рубинштейна, а также она представляет личность Рубинштейна в контексте своего времени и своей жизни. В конце издания опубликована хроника основных событий жизни и творчества Рубинштейна.

Сравнивая это издание книги «Человек и мир» с предыдущими, можно сказать, что в последнем (2024 г.) представлен целостный новый ракурс о понимании этого произведения на фоне общей концепции Рубинштейна и на фоне истории всех его работ. Впервые вполне ясно и обоснованно сказано, что Рубинштейн наряду со своей психологической концепцией имеет свою самостоятельную философскую концепцию, являясь оригинальным философом. Новое издание очень перспективно, поскольку многие специалисты ждут его выхода в свет, а это уже реализовано, и над этим потрудились много организаций и людей. В конце концов, хочу сказать, что это стало возможно в первую очередь благодаря усилиям учеников и учениц Рубинштейна, в том числе К.А. Абульхановой-Славской, Д.Б. Богоявленской, а также В.А. Лекторского. Мы все, новое поколение и последующее поколение психологов и философов, занимающихся историей творчества С.Л. Рубинштейна, преклоняемся перед стойкостью этих наших коллег, учеников и последователей Рубинштейна первого поколения.

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-118-161>

И.Н. Семенов
(Москва, Россия)

**ГЕРОИЗМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОСОФА-ПСИХОЛОГА
С.Л. РУБИНШТЕЙНА И ДРАМАТИЗМ РАЗВИТИЯ
ЕГО НАУЧНОЙ ШКОЛЫ СУБЪЕКТНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО
ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ**

Аннотация. В исследовании в социокультурном контексте развития человекознания начала и середины XX в. дан анализ житнетворчества выдающегося философа-психолога С.Л. Рубинштейна и обобщен его вклад в гуманитарное познание бытия и сознания человека в мире. С учетом традиционной предметной квалификации его наследия участниками созданной им школы и историками науки нами сделан акцент на социокультурной детерминации феноменологии поведения корифея и рефлексивно-смысловой характеристике героизма его личностного совладания с противоречивыми и рискованными перипетиями жизнедеятельности, в том числе во время войн и революций, репрессий и творчества. С позиций рефлексивной психологии творчества характеризуются стойкость и драматизм житнетворчества его непосредственных учеников в развитии достижений созданной им философско-психологической школы в условиях современного человекознания рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: философия, психология, бытие, сознание, рефлексия, мышление, деятельность, личность, творчество, познание, научная школа, методология, история науки, персонология, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, М.Г. Ярошевский

**Философская психология как область гуманитарного
познания бытия человека в мире и ее историко-
методологические проблемы**

Мировоззренческая мысль начала XX в. ознаменовалась возникновением особого жанра в человекознании в виде такого его междисциплинарного симбиоза, как философская психология с ее своеобразными компонентами: аксиологией, феноменологией, онтологией, гносеологией, методологией, прагматикой. На Западе представителями философской

психологии являлись лидеры весьма различных подходов (А. Бергсон, В. Джемс, В. Дильтей, Д. Дьюи, О. Кюльпе, Г. Мюнстерберг, М. Шелер и др.). В России же Серебряного века¹ аналогичными представителями стали дореволюционные энтузиасты социально-педагогической реализации философско-психологических подходов в социальной практике образования (П.П. Блонский, К.Н. Вентцель, А.Ф. Лазурский, П.Ф. Лесгафт, М.М. Рубинштейн², Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет³). Далее в течение XX в. интерес к разработке философской психологии возникал время от времени в отечественном человекознании лишь эпизодически (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, А.С. Арсеньев, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, Н.Г. Алексеев, В.М. Розин, В.С. Библер, Э.В. Ильенков, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, Я.А. Пономарев, Г.М. Андреева, Ф.Т. Михайлов, Э.В. Сайко и др.).

Среди этой плеяды энтузиастов философской психологии выдающееся значение имеют фундаментальные идеи и систематические разработки С.Л. Рубинштейна⁴ и его непосредственных учеников как участников созданной им научной школы (К.А. Абульханова⁵, Л.И. Анцыферова, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Ф.Т. Михай-

¹ Семенов И.Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в культуре Серебряного века // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 606–624.

² Семенов И.Н. Философско-психологическая система рефлексивно-смысловой педагогики воспитания личности в российском человекознании (в связи со 145-летним юбилеем М.М. Рубинштейна) // Психологический журнал. 2024. № 6. С. 85–94.

³ Семенов И.Н. Рефлексивно-культурологический обзор влияния научного творчества Г.Г. Шпета на развитие человекознания (К 140-летию юбилею философа-психолога) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 188–208.

⁴ Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.

⁵ Семенов И.Н. Научоведческая рефлексия персонологии философско-психологического творчества К.А. Абульхановой (К 90-летию юбилею) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–16.

лов, В.Н. Пушкин, М.Г. Ярошевский). Однако экзистенциальной ценой их философско-психологического творчества в идеологически сложном и мировоззренчески противоречивом развитии российского общества XX в. явился как героизм, проявленный С.Л. Рубинштейном в процессе своей полной опасностями и рисками жизни, так и драматизм, присущий профессиональной деятельности участников его школы.

Выдающийся российский гуманитарий Сергей Леонидович Рубинштейн (1909–1960) не только принадлежит к плеяде оригинальных философов мирового уровня (как Н.А. Бердяев, А.А. Богданов, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили), но и является одним из наиболее переводимых за рубежом отечественных теоретиков психологии (как и Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Б.М. Теплов, Г.М. Андреева, И.С. Кон, С.В. Кравков, А.В. Петровский). Научное творчество С.Л. Рубинштейна кроме фундаментального предметного изучения единства сознания и деятельности человека как субъекта бытия в мире означает также ренессансное возрождение⁶ после войны – почти угасшего в конце 1920-х (из-за репрессий против М.М. Рубинштейна и Г.Г. Шпета и вытеснения «в стол» рукописей А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина) – такого животворного и необходимого жанра мыслительных поисков в области гуманитарного знания, как философская психология. До эпохи войн и революций начала XX в. этот жанр был необходимым и органичным компонентом как в западном человекознании (А. Бергсон, В. Джемс, В. Дильтей, Дж. Дьюи, О. Кюльпе, М. Шелер, К.Г. Юнг), так и в российском (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, Г.И. Челпанов). И по инерции он даже продолжал развиваться на рубеже 1920–1930-х гг. на послереволюционном закате Серебряного

⁶ *Рубинштейн С.Л.* Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024.

века⁷ русской культуры в трудах классиков человекознания (К.Н. Вентцель, Л.М. Лопатин, Н.Я. Пэрна, М.М. Рубинштейн, Г.Г. Шпет) и его молодых энтузиастов (П.П. Блонский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов). Подчеркнем, что этот жанр после периода идеологических репрессий⁸ конца 1930 – начала 1950-х гг. стал возрождаться во время «перестройки» именно благодаря целенаправленному философско-психологическому творчеству и организационно-преподавательским усилиям С.Л. Рубинштейна в качестве заместителя (1945–1948) директора по науке Института философии АН СССР (ИФ АН) и заведующего кафедрой психологии философского факультета МГУ (1942–1949). Эти усилия активизировались организацией им в ИФ АН двух научных совещаний – по анализу творчества И.М. Сеченова и по психологии познания⁹ – в самом начале «оттепели» второй половины 1950-х гг. Тогда С. Л. Рубинштейн был восстановлен заведующим (1956–1960) созданного и руководимого им ранее (1945–1949) сектора философских проблем психологии как первой подобной междисциплинарной институции в стране. С периода «оттепели» 1960-х гг. и до «перестройки» конца 1980-х гг. философско-психологическая проблематика разрабатывалась в советском человекознании в основном как слушателями лекций С.Л. Рубинштейна на философском факультете МГУ (Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, А.С. Арсеньев, Н.Г. Алексеев, Г.М. Андреева, В.В. Да-

⁷ Семенов И.Н. Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в культуре Серебряного века // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 606–624.

⁸ Семенов И.Н. Научная биография С.Л. Рубинштейна в контексте идеологических репрессий // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2022. URL: <https://bigenc.ru/c/nauchnaia-biografiia-s-lrubinshteina-v-kontekste-ideologicheskikh-repressii-eda043> (дата обращения: 07.08.2024).

⁹ Рубинштейн С.Л. Принципиальные вопросы психологии познания: доклад на Совещании по вопросам психологии познания, 20–22 мая 1957 г. // Вопросы психологии. 1957. № 3. С. 184–190.

выдов¹⁰, В.П. Зинченко, В.А. Лекторский, Н.И. Непомнящая, Я.А. Пономарев, Ф.Т. Михайлов, О.К. Тихомиров, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий и др.), так и его непосредственными учениками (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, Е.Н. Соколов, И.С. Якиманская, М.Г. Ярошевский) и далее – последователями созданной им научной школы (Е.В. Шорохова, М.И. Воловикова, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, В.А. Мазилев, В.В. Селиванов, И.Н. Семенов, А.Н. Славская, Е.А. Сергиенко, И.И. Чеснокова, В.Д. Шадриков и др.).

Параллельно с ними на рубеже XX–XXI вв. анализом проблем философской психологии занимались ученые других школ (Б.Г. Ананьев, В.С. Библер, Л.М. Веккер, А.Н. Леонтьев, В.А. Лекторский, Б.Ф. Ломов, М.К. Мамардашвили, М.С. Роговин, В.М. Розин, В.С. Мерлин, А.В. Петровский, В.С. Швырев, Э.Г. Юдин, Н.Г. Алексеев, В.М. Аллахвердов, Л.Я. Дорфман, А.Л. Журавлев, Э.В. Сайко, И.Н. Семенов, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич и др.), в том числе с учетом достижений зарубежной науки. Ныне на рубеже XX–XXI вв. эта проблематика продолжает изучаться во взаимодействии с идеями С.Л. Рубинштейна или в дискуссиях с ними в трудах ученых из ИП РАН, МПГУ, СПбГУ, МГПУ, МГППУ, МПСУ, НИУ ВШЭ, ПИ РАО, ЯРГУ, ЯРПГУ. Исследователями в новых социокультурных контекстах анализируется философско-психологическое содержание¹¹ фундаментальных концепций С.Л. Рубинштейна и их развитие его последователями как в философском и общепсихологическом планах, так и в прикладных – социально-информационном и психолого-педагогическом контекстах.

¹⁰ *Арсеньев А.С., Давыдов В.В., Михайлов Ф.Т.* Философско-психологические проблемы развития образования / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1981.

¹¹ *Научные подходы в современной отечественной психологии: кол. монография / А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, И.Н. Семенов [и др.]; отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. М.: ИП РАН, 2023. С. 184–211.*

При этом выдающийся вклад, внесенный в человекознание С.Л. Рубинштейном и созданной им школой, многократно характеризовался как его непосредственными учениками и последователями¹², так и коллегами по цеху: философами (А.С. Арсеньев, Г.С. Батищев, В.Н. Белов, Ю.Н. Давыдов, В.А. Лекторский) и психологами (Б.Г. Ананьев, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, В.Д. Шадриков). В трудах их последователей и современных ученых справедливо доминируют гносеологический анализ и эпистемологическое обобщение вклада С.Л. Рубинштейна и его школы в разработку философских принципов и теоретического содержания психологического познания когнитивных свойств субъекта (восприятия, мышления) и метакогнитивных состояний личности (ее мотивов, переживаний, сознания, смыслов, рефлексии¹³), включенных в процессы развития, общения, деятельности как форм бытия человека в мире. И это понятно: ибо С.Л. Рубинштейн известен прежде всего своими фундаментальными книгами по философии психологии с анализом истории их взаимодействия¹⁴.

Самая знаменитая из них «Основы общей психологии» (1940, 1946, 2023) приобрела советскую и мировую известность: в одной Германии издавалась десятком раз и многократно переиздается донныне на родине. Как установил его

¹² Семенов И.Н. Современные исследования творческого мышления и креативной личности в научной школе рефлексивной психологии // Человек и мир. 2017. № 1. С. 121–150; *Semenov I.N.* The psychology of reflexion in the scientific work of S.L. Rubinshtein // *The Psychology Journal*. 1989. № 4. P. 67–74 (USA, Boston).

¹³ Макурова А.В. Развитие И.Н. Семеновым рефлексивной психологии: от исследований мышления к формированию научной школы (обзор по материалам книги В. Маттеуса, Nettingen, 1988) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 1–2. С. 22–56.

¹⁴ Умрихин В.В. Структура психологического знания в философских системах прошлого: историко-методологический анализ // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: «VII Московские встречи» / отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.Н. Олейник и др. М.: ИП РАН, 2023. С. 142–152.

ученик (ставший директором ИП РАН в 1989–2002 гг.) А.В. Брушлинский: эти «Основы» в XX в. являлись самой читаемой в стране книгой по психологии¹⁵.

Необходимо отметить, что помимо основателя этой школы ее основные участники профессионально разрабатывали одновременно философские и психологические проблемы человекознания (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский). Их современные последователи также изучали эти вопросы на рубеже XX–XXI вв. (В.С. Агапов, М.И. Воловикова, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, И.Н. Семенов, А.Н. Славская Е.А. Сергиенко, Е.Б. Старовойтенко, И.И. Чеснокова и др.). Не имея возможности в рамках краткой статьи подробно характеризовать десятки их книг и сотни статей, ограничимся лишь обзором результатов проведенных нами ранее институционально-персонологических исследований жизнетворчества С.Л. Рубинштейна и участников его школы. Анализ персонологии их жизнедеятельности и достижений представлен в цикле статей, где с целью обоснования приводятся необходимые ссылки на основные труды ее участников и последователей.

На этом проработанном фоне разнообразного историко-научного анализа достижений Рубинштейновской школы все же недостаточно изучены побудительные мотивы и экзистенциально-персонологическая палитра внутренней жизни и в целом – феноменология жизнетворчества С.Л. Рубинштейна и его непосредственных учеников как субъектов научной жизнедеятельности в сфере философии, психологии, педагогики (что специально изучалось нами¹⁶ с позиций реф-

¹⁵ Брушлинский А.В. Самая читаемая книга по психологии: триумфы, трагедии, парадоксы // Психологический журнал. 1993. Т. 22. № 6. С. 5–13.

¹⁶ См.: Научные подходы в современной отечественной психологии: кол. монография / А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, И.Н. Семенов [и др.]; отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. М.: ИП РАН, 2023. С. 184–211; Семенов, И.Н., Ларионова, Л.И. Институционально-персонологическая рефлексия развития философии, психологии, педагогики одаренности и творчества

лексивно-персонологической психологии развития научного творчества). Хотя столь важные грани их житнетворчества, разумеется, не остались без внимания в историко-научной литературе в виде личных писем и воспоминаний, а также биографической прозы или историко-культурологического анализа¹⁷, что базируется на различных мировоззренческих и научных позициях.

В связи с этим возникает важная экзистенциально-персонологическая проблема экспликации внутренних мотивов житнетворчества ученого в рефлексивно-смысловом и мотивационно-волевом совладании им с проблемно-конфликтными ситуациями¹⁸, определяемыми его противоречивым институционально-коммуникативным и продуктивно-деятельностным бытием в социальном мире. Решение этой проблемы может быть достигнуто в процессе рефлексивно-смыслового и субъектно-деятельностного изучения экзистенциальных перипетий, мотивов, поступков, достижений житнетворчества. Ибо они порой являют собой прецеденты не только совладающего поведения в предметно-познавательных поисках и в проблемно-конфликтных ситуациях, но также самоотверженного героизма и драматического бытия личности в противоречивом мире.

Так, например, с теоретико-методологических позиций развиваемой нами рефлексивной психологии и педагогики развития творчества подготовлен науковедческий цикл историко-психологических исследований жизнедеятельности ряда выдающихся российских ученых: философов (А.А. Богданов, Э.Г. Юдин), логиков (А.А. Зиновьев, В.А. Лефевр), методологов (Г.П. Щедровицкий, Н.Г. Алексеев), филосо-

(к 90-летию юбилею Д. Б. Богоявленской) // Известия РАО. 2022. № 3(59). С. 181–200.

¹⁷ *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. Москва – Воронеж: МПСИ, 2010.

¹⁸ *Семенов И.Н.* Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского ун-та. Серия 14 «Психология». 2015. № 4. С. 98–113.

фов-психологов (Г.Г. Шпет, П.П. Блонский), психологов-управ-ленцев (Г.И. Челпанов, А.А. Смирнов), акмеологов (Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач), философов-педагогов (К.Н. Вентцель, М.М. Рубинштейн¹⁹), психологов – общих (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), одаренности (Б.М. Теплов, Д.Б. Богоявленская, А.И. Савенков), личности (Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев), творчества (Н.Я. Пэрна, Я.А. Пономарев), мышления (А.М. Матюшкин, О.К. Тихомиров), деятельности (А.В. Брушлинский, В.Д. Шадриков), инженерных (В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов), социальных (Г.М. Андреева, Е.В. Шорохова), педагогических (П.Я. Гальперин, А.В. Петровский) и историков человекознания (Е.А. Будилова, А.Н. Ждан) в социокультурном контексте формирования их как субъектов жизнедеятельности (М.Г. Ярошевский²⁰, К.А. Абульханова²¹) и уникальной креативно-профессиональной самореализации (С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.А. Бодалев, Н.В. Кузьмина, Я.А. Пономарев, Н.Г. Алексеев).

Формы героизма и драматизма жизнедеятельности советских ученых-гуманитариев

С учетом этого культурно-исторического и биографо-психологического опыта обратимся к экзистенциально-персонологическому изучению – с позиций рефлексивной психологии творчества – феноменологии жизненных перипетий и смысловых конфликтов, их осознания и понимания,

¹⁹ Семенов И.Н. Философско-психологическая система рефлексивно-смысловой педагогики воспитания личности в российском человекознании (в связи со 145-летним юбилеем М.М. Рубинштейна) // Психологический журнал. 2024. № 6. С. 85–94.

²⁰ Семенов И.Н. Рефлексивно-научно-педагогический обзор человекознания: от истории психологии через ее теорию к персонологии и энциклопедизму (к 100-летию М.Г. Ярошевского) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 64–109.

²¹ Семенов И.Н. Научно-педагогическая рефлексия персонологии философско-психологического творчества К.А. Абульхановой (К 90-летию юбилею) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–16.

преодоления и совладания С.Л. Рубинштейном и его учениками. Ибо они выступают в качестве выдающихся продуктивных субъектов культуросозидающей познавательно-исследовательской деятельности в созданной им научной школе, которая имеет с 1922 г. столетнюю²² историю и является до ныне одной из ведущих и крупнейших в стране.

Столетнее поступательное развитие школы С.Л. Рубинштейна включает ряд разнообразных периодов своего становления и меняющийся многосоставный штат участников, исследующих множество различных предметов философско-психологического изучения: сознание, рефлексия, воображение, мышление, презентации, социальные представления, личность, межличностные отношения, социокультурные взаимодействия, индивидуальные и групповые формы деятельности и т.д. В этой школе в 1942–1959 гг. прошли подготовку студенты и аспиранты, специализировавшиеся как на кафедре психологии МГУ, так и сотрудники Института экспериментальной психологии АПН РСФСР (ныне ПИ РАО) и сектора философских проблем психологии ИФ АН. Таким образом С.Л. Рубинштейном был подготовлен ряд профессиональных философов и психологов, которые плодотворно участвовали в отечественном человекознании второй половины XX в. и продуктивно продолжают его развивать в начале XXI в.

Из них одна часть школы принципиально, но оригинально развивала идеи учителя (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова²³, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, И.С. Якиман-

²² См.: *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // *Ученые записки высшей школы Одессы*. 1922. Т. 2. С. 148–154; *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // *Вопросы философии*. 1989. № 4. С. 89–95.

²³ *Семенов И.Н., Калашиников И.Г.* Когниции и метакогниции в жизнетворчестве Л.И. Анцыферовой: от логики мышления через психофизиологию познания до психотренингов мудрости личности (К 100-летию юбилею корифея психологии) // *Психология личности: история, теория, методология*. М.: Институт психологии РАН, 2024. С. 205–211.

ская²⁴). Другая часть школы, отталкиваясь от положений ее создателя, выстраивала собственные концепции в новых предметных областях (Д.Б. Богоявленская²⁵, А.М. Матюшкин, Ф.Т. Михайлов, В.Н. Пушкин, Е.Н. Соколов, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский²⁶). Третья же часть учеников основателя школы специально не отмечала свою к ней принадлежность (особенно в период лидерства А.Н. Леонтьева в советской психологии²⁷ в 1960–1970-е гг.), хотя конструктивно реализовывала потенциал ряда положений традиции С.Л. Рубинштейна во взаимодействии с методологическими подходами других отечественных общепсихологических школ (Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, Я.А. Пономарева, Б.М. Теплова, В.Д. Шадрикова, Д.Н. Узнадзе и др.).

В институциональном плане необходимо подчеркнуть, что из этой школы пять ее участников были избраны действительными членами АПН/РАО (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, С.Л. Рубинштейн, Ф.Т. Михайлов) и трое – почетными академиками (Л.И. Анцыферова, Д.Б. Богоявленская, М.Г. Ярошевский), а также при этом трое стали директорами академических институтов: С.Л. Рубинштейн – ИЭП АПН РСФСР (1942–1945), А.М. Матюшкин – НИИОПП/ПИ РАО (1983–1990), А.В. Брушлинский – ИПАН/ИП РАН (1989–2002).

Ранее проведенный нами институционально-персонологический анализ различных субъектно-деятельностных ас-

²⁴ Якиманская И.С. Основы личностно-ориентированного образования. М.: Бином, 2011.

²⁵ Семенов И.Н., Ларионова Л.И. Институционально-персонологическая рефлексия развития философии, психологии, педагогики одаренности и творчества (К 90-летию юбилею Д.Б. Богоявленской) // Известия РАО. 2022. № 3(59). С. 181–200.

²⁶ Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.

²⁷ Семенов И.Н. Научно-педагогическая рефлексия векового развития российской психологической науки (К 100-летию советской психологии) // Мир психологии. 2018. № 4. С. 279–300.

пектов житнетворчества С.Л. Рубинштейна²⁸ и участников созданной им школы – послужил основанием для образно-обобщенной и экзистенциально-рефлексивной квалификации характерологии жизненного пути их учителя в качестве прецедента героики бытия этого выдающегося ученого в сложном развитии России первой половины и середины XX в. Профессиональное же становление его учеников в совокупности характеризует драматизм их творческого роста в институционально-социальных условиях развития отечественного человекознания во второй половине XX – начале XXI в. Героика самореализации житнетворчества С.Л. Рубинштейна выражалась в мужественном, продуктивном, самоотверженном совладании им с противоречиями и рисками его экзистенциально-социального бытия, особенно во времена войн, революций, оккупаций рубежа 1910–1920-х гг. и идеологических репрессий конца 1930 – начала 1950-х гг. Драматизм же жизнедеятельности непосредственных участников возвращенной им крупной научной школы проявился в ее институциональном выживании психологов в диалектико-материалистическом ИФ АН (после смерти С.Л. Рубинштейна 11 января 1960 г.) и в их подвижнической целеустремленности к системно-трансдисциплинарной и предметно-разносторонней поисково-исследовательской самореализации в профессиональной деятельности на парадигмальной базе творческого развития теоретико-методологического и проектно-институционального наследия учителя. Ибо он не только раскрыл онтологию экзистенциального бытия в мире человека²⁹, но и парадигмально обосновал категориальный каркас субъект-

²⁸ Семенов И.Н. Типология экзистенциальных стратегий и исследовательских программ в творчестве С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 80–89; Брушлинский А.В. Самая читаемая книга по психологии: триумфы, трагедии, парадоксы // Психологический журнал. 1993. Т. 22. № 6. С. 5–13.

²⁹ Рубинштейн С.Л. Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024.

но-деятельностного и стратегически-перспективного изучения его психики как в когнитивных процессах (восприятия, мышления), так и в метакогнитивных состояниях личности: ее мотивов, переживаний, сознания, рефлексии, творческой самодеятельности. При этом С.Л. Рубинштейн возродил и развил (как и Л.С. Выготский) содержащиеся в философской психологии³⁰ Серебряного века потенциалы культурно-исторического³¹ и субъектно-деятельностного подходов³² к развитию психики. Оба подхода в результате их концептуально-методологической разработки стали предметной доминантой советской послевоенной гуманитаристики и во многом теоретическим базисом современной российской психологии.

Героизм житнетворчества С.Л. Рубинштейна как философа-психолога

Эта творческая самореализация субъектов человекознания осуществлялась порой в конфликтных и рискованных условиях: часто не столько в налаженном профессионально-карьерном развитии, сколько вопреки его неблагоприятным условиям и противоречивым обстоятельствам. Их преодоление требовало: 1) ориентировки в конкурентной борьбе за институциональное выживание; 2) самоотверженной реализации принципиально-рубинштейновского курса; 3) объективной логики его предметно-творческого развития в социокультурной смене научных, практических и идеологических контекстов. Становление незаурядной личности и развитие научного и управленческого профессионализма С.Л. Рубинштейна являет собой воистину героическую эпопею жизне-

³⁰ *Брушлинский А.В.* Философия и психология: С.Л. Рубинштейн и С.Л. Франк / А.В. Брушлинский // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6.

³¹ *Маркелов Т.И.* Личность как культурно-историческое явление. СПб., 1912.

³² *Некрасов П.А.* Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности. М.: Математическое общество, 1902.

творчества в процессе борьбы за свои познавательные интересы, независимое мышление, содержательные идеи и принципы философско-психологической деятельности. Их культивирование, озвучивание, обоснование и реализация происходили поступательно в течение разных конкретно-исторических периодов. Они осуществлялись С.Л. Рубинштейном³³ в течение различных социокультурных и институциональных условиях сложного и противоречивого XX в. на Украине, в Германии и России, в том числе во времена войн и революций, репрессий и творчества. Экзистенциальное выживание в них и профессиональная самореализация требовали от С.Л. Рубинштейна – как субъекта жизнедеятельности – понимания обстоятельств, адекватной ориентировки, мудрой рефлексии, быстрого выбора, продуктивного самоопределения, эффективных решений, сильной воли, мужественного характера и нередко героического совладающего поведения и целенаправленного развития творческой самости своего целостного «Я»³⁴.

Созданная С.Л. Рубинштейном в середине XX в. научная школа теоретически зарождалась еще в 1910–1930-е гг. в ходе познавательных поисков поначалу его индивидуального творчества в социокультурном пространстве мировоззренческих интересов к философии, психологии, педагогике на базе междисциплинарной рефлексии их взаимодействия в контексте разработки им в 1920-е гг. методологии научной библиографики на посту директора научной библиотеки в г. Одессе. Далее школа С.Л. Рубинштейна формировалась им в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена (ЛГПИ) как коллективно-распределенная деятельность

³³ См.: *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. Москва–Воронеж: МПСИ, 2010; *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.

³⁴ *Семенов И.Н.* Экзистенциально-личностная феноменология рефлексивного развития процессов самости «Я» как субъекта культуросозидающего научного творчества (к 100-летию юбилею школы С.Л. Рубинштейна) // Известия РАО. 2022. № 4. С. 3–23.

группового субъекта психологического познания со второй половины 1930-х гг. до весны 1942 гг., что было прервано военной эвакуацией. С середины 1940-х гг. и до конца 1950-х гг. С.Л. Рубинштейн вел со студентами МГУ и аспирантами ИФ АН профессиональную подготовку психологов, привлекая ряд из них к исследовательской работе в своей научной школе по изучению восприятия и мышления, в том числе с анализом их психоневрологического базиса как когнитивных процессов в наследии физиологов И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова как российских продолжателей идей естествознания и философии Нового времени, основанных методологий Р. Декарта³⁵.

После смерти С.Л. Рубинштейна деятельность его школы организовывала в 1960–1971 гг. новый заведующий сектором психологии в ИФ АН Е.В. Шорохова. После ее перехода с сотрудниками сектора в новый ИП АН она, курируя в нем в 1970-е гг. продолжение их научной работы в русле идей С.Л. Рубинштейна, все же сама сосредоточилась на изучении проблем социальной психологии (совместно с Е.А. Будиловой, М.И. Бобневой, А.Л. Журавлевым и др.). В связи с этим участники его научной школы стали развивать в 1980-е гг. в ИП АН собственную концептуальную трактовку субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна к теоретико-методологическому и практико-эмпирическому изучению таких проблем психологии, как: мышление и проблемное обучение (А.В. Брушлинский), сознание и социальные представления индивидуальности (К.А. Абульханова), развитие личности и консультативные практики ее

³⁵ См.: *Рубинштейн С.Л.* Выступление на 350-летию со дня рождения Декарта [Торжественное собрание во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей – ВОКСе]: Роль Декарта в истории научной философии // Вестник Академии наук. 1946. № 5–6. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 310–314; *Семенов И.Н.* Рефлексивно-психологический анализ влияния рационализма Р. Декарта на научное творчество С.Л. Рубинштейна и А.В. Брушлинского // *Философия Р. Декарта и развитие психологии XVII–XVIII вв.* / под ред. М.Д. Няголовы. Великое Тырново, 2024.

поведения и жизнедеятельности, в том числе как мудрости пожилых людей (Л.И. Анцыферова).

Избранный в 1989 г. новым директором ИП АН А.В. Брушлинский, эксплицировал с К.А. Абульхановой из трудов С.Л. Рубинштейна субъектно-деятельностную парадигму, взял методологический курс на ее реализацию в качестве одного из основных перспективных направлений теоретико-экспериментальных исследований в ИП РАН рубежа XX–XXI в. При этом в прикладном плане А.В. Брушлинский – вместе с выходцами из этой научной школы А.М. Матюшкиным и Д.Б. Богоявленской³⁶ – принял участие в конце 1990-х гг. в организованной ею диагностико-развивающей разработке интегративной «Рабочей концепции одаренности». В ней по инициативе педагогов-новаторов и психологов творчества были обобщены под редакцией Д.Б. Богоявленской и В.Д. Шадрикова достижения мировой и отечественной педагогической психологии способностей, одаренности, творчества. В их развитие в начале XXI в. в контексте социальной потребности в формировании в процессе непрерывного образования профессионалов с креативным потенциалом стали разрабатываться психолого-педагогические технологии, эффективные на таких его основных ступенях, как: дошкольное и среднее (А.М. Матюшкин, А.И. Савенков, Д.В. Ушаков), высшее и последиplomное (К.А. Абульханова, А.А. Деркач, И.Н. Семенов, В.Д. Шадриков), а также профессиональное образование в сфере подготовки субъектов творчества: художественного (А.А. Мелик-Пашаев), технического (Т.В. Кудрявцев, А.И. Половинкин) и научного (М.Г. Ярошевский³⁷, А.В. Юревич, И.Н. Семенов³⁸ и др.).

³⁶ Семенов И.Н., Ларионова Л.И. Институционально-персонологическая рефлексия развития философии, психологии, педагогики одаренности и творчества (К 90-летию юбилею Д.Б. Богоявленской) // Известия РАО. 2022. № 3(59). С. 181–200.

³⁷ Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.

При этом важным интегративным направлением психолого-педагогического обеспечения теоретических достижений субъектной школы С.Л. Рубинштейна об изучении сознания и бытия человека в мире являются предложенные Е.И. Зейлингер-Рубинштейн и И.С. Якиманской³⁹ фундаментальные принципы личностно-ориентированного развивающего образования. Разработанные И.С. Якиманской психотехнологии (культивирования предметно-деятельностного и, по сути, рефлексивно-смыслового содержания сознания школьников и учителей) внедрены коллективом ее сотрудников в образовательную практику преподавания дисциплин математического и технического цикла, что крайне востребовано и конструктивно в социокультурных условиях современной техногенной и цифровой цивилизации.

Параллельно с базирующимися на концепции С.Л. Рубинштейна о бытии человека в мире эффективными достижениями психотехнологий И.С. Якиманской в психолого-педагогическом обеспечении личностно-ориентированного развития школьников и педагогов нами также – с субъектно-деятельностных и креативно-персонологических позиций – разрабатываются и внедряются модели и рефтехнологии когнитивно-метакогнитивного развития человеческого капитала обучающихся в инновационную практику среднего, высшего и последиplomного профессионального образования, в том числе в контексте его цифровизации⁴⁰.

Помимо рассмотренных прецедентов прикладной реализации методологического потенциала экзистенциально-

³⁸ Семенов И.Н. Эпистемологическая типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 472–513.

³⁹ См.: Якиманская И.С. Основы личностно-ориентированного образования. М.: Бином, 2011; Зейлингер-Рубинштейн Е.И. Очерки по истории воспитания и педагогической мысли. Л.: ЛГУ, 1978.

⁴⁰ Семенов И.Н., Гришин И.С. Философско-психологические аспекты человеческого капитала в процессе информационной цифровизации образования // Мир психологии. 2021. № 1–2(105). С. 20–33.

антропологической концепции С.Л. Рубинштейна, важным направлением современной интеграции его идей о творческой самодеятельности субъектного бытия человека в мире является построенная на рубеже XX–XXI вв. А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским системная концепция теоретической психологии⁴¹, в том числе с учетом роли рефлексии⁴². Это связано с многолетними поисками – в русле логики развития человекознания – конструктивного решения актуальной и перспективной проблемы (поставленной еще в 1930-е гг. С.Л. Рубинштейном на своем домашнем семинаре перед коллегами: Б.Г. Ананьевым, А.Н. Леонтьевым, Б.М. Тепловым, М.Г. Ярошевским) создания новой психологической науки. Она была призвана преодолеть К. Бюлером⁴³ открытый кризис психологии, проанализированный далее в СССР Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, П.Я. Гальпериным, А.Н. Ждан, В.А. Кольцовой, М.Г. Ярошевским. Эти поиски прошли в XX в. трансдисциплинарной путь от культурно-исторической до субъектно-деятельностной ассимиляции конструктивных достижений марксизма, необихевиоризма, гештальтизма, экзистенциализма. Предложенная первым (с конца 1930-х гг.) учеником С.Л. Рубинштейна в начале 1970-х гг. М.Г. Ярошевским методологическая рефлексия взаимодействия этих направлений психологии эксплицировала категориальный строй логики развития⁴⁴

⁴¹ См.: *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретические основы психологии: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998; *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретические основы психологии: учебное пособие. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2000.

⁴² Проектно-исследовательский подход к рефлексивно-психологическому обеспечению инновационного образования. Межд. кол. монография / отв. ред.-сост. и авт. вступ. ст. И.Н. Семенов, Т.Г. Болдина. М.: Аналитика Родис, 2011.

⁴³ *Bühler K.* Die Krise der Psychology. Stuttgart : Fischer, 1927.

⁴⁴ *Семена И.Н., Ковалева Н.Б.* Логика развития Московской научной школы С.Л. Рубинштейна и ее вклад в общую и педагогическую психологию (К 50-летию юбилею ИП РАН) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Серия 4: Педагогика. Психология. 2023. № 68. С. 89–117.

в XX в. психологического познания⁴⁵. Это позднее составило базис теоретической психологии⁴⁶ и позволило М.Г. Ярошевскому совместно с А.В. Петровским и Л.А. Карпенко обобщить содержание ряда подготовленных ими учебников и словарей для вузов и издать в 2005–2007 гг. семитомную фундаментальную энциклопедию «Психологический лексикон».

Науковедческое изучение этой категориальной логики привело М.Г. Ярошевского и А.В. Петровского к обобщению достижений человекознания в виде построения основ теоретической психологии как современной эпистемологии человекознания, базирующейся на философии и естествознании. О необходимости создания именно такой интегративной психологии мечтали – каждый по-своему – наши выдающиеся философы-психологи Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Г.Г. Шпет. Использование ныне А.Л. Журавлевым⁴⁷ и его научной школой современных цифровых технологий для изучения логики развития понятийно-категориальных средств теоретических обобщений человекознания открывает новые (по сравнению с их качественным анализом, проведенном, отталкиваясь от традиций методологии С.Л. Рубинштейна) конструктивные возможности для перспективной рефлексии прогресса современной психологической науки начала XXI в.

⁴⁵ *Ярошевский М.Г.* Предмет психологии и ее категориальный строй // Вопросы психологии. 1971. № 5. С. 110–122.

⁴⁶ *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретические основы психологии: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998; *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретические основы психологии: учебное пособие. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2000.

⁴⁷ Научные подходы в современной отечественной психологии: кол. монография / А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, И.Н. Семенов [и др.]; отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. М.: ИП РАН, 2023.

Взаимодействие индивидуального творчества С.Л. Рубинштейна и коллективной деятельности участников его научной школы

Традиционно описание любой научной школы ведется с указанием фактов начала осуществления совместной коллективно-распределенной деятельности под руководством ее основателя. Развиваемый же нами институционально-персоналогический подход эксплицирует латентный период инициативного зарождения познавательной идеи в определенном социокультурном контексте и акцентирует рефлексивно-смысловое взаимодействие интеллектуально-личностных аспектов ее воплощения участниками научной школы согласно исследовательским программам и экзистенциальным стратегиям⁴⁸ ее руководителя, реализующего творческую самость своего «Я»⁴⁹ в процессе профессиональной деятельности. Ибо амбициозная разработка этой идеи диктует объективную необходимость создания для воплощения своих замыслов научной школы – согласно эксплицированной ученым предметной логике развития избранной им проблемно-научной области – в перспективе реализации своей субъективно выношенной творческой миссии, например, создания новой психологии.

Обратимся к науковедческому построению институционально-персоналогической периодизации развития созданной С.Л. Рубинштейном научной школы в качестве субъектного триединства: во-первых, как его индивидуального жизнетворчества; во-вторых, как руководимой им коллективно-распределенной познавательной деятельности научной школы аспирантов и сотрудников; в-третьих, в качестве ее

⁴⁸ Семенов И.Н. Типология экзистенциальных стратегий и исследовательских программ в творчестве С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 80–89.

⁴⁹ Семенов И.Н. Экзистенциально-личностная феноменология рефлексивного развития процессов самости «Я» как субъекта культуросозидающего научного творчества (к 100-летию школы С.Л. Рубинштейна) // Известия РАО. 2022. № 4. С. 3–23.

поступательного продолжения путем изучения в этой школе как методологических проблем психологии, так и субъектно-деятельностных исследований мышления и сознания личности в процессе ее бытия в мире. Это после его смерти было организовано учениками и последователями на разных этапах эволюции школы ее лидерами: Е.В. Шороховой (1960–1971), Л.И. Анцыферовой (1972–1980), К.А. Абульхановой (1981–1988), А.В. Брушлинским (1989–2002), К.А. Абульхановой (с 2002 г. и по настоящее время).

Исходный – латентный (для будущего мыслительного творчества) – период (1889–1908) семейного и гимназического образования обеспечил становление Сергея Рубинштейна как рационально мыслящей, волевой ответственной личности и формирования (под влиянием идей отца юриста и его бесед с марксистом Г.В. Плехановым) в одесской юности мировоззрения познающего мироздание амбициозного юного субъекта-интеллектуала. Закончив экстерном с золотой медалью престижную Решельевскую гимназию, юноша Сергей посылает на высочайшее имя императора Николая Второго отважное прошение (отклоненное) о необходимости исключительного зачисления его в университет вопреки еврейскому происхождению, что тогда запрещалось законом государства. Помогая отцу-сердечнику в его адвокатуре, Сережа не только постигал и рефлексировал опыт практической феноменологии поведения личности в перипетиях реальной юридической психологии, но и самостоятельно изучал социокультурные основы философии права (от Т. Гоббса через Ш. Монтескье и Г. Гегеля до Г. Спенсера и М. Ковалевского).

Второй – философско-образовательный – этап (1909–1914) молодого С.Л. Рубинштейна неожиданно начался с того, что, прослышав об авторитете отца, к нему обратился за адвокатской помощью в запутанной международной финансовой тяжбе знаменитый фабрикант-меценат Савва Морозов. В благодарность за выигранное дело он чудом спонсировал не только лечение отца в швейцарском санатории, но и многолетнее образование его сына-помощника в германских

университетах. Здесь юный С.Л. Рубинштейн специализировался (вместе с будущим поэтом Б.Л. Пастернаком) по философии Марбургской школы неокантианства под руководством его лидеров Г. Когена⁵⁰, П. Наторпа⁵¹, Э. Кассирера. Окончив с отличием университет, С.Л. Рубинштейн отклонил их приглашение преподавать методологию в Германии и, заботясь о многочисленной родне, вернулся в Одессу.

Третий – оккупационный – период (1914–1919) приходится на тяжелейшее время человеческого выживания под властью румыно-германских войск и банд украинских националистов в Мировую и Гражданскую войны. Молодому гуманитарии пришлось многими ночами под обстрелами отважно добираться сквозь опасности быть убитым до пирса, чтобы для пропитания большой семьи выменять одежду и утварь на рыбу и хлеб у матросов в порту, кишашему бандитами и военными. Один из них был подстрелен на глазах Сергея, который героически через весь город дотащил раненого матроса домой и смело выхаживал его в подвале вплоть до выздоровления, рискуя поплатиться за это жизнью. Несмотря на опасности передвижения в оккупированном городе, С.Л. Рубинштейн также давал частные уроки и подрабатывал в гимназиях, а главное жил интенсивной интеллектуальной жизнью, практикуя «творческую самодеятельность» в самостоятельном изучении философии человекознания и в культурном саморазвитии (см. его заметки 1910-х гг.⁵²).

⁵⁰ *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник – 1992. М.: Наука, 1994. С. 230–259.

⁵¹ *Наторп П.* Философия как основа педагогики / пер. с нем., предисл. Г.Г. Шпета. М., 1910; Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2006. С. 297–383.

⁵² *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997; *Рубинштейн С.Л.* Философское наследие С.Л. Рубинштейна: в 3 томах / авт.-сост. К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Белов, Ю.В. Колесниченко, В.А. Лекторский; под ред. К.А. Абульхановой-Славской. Т. 1: С.Л. Рубинштейн. Человек и мир. М.: РУДН, 2024.

В четвертый – кафедральный – период (1919–1923) С.Л. Рубинштейн (при поддержке ученика В. Вундта профессора Н.Н. Ланге) был принят по конкурсу приват-доцентом в Новороссийский университет в г. Одессе. Засучив рукава, С.Л. Рубинштейн участвовал в ремонте разоренных после войн и революций помещений кафедры философии, а также в монтаже выписанного им из Германии (с помощью своего марбургского учителя П. Наторпа) лабораторного оборудования. Перед смертью философ-психолог Н.Н. Ланге рекомендовал избрать С.Л. Рубинштейна заведующим кафедрой. Его блестящие лекции (по философии, логике, психологии, педагогике и физике А. Эйнштейна) пользовались большой популярностью у студентов, но вызывали зависть коллег, что им воспринималось хладнокровно и стоически. Однако из-за этих интриг, которые все-таки отрывали его от мыслительных поисков, С.Л. Рубинштейн был вынужден покинуть университет и перешел на должность директора научной библиотеки Одесского образовательного округа.

В Пятый – библиотечный – период (1924–1930) он, изучая новинки философской и научной литературы (которые со всего света присылали ему сокурсники по Марбургу) и рефлекслируя тенденции развития науки, разрабатывал методологию и систематизацию современной библиографики, что обобщил в цикле статей и книг. С учетом успехов в этом С.Л. Рубинштейн был приглашен в 1930 г. в Ленинград на престижную должность (которую до революции занимал известный критик и публицист В.В. Стасов) заместителя директора по науке крупнейшей в стране ленинградской Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь он вошел в круг творческой интеллигенции, организуя познавательные и культурные мероприятия – по линии ВОКС (Всеобщего общества культурной связи с заграницей) – с деятелями искусства и науки. Педагог ЛГПИ его родственница Е.И. Зейлингер-Рубинштейн познакомила с ним крупного психолога тех лет М.Я. Басова (предлагавшего изучать «деятельности» человека, чем интересовалась российская интел-

лигенция⁵³ от психофизиолога И.М. Сеченова и автора романа «Что делать?» публициста Н.Г. Чернышевского до философа «общего дела» Н.Ф. Федорова). Он рекомендовал в начале 1930-х гг. С.Л. Рубинштейна читать спецкурсы в крупнейшем в стране педагогическом вузе ЛГПИ. Став в 1931 г. заведующим кафедрой психологии, он пригласил в ЛГПИ для лекций ряд ученых из столицы (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и др.), При этом С.Л. Рубинштейн обсуждал с ними необходимость построения новой психологии на материалистической основе методологии марксизма, что обосновал в 1934 г. в программной статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (в журнале «Советская психотехника») и реализовал в 1935 и 1940 гг. в учебниках «Основы психологии» и «Основы общей психологии».

В Седьмой – военный – период (1941–1945) первый проректор ЛГПИ С.Л. Рубинштейн перевел на военные рельсы преподавание в этом вузе и организовал весной 1942 г. героическую эвакуацию – с риском гибели по льду «Дороги жизни» – студентов и преподавателей из блокадного Ленинграда на Северный Кавказ. Несмотря на военное время, его «Основы общей психологии» (1940) выдвинули по конкурсу на Сталинскую премию. В результате этого обсуждения осенью 1942 г. С.Л. Рубинштейна отозвали в Москву, где он был назначен для руководства в военное время директором Института экспериментальной психологии при МГУ и заведующим вновь открытой им кафедрой психологии, которая помещалась сначала в здании института. Вместе с его сотрудниками С.Л. Рубинштейн во время бомбежек смело участвовал в пожаротушении на крышах. В МГУ он вскоре создал психологическое отделение на философском факультете и обеспечил издание в Вестнике Московского университета его психологической серии. В 1943 г. С.Л. Рубинштейн награждается за фундаментальные «Основы общей психоло-

⁵³ Некрасов П.А. Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности. М.: Математическое общество, 1902.

гии»⁵⁴ Государственной Сталинской премией по науке и технике и избирается членом-корреспондентом АН СССР. Участвуя в 1944 г. в создании АПН РСФСР, он интегрирует в нее возглавляемый им Институт экспериментальной психологии и усиливает психолого-педагогический профиль его научно-исследовательской деятельности. В середине 1945 г. он – как профессиональный философ и член-корреспондент АН СССР – назначается заместителем директора по науке Института философии АН СССР.

В восьмой – философско-психологический – период (1945–1948) на этом посту С.Л. Рубинштейн реорганизовал научную деятельность ИФ АН (который возглавляли чередовавшиеся номенклатурные деятели компартии), повысил профессиональную культуру сотрудников, возглавил созданный им сектор философских проблем психологии, пригласил члена-корреспондента АН СССР С.В. Кравкова к заведению психофизиологической лабораторией при этом секторе и обеспечил трофейным оборудованием из Германии перестроенный по своему проекту для экспериментов верхний этаж здания института. Реализация всего этого потребовала от С.Л. Рубинштейна дипломатических усилий для преодоления бюрократических барьеров в АН СССР. Проведение когнитивных экспериментов позволило в 1948 г. издать под редакцией С.Л. Рубинштейна сборник руководимых им исследований по психологии восприятия (с участием ученых мирового уровня: Б.Г. Ананьева, С.В. Кравкова, Е.Н. Соколова). Сборнику высокую оценку дал заведующий кафедрой логики и психологии Академии общественных наук при ЦК компартии, заместитель директора ИЭП, академик АПН РСФСР Б. М. Теплов.

В плане изучения философско-психологической проблематики С.Л. Рубинштейн, определив в качестве предмета психологии единство сознания и деятельности, обратился к анализу психологических воззрений в трудах выдающихся

⁵⁴ *Брушлинский А.В.* Самая читаемая книга по психологии: триумфы, трагедии, парадоксы // Психологический журнал. 1993. Т. 22. № 6. С. 5–13.

российских физиологов (И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов) и предложил аспирантам (Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, Н.С. Мансуров, Е.Н. Соколов и др.) изучить в кандидатских диссертациях связь познавательных/когнитивных процессов (от ощущений до мышления) с их неврологическим базисом и психофизиологическими механизмами.

Девятый – репрессивный⁵⁵ – период (1948–1955) начался с критического обсуждения в институтах психологии и философии предметного содержания опубликованного в 1946 г. второго переработанного издания учебника С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии». Развернувшаяся огульная партийно-материалистическая критика была усугублена вненаучными идеологическими упреками его в якобы «космополитизме» и в преклонении перед «иностраниной». Необходимо отметить, что жизненный и творческий путь С.Л. Рубинштейна – лидера советской психологии середины XX в. – проходил в условиях сложного и переломного послевоенного⁵⁶ времени для науки (в том числе философии, психологии, педагогики) и страны в целом.

На фоне институционально-персоналогической реконструкции нами эволюции советской гуманитаристики обратимся к экзистенциальной рефлексии основных фактов научной биографии С.Л. Рубинштейна самого тяжёлого её периода – в условиях репрессий конца 1930 – начала 1950-х гг. Так, будучи проректором ЛГПИ, С.Л. Рубинштейн не побоялся в разгар репрессий конца 1930-х гг. восстановить в ас-

⁵⁵ Семенов И.Н. Научная биография С.Л. Рубинштейна в контексте идеологических репрессий // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 2022. URL: https://bigenc.ru/c/nauchnaia_biografiia-s-rubinshteina-v-kontekste-ideologicheskikh-repressii-eda043 (дата обращения: 07.08.2024).

⁵⁶ См.: Семенов И.Н. Развитие отечественной философии образования (послевоенный период) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 4. С. 218–228; Семенов И.Н. Научоведческая рефлексия векового развития российской психологической науки (к 100-летию советской психологии) // Мир психологии. 2018. № 4. С. 279–300.

пирантуре своего бывшего студента, М.Г. Ярошевского⁵⁷. Он незадолго до этого отбывал полтора года в заключении с осуждённым по антисоветскому делу этнографом Л.Н. Гумилёвым (сыном расстрелянного в 1921 г. поэта-акмеиста Н. Гумилева и знаменитой поэтессы А. Ахматовой). Не побоявшись ареста, С.Л. Рубинштейн смело помогал своему аспиранту обучением, деньгами и протекцией, а затем способствовал его эвакуации из блокадного Ленинграда. Осенью же 1942 г., став заведующим кафедрой психологии МГУ, С.Л. Рубинштейн прикрепил опекаемого им М.Г. Ярошевского к аспирантуре Института экспериментальной психологии при МГУ (ныне ПИ РАО), а после защиты им кандидатской диссертации (1945) оформил его ассистентом в МГУ и сотрудником в сектор философских проблем психологии ИФ АН.

В 1948–1953 гг. была развязана идеологическая травля «космополитов» за их якобы «преклонение перед буржуазной лженаукой». Коснулась она и С.Л. Рубинштейна: он был снят со всех руководящих постов (в 1948 – заместителя директора ИФ АН, в 1949 – заведующего сектором ИФ АН, кафедрой и отделением психологии философского факультета МГУ), а также получил запрет публиковать авторские труды. В МГУ он читал лекции в зале с плакатом «Долой безродного космополита!», но ввиду его мастерства их продолжали посещать студенты. В этой идеологически усложнившейся обстановке ранее организованный заведующим сектором в ИФ АН С.Л. Рубинштейном перевод на русский язык фундаментального руководства Р. Вудвортса⁵⁸ по экспериментальной психологии не мог в 1950 г. выйти в свет с указани-

⁵⁷ Семенов И.Н. Рефлексивно-научоведческий обзор человекознания: от истории психологии через ее теорию к персонологии и энциклопедизму (к 100-летию М.Г. Ярошевского) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 64–109.

⁵⁸ Вудвортс Р. Экспериментальная психология = Experimental psychology / Р. Вудвортс; сокр. пер. с англ. под ред. Г.К. Гуртового, М.Г. Ярошевского [вступ. ст. М.Г. Ярошевского «Деградация современной буржуазной психологии», с. 5–49]. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.

ем в качестве ответственного редактора опального ученого. Поэтому он попросил М.Г. Ярошевского рискнуть стать редактором перевода этой книги, издание которой, разумеется, с критическим предисловием, повысило бы экспериментальную культуру отечественных психологов – ибо лишь таким образом книгу возможно было опубликовать. В то время, пока решение этого вопроса продвигалось по необходимым инстанциям, ужесточилась борьба с космополитами в ИФ АН и ряд ученых был сослан на периферию страны (в том числе в Таджикистан – будущий крупный философ В.С. Библер – позднее автор концепций логики развития науки и педагогики диалога культур). Из-за риска нового ареста М.Г. Ярошевский был вынужден срочно уехать в многолетнее добровольное изгнание, сначала – в Монголию (в кишлаках которой нужны были учителя русского языка), а оттуда затем – в Таджикистан, где он преподавал в вузах до середины 1960-х гг.

Необходимо отметить, что в период репрессий многие учёные поддерживали опальных коллег не только дружеским сочувствием, но и заступничеством перед властью, а иногда отважными публичными деяниями. Так, в самом начале травли С.Л. Рубинштейна, в 1948 г., под его редакцией был издан сборник статей по психологии восприятия. В это непростое время книгу под редакцией опального ученого публично поддержал положительной рецензией заместитель директора Института экспериментальной психологии АПН РСФСР и её академик Б.М. Теплов⁵⁹.

«Хитрость истории», говоря словами Г.В.Ф. Гегеля, состояла в том, что С.Л. Рубинштейн сразу после войны начал цикл исследований психологических воззрений российских физиологов (И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова и др.). Более того, по мере реализации этой стратегии под его руководством был защищён ряд кандидатских диссертаций

⁵⁹ Семенов И.Н. Научно-исследовательская рефлексия векового развития российской психологической науки (К 100-летию советской психологии) // Мир психологии. 2018. № 4. С. 279–300.

по философской психологии и психофизиологии ощущений и мышления (Н.С. Мансуров, Е.А. Будилова, Л.И. Анцыферова и др.). Такие внушительные успехи на «идеологическом фронте» приобщения психологии к достижениям отечественной физиологии высшей нервной деятельности привели к смягчению ситуации вокруг обвинения С.Л. Рубинштейна в «низкопоклонстве» перед западной наукой. В частности, они послужили – несмотря на травлю – одним из веских аргументов для оставления его в должности научного сотрудника ИФ АН (по личному распоряжению президента АН СССР С.И. Вавилова) и профессора кафедры психологии философского факультета МГУ (при поддержке сменившего С.Л. Рубинштейна её нового заведующего – Б.М. Теплова).

Парадоксально, но несмотря на запрет издавать авторские труды, в 1950 г. фактически репрессированный, но сохранявший свой авторитет член-корреспондент АН СССР С.Л. Рубинштейн был приглашён идеологическими кураторами науки выступить на печально знаменитой «Павловской сессии», стремившейся устами академика К.М. Быкова и профессора А.Г. Иванова-Смоленского «физиологизировать» психологию, редуцировав её до физиологии высшей нервной деятельности. Вопреки опасностям ужесточения опалы, академик АПН РСФСР С.Л. Рубинштейн смело, но дипломатично и аккуратно выступил с обоснованием необходимости дальнейшего развития психологии как самостоятельной науки. При этом он виртуозно воспользовался легальной возможностью использовать свою публикацию о павловской физиологии для изложения своих представлений о психологической науке начала 1950-х гг. Вопреки опале, ему даже было дозволено популярно обобщить свои впечатления об этой знаменательной сессии на странице официально ведущей коммунистической газеты «Правда».

В десятый – интегральный – период (1956–1960) в «оттепель» 1950-х гг. репрессии против С.Л. Рубинштейна были ослаблены: в 1956 г. его восстановили в ИФ АН в должности заведующего сектором философских проблем психологии. Укрепив своё научное положение и сохранив общественный

статус (в качестве заместителя председателя «Всесоюзного общества культурных связей с границей» и руководителя его научной секции), С.Л. Рубинштейн стал исподволь актуализировать прежние связи с иностранными учёными, заложив возможности восстановления взаимодействия советской психологии и философии с зарубежной наукой. Этому способствовали и организованные С.Л. Рубинштейном в 1957 г. на базе ИФ АН два всесоюзных совещания по психологическим аспектам наследия И.М. Сеченова и особенно по проблемам психологии познания⁶⁰. Стратегия их решения была нацелена на логико-психологическое⁶¹ исследование мышления (в том числе решения творческих задач Л.И. Анцыферовой), что реализовано в двух книгах (1958, 1960). В то же время своеобразным продолжением опалы С.Л. Рубинштейна стало его административное выдавливание из преподавания на кафедре психологии МГУ при заведующем А.Н. Леонтьеве⁶², что в 1958 г. привело к увольнению⁶³ из МГУ профессора С.Л. Рубинштейна по собственному (но вынужденному) желанию.

Несмотря на институциональные неприятности и ухудшение здоровья, в последние годы жизни С.Л. Рубинштейн опубликовал 4 монографии (1957, 1958, 1959, 1960) и почти завершил свою философско-психологическую систему экзистенциально-антропологическим трудом «Человек и мир», впоследствии восстановленным по рукописи его ученицей К.А. Абульхановой (1966, 1973) и впервые полностью опубликованным в 2024 г.

⁶⁰ *Рубинштейн С.Л.* Принципиальные вопросы психологии познания: доклад на Совещании по вопросам психологии познания, 20–22 мая 1957 г. // Вопросы психологии. 1957. № 3. С. 184–190.

⁶¹ *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.

⁶² *Семенов И.Н.* Научоведческая рефлексия векового развития российской психологической науки (К 100-летию советской психологии) // Мир психологии. 2018. № 4. С. 279–300.

⁶³ *Матюшкин А.М., Фролов Н.В.* Дело об увольнении С.Л. Рубинштейна из Московского университета // Психологический журнал РАН. 1996. Т. 17. № 2. С. 146–165.

Философско-экзистенциальные и психологические идеи С.Л. Рубинштейна далее развивались его учениками (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, И.С. Якиманская, М.Г. Ярошевский и др.) в созданной им научной школе. Окончательно же она оформилась во второй половине 1950-х гг. в виде созданных С.Л. Рубинштейном теоретико-методологических и экспериментальных трудов, а также проводившихся под его научным руководством кандидатских диссертационных исследований по психологии мышления (А.М. Матюшкин, К.А. Славская, А.В. Брушлинский, И.С. Якиманская и др.), что обеспечивалось с его стороны высоким уровнем организации и проведения их профессионально-психологической подготовки.

Поколения философско-психологической школы С.Л. Рубинштейна и направления ее предметного развития

Составу созданной С.Л. Рубинштейном научной школы посвящены труды его учеников и историков психологии (А.С. Богданчиков, А.Н. Ждан, В.А. Мазиллов, И.Н. Семенов, А.А. Смирнов, Е.Е. Соколова, М.А. Степанова, В.В. Умрихин и др.). С институционально-персонологических позиций рефлексивной психологии научного творчества⁶⁴ состав этой школы дифференцируется нами на следующие ее десять поколений.

1. Инициативное – в лице создателя школы С.Л. Рубинштейна, творчески разрабатывавшего (в начале 1910-х – первой половине 1930-х гг.) ее основополагающие идеи и принципы, предметы и методы, пути и далее – психотехнологии практического использования в результате обобщения достижений мирового и отечественного человекознания.

⁶⁴ Семенов И.Н. Системоделятельная методология и рефлексивная психология мышления: монография. М.: Научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2014.

2. Онтогенетическое – спроектированное и руководимое им в ЛГПИ, на рубеже 1930–1940-х гг. в виде цикла исследований роли речи в опосредованном ею развитии когнитивных психических процессов.

3. Психофизиологическое – подготовленное в 1940-е гг. как со студентами созданной С.Л. Рубинштейном кафедры психологии в МГУ, так и с аспирантами и сотрудниками организованного им в ИФ АН сектора философских проблем психологии во второй половине 1940-х гг. (Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, Н.С. Мансуров, Е.Н. Соколов, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский и др.). Они анализировали проблемы связи когнитивных процессов с их неврологическим базисом не только в трудах отечественных физиологов (И.М. Сеченов, В.М. Бехтерева, И.П. Павлов и др.), но также историко-научные предпосылки их исследований в мировой философии и естествознании, в том числе в русле анализа С.Л. Рубинштейном корней физиологии и психологии в методологии Р. Декарта⁶⁵.

4. Общепсихологическое – состояло из непосредственных учеников С.Л. Рубинштейна (Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, А.В. Брушлинский, Ф.А. Сохин, И.С. Якиманская, Д.Б. Богоявленская и др.), изучавших в 1950-е гг. – согласно его стратегии исследования процессов познания человека – в основном логико-психологические аспекты мышления.

5. Историко-теоретическое – поколение участников школы С.Л. Рубинштейна, которые после его смерти (но согласно одной из спроектированных им стратегий на критическую ассимиляцию достижений зарубежной психологии) под руководством нового заведующего сектором философских проблем психологии Е.В. Шороховой продолжали в 1960–1971 гг. осуществлять в ИФАН сравнительный анализ достижений как отечественной психологии, так и ведущих ученых из ка-

⁶⁵ *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.

питалистических и социалистических стран (Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, А.Н. Славская).

6. После перевода в 1972 г. в ИПАН сотрудников этого сектора последователи С.Л. Рубинштейна (прошедших профессиональную подготовку в созданной им научной школе), продолжая изучать теоретико-методологические проблемы психологии⁶⁶, разделились на два потока: одни изучали индивидуальную психологию когнитивности мышления (А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, Д.Н. Завалишина, В.В. Знаков) и сознания личности (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев, А.Н. Славская, И.И. Чеснокова), а другие акцентировали анализ проблем социальной психологии (Е.В. Шорохова, Е.А. Будилова, М.И. Бобнева, А.Л. Журавлев и др.).

7. Эти два потока ознаменовали начало естественного (для системно-полипредметных тенденций междисциплинарных взаимодействий в методологии⁶⁷ современного человекознания) разветвления последователей школы С.Л. Рубинштейна на рубеже XX–XXI вв. на ряд других теоретико-экспериментальных направлений ее дальнейшего развития. Так возникло седьмое дочернее направление, социально-психологический вектор которого трансформировался благодаря инновационному курсу М.Г. Ярошевского в ИИЕиТ АН СССР на построение им в 1960–1970-е гг. науковедческой школы моделирования научного творчества на материале исследования продуктивного мышления (Н.Г. Алексеев,

⁶⁶ Рубинштейн С.Л. Принципиальные вопросы психологии познания: доклад на Совещании по вопросам психологии познания, 20–22 мая 1957 г. // Вопросы психологии. 1957. № 3. С. 184–190.

⁶⁷ См.: Рубинштейн С.Л. Выступление на 350-летию со дня рождения Декарта [Торжественное собрание во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей – ВОКСе]: Роль Декарта в истории научной философии // Вестник Академии наук. 1946. № 5–6. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 310–314; Семенов И.Н. Эпистемологическая типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 472–513.

А.Н. Леонтьев, Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, Э.Г. Юдин) и в 1970-е гг. при поддержке М.Г. Ярошевского⁶⁸ С.Р. Микулинским – социальной психологии творчества выдающихся ученых и научных коллективов (П.Г. Белкин, Е.Н. Емельянов, М.А. Иванов, В.П. Карцев, И.Н. Семенов, В.В. Умрихин, С.Д. Хайтун, А.В. Юревич и др.).

8. Давний интерес С.Л. Рубинштейна к проблематике способностей и творчества⁶⁹ был продолжен посредством изучения креативности мышления и развития одаренности как непосредственными участниками его научной школы (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин), так и ее последователями (М.И. Воловикова, В.В. Знаков, Д.Н. Завалишина, А.И. Савенков, И.Н. Семенов, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко и др.). Часть учеников из школы С.Л. Рубинштейна в 1990–2000-е гг. разрабатывала (Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин) во взаимодействии с другими школами (И.И. Ильясов, В.И. Панов, А.И. Савенков, Д.В. Ушаков, В.Д. Шадриков) принципы и технологии «Рабочей концепции одаренности», реализованные многими педагогами-новаторами, философами и психологами образования в начале XXI в.

9. Этот рафинированный опыт был использован участниками и последователями школы С.Л. Рубинштейна в целях прикладной реализации ряда других предложенных им фундаментальных идей (в том числе сознания и рефлексии человека в процессе его бытия в мире) посредством обращения к разработке психолого-педагогических средств когнитив-

⁶⁸ Семенов И.Н. Рефлексивно-научоведческий обзор человекознания: от истории психологии через ее теорию к персонологии и энциклопедизму (К 100-летию М.Г. Ярошевского) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 64–109.

⁶⁹ См.: Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154; Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 89–95.

ного развития мышления (Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин) и личности (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев) в процессе подготовки обучающихся как субъектов развивающего личностно-ориентированного (И.С. Якиманская) и рефлексивно-обеспеченного (И.Н. Семенов) непрерывного (Л.И. Анцыферова) профессионального образования в контексте его модернизации⁷⁰.

10. По инициативе избранного в 1989–2002 гг. директором ИП РАН А.В. Брушлинского (одного из наиболее последовательных и последних по времени непосредственных учеников С.Л. Рубинштейна) в начале 1990-х гг. были эксплицированы положения учителя о разработанном им субъектно-деятельностном подходе. Необходимость их реализации – посредством системы планируемых А.В. Брушлинским теоретико-экспериментальных разработок – была обоснована им в качестве одной из важнейших стратегий развития ИП РАН как центрального научно-психологического института, вокруг которой стали интенсивно интегрироваться различные направления и подходы современных исследований в области человекознания.

Становление и развитие дифференцированных нами направлений этой школы осуществлялись благодаря креативно-персонологическим способностям творческих индивидуальностей выдающихся ученых. Их личности обладали такими высокоразвитыми свойствами, как рефлексия⁷¹: продуктивность деятельности и амбициозность миссии в про-

⁷⁰ См.: *Арсеньев А.С., Давыдов В.В., Михайлов Ф.Т.* Философско-психологические проблемы развития образования / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1981; Проектно-исследовательский подход к рефлексивно-психологическому обеспечению инновационного образования. Межд. кол. монография / отв. ред.-сост., авт. вступ. ст. И.Н. Семенов, Т.Г. Болдина. М.: Аналитика Родис, 2011.

⁷¹ См.: *Semenov I.N.* The psychology of reflexion in the scientific work of S.L. Rubinshtein // *The Psychology Journal*. 1989. № 4. P. 67–74. (USA, Boston); Научные подходы в современной отечественной психологии: кол. монография / А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, И.Н. Семенов [и др.]; отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. М.: ИП РАН, 2023. С. 184–211.

фессии, подвижничество и энергия в ее реализации, научный талант и организаторская одаренность, стратегическое мышление и дипломатика общения в процессе достижения познавательных интересов и научных целей. Успех школы во многом зависит от социально-деятельностной реализации этих экзистенциально-персоналогических качеств ее первоначального создателя и дальнейшего лидера-руководителя. В связи с этим нами был проведен специальный предметно-познавательный и институционально-персоналогический анализ⁷² организационно-исследовательской деятельности функциональных лидеров субъектно-деятельностной научной школы. Она была задумана С.Л. Рубинштейном в 1910–1920-е гг. и создана им в 1930–1950-е гг. Руководство ею было унаследовано Е.В. Шороховой (1960–1971), далее организуемо Л.И. Анцыферовой (1972–1981), К.А. Абульхановой (1982–1988), А.В. Брушлинским (1989–2002) и вновь К.А. Абульхановой (с 2002 и по настоящее время).

Общепсихологическое развитие и педагогическая реализация исследований школы С.Л. Рубинштейна в лично-ориентированном образовании

В интеллектуальных поисках С.Л. Рубинштейна в 1910–1920-х гг. его познавательная миссия стала приобретать свои предметные очертания в процессе рефлексии им стремления одного из своих методологических учителей П. Наторпа разработать философское обоснование выстраиваемой им социальной педагогики. Эта социокультурная рефлексия привела С.Л. Рубинштейна к программной статье (1922) о необходимости ее развертывания из философско-психологического обеспечения в образовании «творческой самодеятельности».

В духовном пространстве Серебряного века русской культуры и науки (как и в философской педагогике и психо-

⁷² Семенов И.Н. Системодетальностная методология и рефлексивная психология мышления: монография. М.: Научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2014.

логии рубежа XIX–XX вв.) давно витал идеал деятельности: от ценности «общего дела» (в философской системе Ф.Ф. Федорова) и проблемно-революционного призыва к ней Н.Г. Чернышевского (в публицистическом романе «Что делать?») через научные трактовки активности действия (в психофизиологии И.М. Сеченова) и необходимости его волевого воспитания (в педагогике К.Д. Ушинского) вплоть до построения системно-деятельностной онтологии (во «всеобщей организационной тектологии» методолога-большевика А.А. Богданова) и логико-философской⁷³ популяризации «массовой деятельности» (в дореволюционной социологии П.А. Некрасова)⁷⁴. Пафосом активного действия/деятельности проникнуты в начале XX в. такие тенденции психологии, как зарубежные направления бихевиоризма (т. е. поведенчества), психотехники (Г. Мюнстерберг), социальной педагогики (П. Натторп), так и советские материалистические концепции: рефлексологии В.М. Бехтерева, реактологии К.Н. Корнилова, педологии деятельностей М.Я. Басова.

Именно в психолого-педагогических трудах М.Я. Басова самый первый (по времени) ученик С.Л. Рубинштейна и по его заданию исследователь жизнетворчества И.М. Сеченова, ставший потом крупнейшим историком психологии в советское время, М.Г. Ярошевский видел зарождение деятельностного подхода (что оспаривают А.В. Брушлинский,

⁷³ *Натторп П.* Философия как основа педагогики / пер. с нем., предисл. Г.Г. Шпета. М., 1910; Перепеч.: *Натторп П.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2006. С. 297–333; *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154; *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 89–95; *Семенов И.Н.* Экзистенциально-культуральная рефлексия во взаимодействии художественного и научного творчества в культуре Серебряного века // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 606–624.

⁷⁴ *Некрасов П.А.* Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности. М.: Математическое общество, 1902.

В.В. Давыдов, Э.Н. Днепров, А.А. Леонтьев, И.Н. Семенов, обосновывающие его иные источники). В процессе профессионального взаимодействия с М.Я. Басовым его коллега по ЛГПИ С.Л. Рубинштейн утвердился в конструктивности идеи деятельности для психологии. В начале 1930-х гг. он стал разрабатывать эту категорию в качестве онтологически базовой для определения предмета марксистской психологии как единства развития сознания и деятельности (производной от категории труда в философии марксизма, в том числе в историческом материализме). С середины 1930-х гг. это единство служит теоретико-методологической основой для психолого-педагогического изучения роли речи в опосредованном ею онтогенезе психических функций. Их психолого-педагогическими исследованиями С.Л. Рубинштейн руководит в 1930–1942-е гг. в ЛГПИ, а в общепсихологическом плане его ученики в МГУ и ИФ АН экспериментально изучают в 1945–1959-е гг. когнитивные процессы восприятия и мышления, что обобщено в двух коллективных книгах, изданных под его редакцией созданной им научной школы (1948, 1960).

Основные концептуальные идеи и методологические положения философско-психологической системы человекознания С.Л. Рубинштейна разрабатывались им и плеядой его учеников в онтологически широком диапазоне. Причем не только теоретически – относительно изучения таких базовых проблем общей психологии, как: активность, восприятие, мышление, способности, речь, рефлексия, сознание, мотивация, переживания, представления, отношения, личность, деятельность, творчество, т.е. всего того, система чего характеризует полифонию сознания и бытия человека в мире. Но также они позднее изучались множеством последователей этой школы в различных прикладных направлениях: эволюционном, неврологическом, психофизиологическом, патопсихологическом, психотерапевтическом, психотехническом, организационно-экономическом, инженерно-психологическом, логико-эвристическом, психолого-педагогическом, социально-психологическом, социально-политическом, этнологиче-

ском, духовно-нравственном, культурно-эстетическом, философско-психологическом.

При этом в историко-научном плане важно отметить недооцененную пионерскую роль учениц-аспиранток С.Л. Рубинштейна как в составлении спроектированного им и смело реализованного при гонениях на него в начале 1950-х гг. Е.А. Будиловой⁷⁵ первого обзора научных источников по психологии деятельности (что было рискованно в разгар репрессий на учителя), так и осуществленной Л.И. Анцыферовой⁷⁶ в 1953 г. публикации первой в послевоенной отечественной психологии статьи по экспериментальному исследованию продуктивного мышления, что позднее было развито ею в сборнике совещания по психологии познания в 1957 г. Это послужило началом эмпирического осуществления в школе С.Л. Рубинштейна его идеи о важности философско-психологического изучения «творческой самодеятельности» в контексте педагогического развития способностей и одаренности личности. Это позднее было реализовано в конце XX в. в процессе проблемного обучения (А.М. Матюшкин, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, А.И. Савенков) и непрерывного профессионального образования (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.М. Матюшкин, И.Н. Семенов).

Далее в прикладном образовательном плане ученики и последователи С.Л. Рубинштейна обратились к многолетнему анализу различных аспектов одаренности и творчества в контексте психолого-педагогического обеспечения его развития. Это позволило в конце XX в. разработать фундаментально прикладную «Рабочую концепцию одаренности» по инициативе и при активном участии ряда таких учеников

⁷⁵ Левина С.С., Будилова Е.А. Краткий перечень научной литературы по изучению психологии деятельности: указатель. 2-е доп. изд. М.: Библиотека им. В.И. Ленина, 1954.

⁷⁶ Семенов И.Н., Калашиников И.Г. Когниции и метакогниции в жизне-творчестве Л.И. Анцыферовой: от логики мышления через психофизиологию познания до психотренингов мудрости личности (К 100-летию юбилею корифея психологии) // Психология личности: история, теория, методология. М.: Институт психологии РАН, 2024. С. 205–211.

С.Л. Рубинштейна, как академики РАО Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин.

Наряду с этим существенным вкладом в современную педагогическую психологию является построение другой ученицей мэтра – профессором И.С. Якиманской концепции развивающего личностно-ориентированного образования. Она базируется как на экзистенциальной теории С.Л. Рубинштейна о «Человеке и мире», так и интегрально реализует ее оригинальными средствами, позднее разработанными его последователями (К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, В.В. Знаковым, И.Н. Семеновым⁷⁷, И.И. Чесноковой и др.) в виде специальных рефлексивно-смысловых и психотерапевтических практик во взаимодействии с антропотехническими психотехнологиями, формирующими самосознание и способности обучающихся с позиций субъектно-деятельностного подхода, культивируемого этой научной школой.

Как подчеркивалось выше, наиболее выдающийся вклад С.Л. Рубинштейн внес в человекознание своими теоретико-методологическими трудами. Они были обобщенно проанализированы и концептуально развиты в его научной школе. Идеи С.Л. Рубинштейна до своего логического завершения довели его ученики: во-первых, К.А. Абульханова и А.В. Брушлинский, обобщившие достижения школы С.Л. Рубинштейна средствами субъектно-деятельностной парадигмы, эксплицированной ими из его трудов; во-вторых – М.Г. Ярошевский, разработавший категориальный каркас человекознания и интегрировавший его совместно с А.В. Петровским в фундаментальной концепции основ теоретической психологии, где под его редакцией они были систематизированы в 2004–2007 гг. в семитомной энциклопедии «Психологический лексикон». Здесь суммированы достижения классической и современной психологии рубежа XX–XXI вв.

⁷⁷ Макурова А.В. Развитие И.Н. Семеновым рефлексивной психологии: от исследований мышления к формированию научной школы (обзор по материалам книги В. Маттеуса, Hettingen, 1988) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 1–2. С. 22–56.

аналогично их обобщению в «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейна (1946) и далее его последователями^{78, 79} при поддержке В.Д. Шадрикова в изучении в Высшей школе экономики моделей индивидуальности⁸⁰ и типология в ИП РАН под редакцией А.Л. Журавлева основных подходов⁸¹ в методологии современной российской психологии.

Однако при всем этом не стоит забывать не только историю опыта разработки С.Л. Рубинштейном методов эмпирического изучения речи и когнитивных процессов (восприятия и представлений, мышления и рефлексии), но также его весомого вклада (по аналогии с Г.И. Челпановым) в оснащение отечественной психологической науки в начале 1920-х гг. в Новороссийском университете лабораторными помещениями и новейшими германскими приборами для экспериментатики, которые по своим масштабам уступали тогда лишь московскому институту. Эту же заботу член-корреспондент АН СССР С.Л. Рубинштейн проявил через четверть века, когда в качестве заместителя директора по науке ИФ АН вопреки бюрократии перестроил в нем последний этаж и обеспечил его оснащение трофейным германским оборудованием для экспериментатики как своей научной школы в созданном им секторе философских проблем психологии, так и для открытой при нем лаборатории психофизиологии, которую по его приглашению возглавил в ИФ АН другой выдающийся ученый член-корреспондент АН СССР и АМН СССР психолог и невролог мирового уровня С.В. Кравков.

⁷⁸ Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.

⁷⁹ Ярошевский М.Г. Предмет психологии и ее категориальный строй // Вопросы психологии. 1971. № 5. С. 110–122.

⁸⁰ Абульханова К.А., Петровский В.А., Семенов И.Н. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2009.

⁸¹ Научные подходы в современной отечественной психологии: кол. монография / А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, И.Н. Семенов [и др.]; отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. М.: ИП РАН, 2023. С. 184–211.

Более того, для эффективного использования в конкретных исследованиях этого оборудования и в целях развития культуры экспериментатики у психологов, а также повышения качества их профессиональной подготовки опальный С.Л. Рубинштейн в то суровое время «борьбы с космополитизмом» рискнул организовать перевод лучшего для начала 1950-х гг. зарубежного руководства по методам и достижениям экспериментальной психологии под редакцией Р. Вудвортса⁸². К драматическому сожалению, привлечение для издания этой книги и написания к ней вводной критической статьи своего первого ученика М.Г. Ярошевского⁸³ привели С.Л. Рубинштейна к 15-летней «добровольной» ссылке, в течение которой он собирал материал к своей знаменитой «Истории психологии» (1966, 1974, 1985). При этом он в Таджикистане обсуждал проблемы логики развития научного познания с другим ссыльным аспирантом из ИФ АН талантливым философом В.С. Библером (в 1980-е г. автором знаменитой концепции «логики диалога культур», ставшей рефлексивно-педагогической эвристикой для инновационного образования на рубеже XX–XXI вв.). В экзистенциально-творческом плане важно отметить, что М.Г. Ярошевский функционально-вынужденно повторил в 1950–1960-е гг. рефлексивно-продуктивное затворничество своего учителя. Ибо С.Л. Рубинштейн, покинув Новороссийский университет в Одессе и отдалившись от преподавания в нем, в 1920-е гг. сосредоточился в Окружной научной библиотеке – в качестве ее директора – на рефлексии достижений мировой и отечественной философско-психологической мысли как материале для «Основ общей психологии» (1940).

⁸² *Вудвортс Р.* Экспериментальная психология = Experimental psychology / Р. Вудвортс; сокр. пер. с англ. под ред. Г.К. Гуртового, М.Г. Ярошевского [вступ. ст. М.Г. Ярошевского «Деградация современной буржуазной психологии», с. 5–49]. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.

⁸³ *Семенов И.Н.* Рефлексивно-научоведческий обзор человекознания: от истории психологии через ее теорию к персонологии и энциклопедизму (к 100-летию М.Г. Ярошевского) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 4–5. С. 64–109.

Это послужило С.Л. Рубинштейну заделом как для построения методологии научной библиографии (что создало предпосылки для его приглашения в Ленинград на пост заместителя директора по науке крупнейшей в СССР Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), так и для разработки в 1930-е гг. марксистских средств процессуально-деятельностной психологии (и административного назначения проректором ЛГПИ). Они были обоснованы С.Л. Рубинштейном в учебниках по ее основам (1935, 1940, 1946), которые далее в 1950-е гг. были реализованы для их трансформации в методологические принципы человекознания в цикле его последних теоретических книг и статей, особенно в философском завещании – в виде экзистенциально-психологической концепции «Человек и мир» (1973, 1997, 2024)], идеи которой используются ныне в инновационном образовании⁸⁴.

Различные теоретические положения С.Л. Рубинштейна⁸⁵ разрабатывались его учениками на рубеже XX–XXI вв. Они реализованы усилиями столетней созданной им (начиная с трудов 1922 и 1923 гг.) научной школы, в том числе путем разработки средствами субъектно-деятельностного подхода таких фундаментально-прикладных основ современного человекознания, как субъектно-процессуальная психология: способностей и одаренности (Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин, А.И. Савенков, В.Д. Шадриков, Д.В. Ушаков), мышления и понимания (А.В. Брушлинский, Д.Н. Завалишина, А.М. Матюшкин, М.И. Воловикова, В.В. Знаков, В.В. Селиванов, И.Н. Семенов), сознания и рефлексии (К.А. Абульханова, С. Агапов, И.Н. Семенов, А.Н. Славская, И.И. Чеснокова), личности и общения (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.А. Поликарпов), когнитивного развития и личностно-развивающего образования (А.В. Бруш-

⁸⁴ Проектно-исследовательский подход к рефлексивно-психологическому обеспечению инновационного образования: Межд. кол. монография / отв. ред.-сост. и авт. вступ. ст. И.Н. Семенов, Т.Г. Болдина. М.: Аналитика Родис, 2011.

⁸⁵ *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.

линский, А.М. Матюшкин, А.И. Савенков, И.Н. Семенов, Е.А. Сергиенко, И.С. Якиманская), социально-культивируемого и развиваемого рефлексивно-продуктивного научного творчества (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, М.И. Воловикова, В.А. Кольцова, Т.Д. Марцинковская, И.Н. Семенов, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.). Конструктивное взаимодействие всех этих последователей идей⁸⁶ и научной школы С.Л. Рубинштейна составляет существенный вклад ее достижений в человекознание, а их дальнейшее развитие в начале XXI в. определяет одну из эвристических перспектив прогресса современной психологической науки.

⁸⁶ *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154; *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 89–95.

<https://doi.org/10.22363/12522-2025-162-173>

О.Е. Серова
(Москва, Россия)

**СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ РУБИНШТЕЙН:
ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ
НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Аннотация. Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960) – выдающийся отечественный ученый мирового уровня, уникальность творческой мысли которого определялась интегративной целостностью культуры философского и психологического мышления. Исследовательская деятельность, направленная на поиск и изучение новой историко-архивной информации о его жизни и деятельности, с достоверностью первоисточника констатирующей не известные молодому поколению современных ученых индивидуальные грани его личности как в научном, так и в нравственном плане, остается одной из важнейших для специалистов в области отечественной истории психологии. В статье представлены результаты комплексного изучения новых эпистолярных материалов из архивной коллекции Кабинета истории Психологического института 1939–1943 годов, выступившие основой комплектования уточненной информационной базы для философско-психологических исследований и современного источника знаний, направленного на формирование подлинного понимания степени нравственного влияния личности С.Л. Рубинштейна на характер развития событий внутри психологического сообщества в годы Великой Отечественной войны, его роли как инициатора в сохранении и поддержании разорванных войной коллегиально-дружеских связей между учеными, активного организатора, стимулирующего настрой на научную деятельность у коллег даже в самых суровых жизненных обстоятельствах, обладавшего подлинным авторитетом в профессиональном кругу и репутацией человека, всегда готового взять на себя ответственность за своих сотрудников.

Ключевые слова: история психологии, неизвестные архивные материалы, новые эпистолярные источники информации, психологическое сообщество военных лет

Международный круглый стол «Философское наследие С.Л. Рубинштейна» (17.09.2024), посвященный 135-летию со дня рождения ученого и выходу первого тома его сочинений под эгидой запланированного ИФ РАН крупного изда-

тельского проекта, объединил ведущих специалистов в области философии и психологии и стал индикатором того высочайшего интереса, который вызывают у современных отечественных и зарубежных исследователей личность и творческие идеи С.Л. Рубинштейна.

Изучение жизни и деятельности любого ученого открывает для исследователя возможность вписать его как уникальную личность в связующую цепь истории той или иной конкретной науки. Жизненный путь С.Л. Рубинштейна не был простым, и в своих крутых поворотах с определенно-го времени совпадал с траекторией развития отечественной психологии. Благодаря теоретико-методологическим и историко-психологическим работам известных отечественных исследователей, созданных в разные годы¹, были восстанов-

¹ См., например: *Абульханова-Славская К.А.* и др. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский; отв. ред. Е.А. Будилова; АН СССР, Институт психологии. М.: Наука, 1989; *Ананьев Б.Г.* Творческий путь С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1969. № 5. С. 126–129; *Арсеньев А.С.* От субъекта к личности (полемика о творческой судьбе С.Л. Рубинштейна) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 99–137; *Кольцова В.А.* Эвристическое значение идей С.Л. Рубинштейна для разработки проблем истории психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 46–55; *Пархоменко О.Г., Ронзин Д.В., Степанов А.А.* Рубинштейн как педагог и организатор психологической науки в Ленинграде // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 3. С. 35–42; *Роменец В.А.* О научной, педагогической и общественной деятельности С.Л. Рубинштейна на Украине // Ученые СССР: Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989; *Семенов И.Н.* С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия житнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 63–89; *Семенов И.Н.* Панорама развития философско-психологической системы С.Л. Рубинштейна в современном человекознании // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 106–116; *Семенов И.Н.* Развитие творческой личности С.Л. Рубинштейна и периодизация его профессиональной деятельности // Прикладная психология и социальная работа. 2009. № 4. С. 1–8; Сергей Леонидович Рубинштейн / Институт философии РАН, Некоммерческий научный фонд «Институт развития им Г.П. Щедровицкого» и др.; под ред. К.А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010; *Чебыкин А.Я., Пиво-*

лены многие детали научной биографии С.Л. Рубинштейна и предложены варианты ее периодизации.

Особую роль при составлении научных биографий играют архивные документы, а привлечение новых архивных источников способствует установлению в знакомом, казалось бы, явлении новых ракурсов рассмотрения, и в конечном счете – формированию новой источниковой базы исследований. Потому работа по обнаружению ранее неизвестной исторической информации, касающейся малоизученных аспектов творческой биографии С.Л. Рубинштейна, с достоверностью первоисточника констатирующей неизвестные поколению современных исследователей индивидуальные грани его личности не только в научном, но человеческом, нравственном плане, и комплектация на основе новых архивных материалов уточненной информационной базы современных философско-психологических исследований, остается одной из важнейших, в частности, для специалистов в области отечественной истории психологии.

Продвигаясь в направлении этой цели в процессе перманентных исследований ретроспективной документной базы архивных первоисточников, связанных с 110-летней деятельностью Психологического института, в 2024 г. нами была осуществлена обработка и систематизация разрозненных материалов, предположительно относящихся к коллекции знаменитого Кабинета истории, созданного в институте в 1938 г. его первым историком Н.А. Рыбниковым. Эти документы в виде некоего недифференцированного количества рукописных и машинописных текстов были обнаружены в 1990-х гг. и сохранены усилиями старейшего сотрудника института, лауреата Премии президента РФ Е.П. Гусевой.

Исследование, сочетающее как свои логико-научные составляющие (а) поиск и обработку архивных документов (первый этап), а также (б) семантический анализ и интерпре-

варчик И.М. Научная и общественная деятельность С.Л. Рубинштейна в Одессе // Психология человека в современном мире. Т. 3. М.: ИП РАН, 2009. С. 389–399.

тацию содержания текстовых документов (второй этап), необходимо носит характер комплексного и интегративного. Потому в ходе выполненного исследования в ряду первоначальных были выдвинуты следующие задачи: 1) разработка интегративного подхода (включающего методы источниковедческого и историко-психологического анализа); 2) научная идентификация материалов архивного собрания Кабинета истории Психологического института. Далее в процессе их решения с использованием метода категоризации совокупная база выявленных источников была дифференцирована по видам составляющих ее документов и выдвижению новой задачи; 3) проведение историко-психологического анализа эпистолярного дискурса части архивной коллекции.

В методологическом плане выполненная работа была продолжением и развитием линии классических источниковедческих (Н.А. Рыбников, О.М. Медушевская, И.Д. Ковальченко, И.В. Котова и др.) и историко-психологических исследований (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.А. Кольцова, Н.А. Рыбников, А.Н. Славская, И.Н. Семенов, Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский и др.). Применение нами интегративного подхода было направлено на установление информационных возможностей и историко-психологическую реконструкцию научной семантики взаимосвязанной совокупности новых текстовых источников (оценка мотивационного компонента, контекстное прочтение, учет исторической дистанции и репрезентативности источника, интерпретация). Систематизирующим в исследовании выступил метод референтных источниковых групп (вторичные источники, перекрестные ссылки, сопоставительный анализ данных), позволивший контролировать внутреннюю логику упорядочивания результатов внешней/внутренней критики источников и контекстной интерпретации их историко-научной, психологической, нравственной компоненты.

На этапе источниковедческого анализа (первый) было проведено атрибутирование документов по формальным признакам и определена их содержательная достоверность.

Эти необходимые для архивной эвристики операции привели к идентификации 46 единиц текстовых документов периода 1940-х гг., относящихся к архивному делу С.Л. Рубинштейна, материалы для которого еще при жизни Сергея Леонидовича собирал профессор Н.А. Рыбников.

Был квалифицирован видовой состав выявленной ретроспективной документной информации: материалы СМИ – 9%, официальные документы – 17%, почтовая корреспонденция – 74%. Большую часть почтовой корреспонденции составили: эпистолярные источники – 54%, телеграммы сотрудников и приглашения – 20%.

Эпистолярная часть коллекции представляла собой переписку С.Л. Рубинштейна с коллегами-психологами: письма разных лиц – 50% и переписка с Н.А. Рыбниковым как руководителем Кабинета истории – 50%. Был установлен временной интервал выявленной и восстановленной переписки: ее крайними датами выступали сентябрь 1939 – ноябрь 1943 гг. Соответственно, переписка частично охватывала два периода научной биографии ученого – годы его работы в должности заведующего кафедрой Государственного педагогического института им. А.Н. Герцена в Ленинграде (1930–1942) и директора Психологического института в Москве (1942–1945), или «ленинградский» и «московский» периоды по квалификации К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского². В контексте концептуально-методологических координат историко-научного анализа жизнедеятельности ученого, предложенного И.Н. Семеновым, данную переписку можно соотносить с «общепсихологическим (1936–1940)» и «научно-организационным (1941–1947)» этапами его творческого пути³.

² Абульханова-Славская К.А. и др. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский; отв. ред. Е.А. Будилова; АН СССР, Институт психологии. М.: Наука, 1989.

³ Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия житнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2009. Т. 6. № 3. С. 63–89.

Общим для системы этих двух вариантов периодизации является фактор разразившейся войны – «общей для всех советских людей, всего народа беды»⁴, выступивший актуальным и трагедийным контекстом переписки С.Л. Рубинштейна с коллегами. Фрагментарно эксплицированным, но в целом имплицитным и базово необходимым для смыслового понимания эпистолярного дискурса выступает событийный уровень (также общий для рассмотренных выше авторских вариантов периодизации) – это известное всем участникам переписки фактическое содержание деятельности ученого, его научные и организационные достижения: заведование кафедрой психологии в ЛГПИ им. Герцена, публикация методологической работы «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934), организация и проведение коллективных теоретико-экспериментальных исследований в ленинградском Пединституте по разработанной им программе, выход монографии «Основы психологии» (1935); публикация фундаментального труда «Основы общей психологии» (1940), в котором ученый впервые «анализирует, систематизирует и интегрирует достижения мировой психологической мысли и экспериментатики первой трети XX в.»⁵; награждение его государственной Сталинской премией (1942), активная деятельность в статусе члена Ленинградского совета депутатов, руководство эвакуацией Пединститута из осажденного Ленинграда, переезд в Москву, руководство Институтом психологии в должности директора (1942–1945). Таким образом, эпистолярная часть архивной коллекции – это переписка военных лет между членами психологического сообщества, находящимися в едином профессиональном симво-

⁴ *Абульханова-Славская К.А.* и др. *Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения* / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский; отв. ред. Е.А. Будилова; АН СССР, Институт психологии. М.: Наука, 1989. С. 11.

⁵ *Семенов И.Н.* С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия житнетворчества // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2009. Т. 6. № 3. С. 83.

лическом пространстве. Эпистолярный нарратив выступил источниковой базой для воссоздания истории научной жизни С.Л. Рубинштейна 1940-х гг. и тех черт его личности, которые были отчетливо проявлены в экстремальных условиях тяжелейших испытаний.

Было проведено атрибутирование 25 писем. При этом не удалось установить автора одного из писем, который обращался к С.Л. Рубинштейну с поздравлениями по поводу присуждения ученому Сталинской премии за монографию «Основы общей психологии» (1942).

Сергей Леонидович Рубинштейн являлся адресантом 4 писем и адресатом 21-го. К нему обращались – Вера Михайловна Ивина, Яков Васильевич Кеткович, Александр Романович Лурия, А. Маркушевич, Вольф Соломонович Мерлин, Владимир Евгеньевич Смирнов, Иона Ильич Тартаковский, Петр Алексеевич Шеварев, Анна Михайловна Шуберт, Августа Викторовна Ярмоленко. Из 24 писем было выявлено 16 автографов с личной подписью и 8 авторских машинописных копий, принадлежащих Николаю Александровичу Рыбникову.

На этапе историко-психологического анализа (второй) и работы с содержанием 24-х эпистолярных источников была проведена атрибуция письма неизвестного лица, подписанного только инициалами имени. По инициалам, индивидуальному лексикону и косвенной информации, содержащейся в тексте, был установлен его автор: (предположительно) к С.Л. Рубинштейну писала Анна Михайловна Шуберт.

Поскольку письмо – это всегда акт общения, то особым ракурсом работы на этом этапе исследования было определение типа «эпистолярных отношений»⁶, в нашем случае – как референта (а) взаимоотношений, характерных для жизни профессионального сообщества психологов военных лет и (б) роли в нем С.Л. Рубинштейна.

⁶ *Нижникова Л.В.* Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Одесский ун-т. Одесса, 1991. С. 10.

Судя по сохранившимся экземплярам, активная и двухсторонняя переписка велась между С.Л. Рубинштейном и Н.А. Рыбниковым. На период 1939–1943 гг. в ней присутствуют две крупные темы – защита докторской диссертации Б.Г. Ананьева (23.02.1940), на которой Н.А. Рыбников по приглашению С.Л. Рубинштейна должен был выступить оппонентом, и предоставление в Кабинет истории материалов о научной деятельности всех ленинградских психологов и лично Сергея Леонидовича. По своему назначению это была сугубо деловая переписка. Но для нее нехарактерен формат вне эмоционального официоза. Перечитывая рукописные и машинописные тексты, мы, скорее, оказываемся свидетелями делового разговора, который разворачивается между заинтересованными и хорошо понимающими друг друга, но очень занятыми текущими делами людьми, живо и эмоционально реагирующими на связанные с этим собственные накладки в выполнении запланированных в переписке дел, всегда направленных на развитие в стране психологической науки.

Вторая часть переписки – 11 писем от разных лиц, но всегда коллег-психологов. В этой части переписки С.Л. Рубинштейн выступает адресатом. В каждом из сохранившихся эпистолярных источников в разной форме и с разной степенью выраженности содержится просьба о помощи в профессиональной сфере, просьбы о содействии в разрешении бытовых ситуаций никогда не носят самостоятельного характера и всегда обсуждаются как условие повышения профессиональной работоспособности. Язык изложения в этих письмах «характеризуется гетерогенностью лексического состава (с одной стороны, наличие специальной лексики различных терминологических систем, с другой стороны, разговорная лексика и фразеология) и синтаксической структуры (чередование сложных предложений с простыми), иерархической композицией текста и вариативной контактной рамой... изложение обсуждаемого вопроса реализуется логически-последовательно и развернуто. Здесь также появляются

бытовые детали из личной жизни автора, что проявляется в элементах разговорной лексики и фразеологии»⁷.

Результаты проведенного нами анализа текстов коллекции писем с учетом всех выявленных и обозначенных выше параметров указывают на тот тип эпистолярных отношений, который в терминологии исследователя Л.И. Нижниковой получил определение «коллегиально-дружеского».

Но далее обращает на себя внимание, что, несмотря на внутреннюю деловую интенцию, переписку отличает эмоциональный, очень дружественный, уважительный и даже доверительный тон. Из текста писем (очень ярко – у А.М. Шуберт, А.В. Ярмоленко) следует, что С.Л. Рубинштейн был осведомлен о некоторых аспектах личной жизни не только авторов данных писем, но и других своих сотрудников, был искренне внимателен ко всем ее изменениям, и письма коллег являлись ответом на письма, отправленные в их адрес самим Сергеем Леонидовичем. То есть тип коллегиально-дружеских отношений отличал и переписку, и взаимоотношения в реальной жизни С.Л. Рубинштейна не только с авторами сохранившихся писем, но и с другими его сотрудниками и коллегами. Письма В.С. Мерлина и А.Р. Лурия, лишенные частных подробностей, в которых обсуждаются конкретные научные проблемы, отличает тот же приятный тон. Трое из адресантов – А. Маркушевич, И.И. Тартаковский, В.Е. Смирнов – не были лично знакомы с С.Л. Рубинштейном, но интонация их писем свидетельствует о глубоком уважении к адресату и уверенности в его готовности прийти на помощь.

При проведении сравнительного анализа с данными референтных источниковых групп эти выводы подтвердились. Так, в переписке военных лет А.А. Смирнова с сотрудниками Психологического института (архив А.А. Смирнова. Ф. 24: Переписка 1942–1943 гг.) имеются отзывы и об активной организационной деятельности недавно назначенного

⁷ *Нижникова Л.В.* Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Одесский ун-т. Одесса, 1991. С. 15.

директором С.Л. Рубинштейна и его желании вникнуть в суть проблем сотрудников, с тем чтобы оказать им реальную помощь, о его хождении по кабинетам с целью разрешения их трудных жизненных ситуаций в непростых условиях военного времени: это сохранившиеся письма старших научных сотрудников Е.В. Гурьянова и Л.А. Шварц, зав. канцелярией института Н.П. Байкаловой.

В качестве примера, позволяющего составить представление о документах архивной коллекции «С.Л. Рубинштейн», восстановленной в результате проведенного нами исследования (архив Н.А. Рыбникова. Ф. 14: Материалы Кабинета истории), в качестве бесценного памятника истории отечественной психологической науки и истории нашей страны периода Великой Отечественной войны приведем письмо известного ленинградского психолога А.В. Ярмоленко:

«Многоуважаемый Сергей Леонидович! Очень была обрадована Вашим письмом. Сообщила о нем Фаине Семеновне Розенфельд, с которой держу связь по телефону, и передала ей Ваш адрес. Она также работает сестрой, последнее время плохо себя чувствует, но держится. Относительно слепоглухих детей знаю, что в Петергофе осталась только их часть. Малышей я успела перевести в Л[нрзб.] больницу. Ардальон был летом в Туле у родителей и м[ожет] б[ыть] уцелел. Разрабатывать материалы я пытаюсь, но не всегда это возможно в нашей обстановке, нахожу для этого клочки времени. Мне важна принципиальная возможность защиты. Относительно рефератов для Psychol[ogical] Abstracts – я хотела бы эту работу возобновить, но сначала выясню ее возможность и вам немедленно сообщу. Намечается несколько конференций, на которых будут доклады и психологического (прикладного) характера. Если вам интересно, могу сообщить. Искренне Вас уважающая, А. Ярмоленко. 11/III-43 г. Ник[олай] Карпович Гусев скончался 22/VI с.г. в Туб[еркулезном] Ин[ституте]те... В Ленинграде работают психологи: С.Е. Драпкина в Б[ольни]це Мечникова и А.Н. Давыдова в Ин[ституте] Профзаболеваний. Больше никого не встреча-

ла. С В.Н. Мясищевым встречаюсь изредка в Ин[ституте] Бехтерева и на конференциях. Ваш привет передам непременно».

Письмо было написано в блокадном Ленинграде на сложенном вчетверо листке серо-голубой бумаги, и в его крохотном пространстве вместились величайшая трагедия и бессмертный подвиг ленинградских психологов...

В целом письма показывают, насколько значимыми для адресатов С.Л. Рубинштейна были его искреннее участие, дружеская и профессиональная поддержка. Они же позволяют понять духовную ценность его как Личности и степень его нравственного влияния на характер развития событий внутри психологического сообщества. С беспелляционной достоверностью документа они подтверждают слова учеников и последователей его научной традиции К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского, что даже в самых тяжелых ситуациях С.Л. Рубинштейн возлагал «на себя ответственность за судьбу всех вверенных ему людей», «всегда оставаясь верным своим ценностям как в научном, так и в человеческом плане»⁸.

Выводы:

1. По результатами архивной и историко-психологической работы был сформирован новый источник информации о событиях жизни и научной деятельности С.Л. Рубинштейна в 1939–1943-х гг., дополняющий сведения о личностном облике ученого и взаимоотношениях, характерных для научной среды военных лет.

2. Анализ эпистолярного дискурса восстановленной архивной коллекции выявил ключевую роль С.Л. Рубинштейна как инициатора установления и поддержания коллегиально-дружеских связей внутри психологического сообщества в годы войны и ученого-организатора, проецирующего творче-

⁸ Абульханова-Славская К.А. и др. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский; отв. ред. Е.А. Будилова; АН СССР, Институт психологии. М.: Наука, 1989. С. 11.

скую энергию и стимулирующего настрой на научную деятельность у коллег даже в самых суровых жизненных обстоятельствах, его подлинный авторитет в профессиональном кругу, репутацию человека, готового оказать помощь в затруднительной бытовой ситуации. Выявленные данные были подтверждены при использовании референтных источников групп.

ПРИНЦИП ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ В ТВОРЧЕСТВЕ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Аннотация. В исследовании представлена попытка связать две ипостаси научной деятельности С.Л. Рубинштейна – философа и психолога – через обращение к особенностям методологии его научного исследования, опирающегося на диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Рассматриваются различия культурно-исторической теории Л.С. Выготского и подхода С.Л. Рубинштейна, воплощавших каждый по-своему метод К. Маркса в научной психологии. Последовательная реализация принципа восхождения от абстрактного к конкретному способствовала выходу концепции С.Л. Рубинштейна за пределы исторически обусловленного социокультурного контекста психологических исследований и психологии как таковой в более широкий – онтологический и философский контекст. Это привело к обогащению отечественной психологии новой для нее экзистенциальной тематикой, но разрабатываемой на альтернативных экзистенциализму методологических основаниях.

Ключевые слова: философия, психология, сознание, деятельность, человек, мир, онтология

Мое первое серьезное знакомство с идеями С.Л. Рубинштейна произошло благодаря Андрею Владимировичу Брушлинскому, читавшему спецкурс по Рубинштейну для студентов старшего курса кафедры общей психологии МГУ. Этот спецкурс открывал для слушателей совершенно новое понимание задач психологии, чем то, к которому мы привыкли за годы учебы, – гораздо более глубокое, масштабное и ответственное. По мере раскрытия положений рубинштейновской концепции психология представала не просто как *эмпирическая* наука, занимающаяся изучением конкретных механизмов работы психики, но как *философская* наука со своей особой миссией по отношению к человеку, поднимающей его до уровня «сознания Вселенной и совести чело-

вечества»¹. Контекстом ее рассмотрения выступал не отдельный индивид (как в классической психологии) и не общество и культура (как в культурно-исторической теории Л.С. Выготского), а мир в целом. А.В. Брушлинский особо останавливался на критике Рубинштейном взглядов Выготского и сетовал на отсутствие диалога со сторонниками культурно-исторической психологии, уже много лет оставляющих эту критику без ответа. Напомню основные пункты этой критики. Это разделение человеческой психики на натуральную и культурную (социальную), абсолютизация механизма интериоризации при объяснении возникновения внутреннего плана сознания и игнорирование врожденных (в том числе сформированных в пренатальный период) способов психической регуляции поведения, переоценка роли знака в развитии психики в ущерб ее деятельностной детерминации, рассмотрение феномена эгоцентрической речи как только промежуточного и проходящего этапа в жизни ребенка и недоучет ее функций у взрослого, представление о противоположной направленности развития научных и житейских понятий в детском возрасте («сверху вниз» и «снизу вверх») и т.д. Мое дипломное исследование на тот момент было связано с изучением творчества Л.С. Выготского, и я непроизвольно откликнулась на этот высказанный Андреем Владимировичем призыв к диалогу двух направлений. Так появилась статья «Осознание как центральная проблема психологии в концепциях Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна» (2003), а затем и другие работы, посвященные анализу научных взглядов С.Л. Рубинштейна.

Рубинштейн-философ и Рубинштейн-психолог. Сам Сергей Леонидович говорил, что по складу мысли он философ, который тяготеет к этической проблематике, и в психологии он человек случайный². Однако, как отмечал В.П. Зинченко: «Сегодня без трудов этого «случайного» человека

¹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

² Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989.

психология не представима»³. Тем не менее существует определенная тенденция воспринимать Рубинштейна в психологической среде скорее как философа, а в философской среде – как психолога. Апологеты экспериментальной психологии и сейчас склонны видеть в нем «чужака». Его теорию мышления они определяют как философскую, «психологизирующуюся», главным образом в работах его учеников.

Отправной точкой становления деятельностного подхода в психологии считается статья С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самостоятельности» (1922). Эта статья завершает ранний философский и открывает собственно психологический период его творчества. В ней мы находим первую формулировку *принципа единства сознания и деятельности*, ставшего позднее одним из главных методологических принципов отечественной психологии. Я бы хотела привлечь внимание к другому принципу, присутствующему в работах С.Л. Рубинштейна. Это *принцип восхождения от абстрактного к конкретному*. Восприятие этого принципа как реально работающего, а не только декларируемого Рубинштейном наталкивается на определенные сложности. В упоминании этого принципа в текстах Рубинштейна многие психологи склонны видеть только обусловленную временем марксистскую риторику, не имеющую прямого отношения к его исследовательской методологии. Между тем принцип восхождения от абстрактного к конкретному является тем инструментом, который выводит психологическую концепцию Рубинштейна за пределы психологии как таковой, органично вписывает ее в философский контекст и «закольцовывает» творчество ученого, связывая две ипостаси его научной деятельности – философскую и психологическую.

В реализации принципа восхождения от абстрактного к конкретному в его материалистической (антигегелевской)

³ Зинченко В.П. Сергей Леонидович Рубинштейн: превратности судьбы ученого // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 93.

интерпретации С.Л. Рубинштейн видел сердцевину марксова метода. И в этом его позиция полностью совпала с трактовкой данного метода Э.В. Ильенковым, изложенной им в «Диалектике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Психологи часто говорят о сотрудничестве Э.В. Ильенкова с А.Н. Леонтьевым, игнорируя интеллектуальные контакты, существовавшие между Ильенковым и Рубинштейном. Между тем, по свидетельству В.В. Давыдова, Ильенков и Рубинштейн были знакомы лично и обсуждали сложные философско-психологические вопросы⁴. В их понимании идеального обнаруживается много сходных черт.

С.Л. Рубинштейн обращает внимание на *аналитико-синтетический* характер метода «Капитала»: «Все построенное “Капитала” осуществляется посредством такого синтеза, сочетающегося с анализом... Особенно рельефно синтетический ход мысли, ведущий от фиксированных в понятиях абстракций к восстановлению явлений в их конкретности, выступает в третьем томе “Капитала”»⁵. Для сравнения заметим, что тот же метод «Капитала» был понят Л.С. Выготским как сугубо *аналитический* (объективно-аналитический). Следующий за ним синтетический этап психологического исследования мыслился Выготским с опорой на философию Б. Спинозы. Отсюда его призыв *оживить спинозизм в марксистской психологии*.

Для С.Л. Рубинштейна философский метод Маркса становится мостиком к построению его психологической теории мышления. «Анализ через синтез», выступающий на уровне философского знания как *метод познания*, на уровне психологии предстает как *механизм самого мышления*. Так происходит смыкание философского и психологического исследования в области психологии мышления.

⁴ Давыдов В.В. Вклад Э.В. Ильенкова в теоретическую психологию // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 131–136.

⁵ Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 82.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному используется С.Л. Рубинштейном для решения трех основных вопросов психологии.

1. Проблема *предмета психологии*. Рубинштейн утверждает абстрактный характер всех предлагавшихся ранее определений предмета психологии (сознание, поведение, бессознательное и т.д.). Все они рассматривают психику в каком-то одном ограниченном аспекте, в определенной системе связей. Они неполны, а потому абстрактны (в гегелевском смысле). От этих частных аналитических абстракций необходимо подняться к синтезу – всеобщему определению психического. Таким определением для него становится понимание психики как *отражательной деятельности мозга*.

2. Объяснение происхождения *многообразия явлений психического* на основе полученного общего определения психики. Психический акт исходно несет в себе внутреннее противоречие. Он есть отражение действительности (объективное) в его значении для индивида (субъективное). Объективный аспект психического дает начало развитию *познавательной деятельности* человека. Субъективный аспект – формированию *аффективно-мотивационной и волевой сфер*. Так исходное противоречие субъективного и объективного, заложенное в природе психического отражения, приобретает видимую форму, перерастая в противоположность аффекта и интеллекта. Следующий шаг в генезисе психики состоит в обобщении отдельных свойств предмета в целостный образ, в результате чего условия, в которых он дан, впервые начинают выделяться как таковые. Это открывает возможность для выбора действия, отвечающего этим условиям, т.е. для *свободного действия*. Обретение индивидом способности к свободно определяемому действию образует фундамент развития *личности*. Генерализация мотивов деятельности ведет к формированию *характера*, а генерализация познавательных процессов – к возникновению *способностей*, образующих свойства личности.

3. Происхождение *идеального*. Это важнейший философский вопрос, который волновал Э.В. Ильенкова и С.Л. Рубинштейна. Позиция Рубинштейна состоит в следующем: идеальное стоит как в начале, так и в конце психического развития. Причем первое является предпосылкой второго. Психика идеальна как отражение одного предмета в другом – внешнего во внутреннем. Выделившаяся из объективной стороны психического отражения познавательная деятельность объективируется в слове. На этой основе складывается вся система научного знания. Так *психическая* (или душевная) деятельность преобразуется в деятельность *духовную*. Последняя и составляет *идеальное* в собственном смысле этого слова. Таким образом, мы видим, что и в решении этого вопроса Рубинштейн-психолог и Рубинштейн-философ действуют солидарно.

В последней монографии С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» граница между философией и психологией является очень зыбкой. Эту книгу часто связывают с выходом ее автора на новый мировоззренческий уровень – *экзистенциальный*, противопоставляя более ранним его работам, в частности, «Бытию и сознанию». Структура данной монографии и круг затрагиваемых в ней проблем действительно во многом повторяют тематику «Бытия и времени» М. Хайдеггера. Само понятие «мир» («мировость мира» у Хайдеггера), вводимое Рубинштейном и отсутствовавшее в советской философии и психологии, наводит на мысль о возможности такого влияния. Человек – не изолированный атом, он существует в мире, он и образует этот мир («человек мирообразующий»⁶) – эта мысль одинаково близка и Рубинштейну, и Хайдеггеру. Однако на этом сходство между ними, пожалуй, заканчивается. Поднимая те же вопросы, что и Хайдеггер (соотношение бытия и существования, явления и сущности, времени и временности человеческой жизни, проблему челове-

⁶ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013.

ческой свободы и т.д.), Рубинштейн ищет и находит на них свои ответы, опираясь на методологию познания, сохраняющую верность рационалистической традиции и альтернативную хайдеггеровской феноменологии.

Переход Рубинштейна от проблемы сознания к проблеме «человек и мир» в действительности являлся не столько разрывом с предыдущим этапом, сколько дальнейшим восхождением от абстрактного к конкретному, но уже на более высоком – *онтологическом уровне*. Рубинштейн вписывает сознание человека в онтологический контекст, в рамках которого оно только и получает свое окончательное определение, и реабилитирует ценность объективного познания, отвергнутого экзистенциализмом. И в этом он является безусловным его оппонентом. Все вышесказанное дает нам основание говорить об особом *философско-психологическом* статусе концепции С.Л. Рубинштейна.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, главный редактор журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия», сопредседатель Оргкомитета круглого стола. E-mail: belov-vn@rudn.ru

Живков Никола – кандидат политических наук, независимый исследователь, Болгария. E-mail: nzhivkov1992@gmail.com

Живков Николай – доцент, независимый исследователь, Болгария.

Карпов Анатолий Викторович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: anvikar56@yandex.ru

Логинава Наталья Анатольевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: n_a_loginova@mail.ru

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета. E-mail: v.mazilov@yspu.org

Няголова Марияна Димитрова – кандидат психологических наук, доктор, доцент кафедры психологии Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия. E-mail: nyagolova@mail.bg

Семенов Игорь Никитович – доктор психологических наук, профессор, профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета. E-mail: i_samenov@mail.ru

Серова Ольга Евгеньевна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии одаренности, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований. E-mail: s_olga953@mail.ru

Чеснокова Милена Григорьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: milen-ches@bk.ru

Научное издание

**ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА**

Редактор *Ж.В. Медведева*
Технический редактор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *М.Н. Закиной*
Дизайн обложки *И.А. Черновой*

Подписано в печать 20.02.2025. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 300 экз. Заказ 166

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-61. E-mail: publishing@rudn.ru

Для заметок
